

М.В.ПОПОВ

ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Санкт-Петербург

Издательство Политехнического университета

2010

УДК 930.1:1, 930.2

ББК 87. я 73

П58

Попов М.В. Лекции по философии истории. /

М.В. Попов. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010 — 236 с.

В предлагаемой вниманию читателя книге представлены лекции по философии истории, читаемые профессором кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета М.В.Поповым.

Автор понимает философию истории как применение философии, являющейся наукой о всеобщих законах мышления, общества и природы, к истории, изучающей современность как результат предшествующего развития человечества.

Особенность курса лекций в том, что в нем излагается в применении к историческому материалу разработанный Гегелем и материалистически истолкованный и развитый диалектический метод. Изучение материала настоящей книги поможет тем, кто самостоятельно изучает диалектику по «Науке логики» Гегеля и пытается применять диалектический метод в теории и на практике.

© Попов М.В., 2010

ISBN 978-5-7422-2694-9

© Санкт-Петербургский государственный
Политехнический университет, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы должны строго различать гегелевскую философскую систему и систематически разработанную и представленную Гегелем в «Науке логики» диалектику. Есть гегелевская система, а есть гегелевская диалектика. Гегелевская система объективного идеализма есть нечто *особое*, преодоленное в дальнейшем развитии философии, а *гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики* и носит *всеобщий* характер. При этом до ее всеобщего освоения и усвоения еще очень и очень далеко.

Уж какое официально высокое место занимала гегелевская диалектика в Советском Союзе — и издавали «Науку логики» больше, чем в любой другой стране мира, включая родину философа — Германию, и величали одним из источников марксизма как официальной идеологии — все равно, как правило, учили диалектику не по Гегелю, то есть не учили, а если учили, то не диалектику.

В постсоветской России дела с изучением диалектики обстоят еще хуже. Философия все больше сводится к изложению мелкотравчатых философских концепций, к философствованию, то есть к рассуждениям, имитирующим философию. И не только потому, что многие философы стремятся не затрагивать крупных общественных проблем, боясь сунуть нос в кипяток жизни, а еще и потому, что современным методом решения серьезных проблем — диалектикой — не овладели. И те, кто не забрался на Монблан гегелевской диалектики, вынужден бродить в гнилом болоте предгегелевских и послегегелевских низин.

Что же нужно делать? Не бороться за чистоту, а подметать, не ходить вокруг «Науки логики» Гегеля, как ходит кот вокруг горячей каши, а смело браться за изучение, за штудирование и материалистическое истолкование диалектики Гегеля. Другого систематического изложения диалектики не дали ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, и единственным компендиумом диалектики, взятой как диалектика мысли, как Логика остается «Наука логики» Гегеля. Это одно из гениальных произведений, написанных раз навсегда. Как Аристотель раз навсегда дал систему формальной логики, так Гегель дал человечеству раз навсегда систему логики диалектической. А применение ее для разработки диалектики конкретных наук — дело, осуществимое лишь для тех, кто усвоил диалектическую логику как таковую.

Но «Науку логики» трудно изучать. А разве формальную логику и построенную на ее основе математику легко изучать? Тем не менее, человечество смирилось с трудностью изучения формальной логики ради тех плодов, которые это изучение дает. Должно оно смириться и с трудностью изучения диалектической логики ради тех плодов, которые уже дало, дает и может дать изучение диалектики, позволяющее постигать всеобщее не как только абстрактное, а как такое абстрактное, которое включает в себя все богатство конкретного.

Да, это трудно. Но, как известно, в науку нет широкой столбовой дороги, и только тот сможет достичь ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

Автор благодарит за помощь в подготовке этой книги В.И.Галко, В.Д.Астахова, О.Ю.Озерову, И.М.Герасимова, С.М.Шульженко и коллектив кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета.

1. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Что такое философия истории? Это история или философия? Это философия применительно к истории. Что значит философия применительно к истории? Давайте вспомним, что такое философия. Философия изучает наиболее общие законы природы, общества и мышления. А раз они наиболее общие, то есть всеобщие, то они применяются во всех науках и во всех науках надо их различать. И в предмете каждой науки, и при каждом исследовании наряду с единичным, с которым нередко имеют дело историки, и с особенным, которым тоже приходится заниматься, надо выявлять всеобщее и видеть его, потому что всеобщее есть в каждом единичном.

Вот все мы здесь собрались, что у нас общее? В чем мы равны? Хотя бы в том, что все мы люди. В то же время мы не равны, потому что мы разные люди.

Это изучение всеобщего может показаться делом как бы далеким и не вполне нужным для конкретных исследований, но это только так кажется. Раз кажется, значит, это лишь кажимость, видимость. На самом же деле речь идет о всеобщем, которое вбирает в себя все богатство конкретного.

Научный метод состоит в том, чтобы объяснять сложное через простое, а не простое через сложное. Ведь сложное — это сложенное из простых. Приведу пример из математики. Можно ли потребовать объяснить через более простые понятия, что такое точка? Прямая? Плоскость? Это вот так бедных студентов забивают, потому что на самом деле это неопределяемые понятия. Это самые простые понятия в математике, как же их можно определить? Определять надо сложное через простое, потому что сложное — это сложенное из простых, а проще точки, плоскости и прямой ничего нет. Поэтому определение точки, прямой и плоскости не дают.

Так в математике. У нас сейчас наука — не математика. Логика не формальная, а диалектическая. Хотя, я думаю, что люди обычные пользуются формальной логикой и только ею. Но в историческом исследовании мы изучаем исторические процессы и явления. А что такое исторический процесс? Исторические процессы — это те явления, которые изменяются, да? То есть какое-то меняющееся бытие, изменяющееся нечто. А что значит изменяющееся нечто? Изменяющееся нечто — это нечто, которое равно самому себе, и в то же время это то, которое не равно самому себе. Если оно только равно самому себе, то оно не изменяется.

Вот скажем, вы сидели, слушали лекции, я вам читал, и вот, представим, что вы, как были равны самим себе до начала лекций, так и по окончании их остались равными самим себе. Но поскольку я диалектику изучал, я не буду в таком случае говорить, что вы плохие, а скажу, что это я такой преподаватель, что студенты у меня после прослушивания лекций остаются равными самому себе. Поэтому в порядке самокритики я должен подумать, как донести эту идею изменяющегося нечто до тех, кто изучает изменяющееся. А ведь историки только изменяющееся и изучают. Нет, они могут, конечно, сказать, что что-то было тогда-то в таком-то году, но это будет просто мгновенная фотография изменяющейся исторической действительности, а нам-то нужно показать изменяющуюся действительность, исторические процессы. Тогда приходит мысль о том, что надо понимать изменяющееся нечто как не равное самому себе. Но если оно только не равно самому себе, то его и нет. Вот один предмет не равен другому, так это просто разные предметы.

Иногда бездумно ссылаются на древних диалектиков, на Гераклита, дескать, он говорил, что нельзя два раза войти в одну и ту же реку. Так он же говорил *в одну и ту же*, а если мы разные реки возьмем, то тогда бессмысленно это выражение. Можно в Оку войти,

можно в Волгу. В чем смысл высказывания, что нельзя два раза войти в одну и ту же реку? В том, что вы входите каждый раз в разные реки? И что? В чем здесь мысль глубокая, которую надо пронести через две тысячи лет? Ни в чем. Нет здесь никакой диалектической мысли, если мы при этом не предполагаем, что мы два раза входим в одну и ту же реку, но эта река уже не та.

Я могу и другой, близкий пример взять. Вот вы прослушали лекцию, и так вам это всё понравилось, будем предполагать, что мне удалось так здорово прочитать лекцию, что вы стали совсем другими в плане изучения философии истории. Ну, а раз вы стали совсем другими, то там у выхода уже стоят столы, и за столами сидят люди, которые выдают всем прослушавшим лекцию новые паспорта с новыми фамилиями... Раз вы стали совсем другими. Значит, при этом все же вы остались теми же самими.

Попытка выразить в понятиях изменение заставляет обратиться к оперированию с более общими или всеобщими категориями. То, что характерно для формальной логики, может быть выражено таким законом формальной логики: A равно или A , или не A ; либо A , либо не A , третьего не дано. Вот что мы предполагаем в формальной логике, ну и, соответственно, в математике, которая построена на формальной логике. Есть или A , или не A , третьего не дано. Ну, а что говорит диалектика? А диалектика говорит, что A в одно и то же время есть A и не A . То есть совсем другой закон мышления, диалектического мышления, которым, увы, человечество на данном этапе развития в своем большинстве не овладело. Поэтому вся надежда только на присутствующих и самостоятельно изучающих «Науку логики» Гегеля.

То есть оказывается, что самые простые вещи: изменяющиеся явления, изменяющиеся нечто, изменяющееся бытие нельзя изобразить, нельзя описать, нельзя выразить и понять без диалектики.

С точки зрения философии понять значит выразить в понятиях. А если я понимаю, хочу вам передать и преданно на вас смотрю, как собака преданно смотрит на хозяина, но в понятиях выразить не могу, то, значит, я не понял. И дело совсем не в том, что у собаки гортань не приспособлена для выражения понятий. Вон попугай, у него гортань устроена так, что он может говорить, но он только повторяет, что ему скажут, а понять не может. *Понять — значит выразить мысль в понятиях.*

Выразить изменение в понятиях невозможно, если мы не будем стоять на позициях диалектической логики. Но поскольку с этим у нас дело обстоит плохо, я хочу сказать, что в этих лекциях я главные усилия собираюсь потратить на то, чтобы, руководствуясь диалектической логикой, представленной в «Науке логики» Гегеля, сосредоточиться на движении от наиболее простых ко все более сложным диалектическим категориям применительно к тем проблемам и задачам, которые стоят перед историческим исследованием, чтобы вы могли этим пользоваться.

Это будет и вам интересно, потому что это будет для вас ново и малоизвестно, и мне интересно, потому что для меня это тоже ново, хотя и известно. А про известное гениальный немецкий философ, который выработал систему диалектики, Георг Вильгельм Фридрих Гегель сказал, что известное еще не есть оттого познанное. Более того, раз это известно, особенно если с детства, то кто же будет слушать то, что и так уже всем известно и кто будет заниматься столь скучным делом, чтобы изучать то, что известно. Это может вызвать нетерпение, протест и возмущение. И именно мимо известных вещей люди проходят.

Можно привести совершенно конкретный и очень простой пример. Вам известно, какие у нас монеты? Известно, что там две стороны и что изображено на каждой стороне монеты? Ну, скажите, что на

одной стороне нарисовано, что на другой? Обратимся к той стороне рублевой монеты, где единичка. Там еще написано 1 рубль, и что там еще нарисовано? Травка какая-то. Замечательно. А как вы думаете, как историки, скажите, что раньше рисовали на деньгах? То же самое? Нет, колосья как символ богатства. А в 1992 году — с левой стороны — колосья, с правой — дубовую ветвь. Народ стал вымирать. Но сейчас травка растет на многих полях. Вы же знаете, как сократились посевные площади. И художники, которые не задавались такой задачей обязательно рисовать вьюнок, но они нарисовали сорняк, а не символ богатства — хлеб, который всему голова. А ведь раньше, в советское время, на деньгах рисовали не сорняк и не просто колосья, а могучие снопы хлеба. Говорят, у нас с экономикой и сельским хозяйством дела обстоят хоть и хуже, но мы набираем обороты. Наверное, скоро будут снова рисовать колосья, будем надеяться, наступит такое время, когда снова будут рисовать снопы.

Давайте еще присмотримся к известному, а что еще более известно, чем деньги? Что написано на бумажках, которые у нас в кошельках? Билет Банка России. Чем отличается билет Банка России от действительных денег? Тем, что это бумажка, представляющая деньги. А где деньги, представителями которых являются раскрашенные бумажки? Деньги преспокойно лежат в банке. Ведь что такое деньги по определению? Деньги — это товар-эквивалент. Товар. А товар — это не бумажка, товар — это продукт, производимый для обмена. А если я не произвожу продукт для обмена, а вырастил огурцы, в банки закатал, открыл и с картошкой съел, это товар или нет? Нет. А если я на рынок понес эти же банки — товар. А товар-эквивалент — это тот, который все охотно берут. В свое время это были, товарищи историки, что было в качестве денег? В России шкурки пушных зверей. Медные были деньги. Потом стали рубить серебро, отсюда название рубль. Историческое происхождение имеет и название английской

денежной единицы — фунт стерлингов. Ну, и, наконец, так получилось, что вдруг, когда сделали уже удобные золотые деньги, то оказалось, что пока они ходят в обращении, некоторые умудряются от них откусить хоть немножко. И это возмутило королей и они решили чеканить из золота монеты определенного веса. Но когда они начали чеканить монеты, они решили сами «откусывать». Напечатано, отчеканено на монете вот столько, а на самом деле в ней веса меньше, и ничего — функцию обмена эти монеты могут выполнять. Сейчас, говорят, монетизация происходит. А что такое монетизация — это значит, что откусывают часть богатства, а вид делают, как будто оставляют то же количество богатства. На известном историческом этапе решили, что и вовсе не обязательно для обращения именно монеты чеканить, выпускать в обращение деньги. Будем в банке хранить золото, а в качестве представителей денег в сфере обращения будем бумажки печатать. А если кто захочет, приходите со своими бумажками, мы вам золото дадим. Вот сейчас, если придут все народы со своими долларовыми бумажками в Соединенные Штаты Америки, они что сделают? Пошлют к наиболее настойчивым просителям авианосцы, чтобы они видели, какой могучей военной силой их деньги обеспечены. Так что за свои бумажки все в полной мере получить действительные деньги не смогут. Не вздумайте, дескать, вот так все вместе требовать. Вот вам дают иногда менять и хорошо. А если все понесут, то к ним самолеты полетят. Мы же историки. А как историки мы понимаем, что так просто такие вещи известные не решаются. Это известные вещи.

Вот мы и прошли по некоторым известным вещам. И вообще мы будем, сразу скажу, заниматься только как бы известным для всех. А что значит заниматься известным? Углубляться и приводить в некоторую систему. Вообще всякий человек, который накопил много знаний (у вас же их очень много, правда?) — он должен наводить в

своей голове порядок. Начнешь человека спрашивать, — у него в голове все есть, он начинает долго вспоминать, как будто бы достает со склада, где все лежит вперемешку и друг на друге.

Так как же нам наводить порядок? Нам нужно, возвращаясь к тому, что стоит целью нашей, познать, понять не такое всеобщее, которое было бы отделено от конкретного, особенного, от единичного, а такое всеобщее, которое вбирает в себя все богатство особенного. Чтобы мы могли знать, что у нас в голове есть, и знать, чего у нас нет, знать, что мы слабо знаем, и что нам надо еще изучать. И подходить с позиций понимания всеобщего к любому конкретному предмету изучения. При этом все мы изучаем что? Движение человечества. Вот почему Маркс и Энгельс говорили, что мы знаем только одну науку — науку истории. Одну науку, никакой другой науки нет. Это только кажется, что есть физика, химия, экономика, география и т.п. Физика — она для кого, для кошек изучается? А химия для кого? А экономика? И все наука истории берет в движении.

Говорят, что историки изучают то, что было. Это высказывание можно переформулировать, для философов это ничего не стоит переформулировать. Что значит то, что было? То, чего сейчас нет? Вот сидят люди, которые изучают то, чего нет. Зачем же изучать то, чего нет? Давайте изучать то, что есть. А разве в том, что есть, нет того, чего уже нет. Разве в каждом нет его родителей, воспитания, которое они нам дали? А бабушки и дедушки, разве их в нас нет? Да и вся история человечества вошла в каждого, потому что каждый человек есть продукт обстоятельств и воспитания. И все, что было до него, — в нем. Человечество есть продукт всей предшествующей истории, поэтому лишь по видимости историки изучают то, чего нет. Ведь то, чего нет в непосредственной форме, есть в опосредствованной, имеется в снятом виде, то есть неявно заключено в современном человеке.

Историки, следовательно, изучают современность как результат предшествующего развития человечества.

Чем закончится наше с вами изучение? С одной стороны, закончится получением знаний, с другой стороны, нужно будет прийти на экзамен. Некоторые придут сдавать. Придут, принесут, не расплескав, знания, сдадут их и свободными от знаний уйдут. Другие придут не сдавать, а держать экзамен, придут на экзамен со знаниями, проверят свои знания и, укрепившись в этих знаниях, пойдут дальше, в жизнь. В каком-то смысле экзамен — более важное дело, чем лекция, потому что на лекции те, кто слушает, — это потребители знаний. А на экзамене студенты воспроизводят знания, а слушающий экзаменатор выступает как потребитель, он ничего тут не производит, он сидит и слушает, что ему скажут, и работает только как контролер-дегустатор.

Хочу сразу сказать, что экзамены по философии истории студенты исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета сдают замечательно, я просто поражен. Лучше, чем некоторые философы. Приходит девушка и говорит, что прочитала «Науку логики» Гегеля. Сначала не понимала, потом поняла. У нас таких мало, кто сумел прочитать, а девушка прочитала и поняла. Я начинаю проверять, действительно понимает. Ну, просто красота.

Или другой пример. На лекциях такой молодой человек сидел, все внимательно слушал, записывал. Я у него спрашиваю на экзамене, какой вопрос вы выбираете для ответа? Вот молодой человек, который очень хорошо занимался, выбрал себе вопрос о том, что такое свобода. Вы знаете, что такое свобода? Будем считать, что знаете. И вот он мне отвечает, на листике написал, что свобода — это осознанная необходимость. Ну, я, естественно, спросил, а кто это сказал? — Это Энгельс сказал. Ну, хорошо. А это определение свободы или суждение о ней? — Это определение. Определение? Вот я украл тысяч

сто, чтобы сесть лет на семь, и сижу. Сижу я год, сижу два. Когда сидишь, как раз есть время подумать не только над планом работы какой-нибудь, но и над тем, что я сделал правильно, что сделал неправильно. И вот я за два года осознал, что вообще-то правильно меня посадили, потому что сделал я нехорошо, совершил преступление, и правильно меня наказали. Осознал, стало быть, необходимость. Выходит, что я теперь пять лет свободный сижу, потому что я осознал необходимость, раз свобода — это осознанная необходимость. То есть два года я сидел в тюрьме и был не свободен, а теперь еще пять лет я буду сидеть, но свободен, потому что я осознал необходимость. Это вы имеете в виду под свободой? Интересно. А чего люди как-то по-другому понимают? И тут заходит девушка с мороза. Я ее сходу и спрашиваю, а вот вы знаете, что такое свобода? Она говорит: «Конечно, свобода — это господство над обстоятельствами со знанием дела». Я говорю молодому человеку: вот видите, как надо отвечать, и ставлю девушке «отлично» в зачетку.

Кстати, с помощью диалектики легко научиться сдавать экзамен. Вот, допустим, вы ничего не знаете о том, что надо рассказать, а вас спрашивают, что вы знаете об этом? Вы ничего не знаете, но нужно незнание превратить в знание. Что вы знаете об этом? Надо гордо ответить, что оно (то, о чем спрашивают) есть. А еще что? — Но ведь мы договаривались только об одном вопросе.

Сейчас мы в начале курса. А что такое начало? Это всем же известно, да? Всем? Есть такие люди, которые не знают, что такое начало? Вот вы начали работать над дипломом. Начало это — что? А, не знаете. Это просто пример того, что если начнем выявлять, как получили мы свои знания, что в университете получили, что в школе, а что-то в детстве и у нас еще сохраняются детские представления по некоторым вопросам. А кто это будет в школе объяснять, что такое начало? Это только здесь, в университете начинают объяснять

такие вещи, которые в детстве объясняли, а иначе так можно с детскими представлениями дожить до глубоких седин. *Начало*, объясняю, — это неразвитый результат. Мы начинаем то, что собираемся получить, правильно?

Возьмем пример с дипломной работой. Что здесь будет ее началом? Ясно, что — это неразвитая дипломная работа. Вот она у вас уже есть, если вы написали титульный лист. Научить вас начинать работать с дипломной работой? Берешь лист бумаги, пишешь фамилию, имя, отчество, все в состоянии написать? Все. И крупно пишешь предполагаемую тему. Если знаешь, указываешь научного руководителя. Внизу пишешь город и соответствующий год. Сверху пишешь: Министерство образования и науки. Тем самым и начало вашей дипломной работы есть. То есть имеется дипломная работа в неразвитом виде. Можно написать название вуза и факультета и затем уже идут фамилия, имя и отчество. Кто не может этого сделать? Все могут сделать? Это будет ваша дипломная работа как целое или как часть? Это целое. Но неразвитое целое. А развитое целое будет уже законченной дипломной работой. Развитие идет от целого к целому или от части к целому? От неразвитого целого к развитому целому. Некоторые же, не видя целого, пишут сперва первую главу, и непонятно, что это за движение: от ноги к голове или от печенки к селезенке? Разве можно писать так? Надо взять целое неразвитое, но крепкое. Вспомните, как ребенок развивается из одной клетки, потом появляется зародыш, он даже некоторым не нравится, некрасивый такой, да и рождается человек как маленький сморщенный старичок, а потом идет, идет, идет его развитие как движение от простого к сложному и получается прекрасный человек. Это результат развития. А результат что такое? *Результат — это развернутое начало*. Они друг через друга определяются, иначе никак не определить.

Отсюда и метод работы над дипломом диалектический. Вот у вас целое, второе целое какое? Второе целое — это, значит, второй лист берем и пишем там введение и название глав. Сколько глав у вас будет в дипломе? Пишем пока две. Придумаете три — порвете лист, где две, и напишете три. Дальше что вы будете делать? Начнете обдумывать названия глав, и выяснится, что такие названия глав не подходят. Идете к научному руководителю и вместе с ним рвете лист с названиями глав, а, может быть, заново пишете лист с новой темой. Потому что студент может не знать заранее, как точно формулируется тема, если он впервые работает над дипломом. Это же новое, а про новое никто не знает, каким оно будет, так что это нормальный, естественный процесс. Дальше вы начнете разворачивать свои главы и параграфы и выяснится, что главы не те или параграфы надо по-другому формулировать или тему надо опять менять. И, наконец, когда у вас есть главы и параграфы, то у вас есть скелет дипломной работы. Всем нам на уроках анатомии его показывали. Человек, взятый лишь как скелет, какой-то несимпатичный, им даже пугают. Но он есть, причем у каждого живого человека, и это никого не пугает, поскольку на скелете расположены мышцы, и тело обтянуто кожей. Поэтому нельзя останавливаться на скелете. Когда у вас уже есть параграфы, то надо в каждом параграфе иметь хотя бы семь пунктов. Почему семь? У вас в параграфе будет начало и конец. В начале — движение от одной мысли к другой мысли. Это два пункта. В конце — тоже движение от одной мысли к другой. Это еще два пункта. И хоть три пункта должно быть на развитие темы параграфа? Два, два, да три — получается семь. Ну, а дальше, когда в каждом параграфе будет не менее семи пунктов, тезисы будете писать. Что такое тезисы? Кратко выраженная, неразвитая мысль. Когда каждый пункт будет развернут в тезис, можно приступать к написанию текста с использованием того, что можно почерпнуть в библиотеке. Это подход диа-

лектический, о котором мы будем вести речь постоянно, он нужен везде, в том числе и в той непосредственной работе, которой вы занимаетесь, потому что история написания дипломной работы — это тоже история. Вначале неразвитый результат, затем движение от неразвитого целого к более развитому целому и, наконец, развернутое начало, то есть результат.

Польза изучения данного курса и в том, чтобы получить метод для обобщения того материала, который у вас уже накоплен. А для этого нужно некое философское обобщение, поскольку философия — это и есть наука о всеобщих законах общества, природы и мышления. Всеобщие законы общества — это что такое? Это входит прямо в предмет истории. Законы мышления непосредственно вроде бы не входят. Но поскольку изучаемые философией всеобщие законы едины для мышления, общества и природы, постольку можно по-разному подходить к их изучению. Сразу скажу, что мы в этом курсе будем подходить к изучению всеобщих законов природы, общества и мышления через изучения диалектики мышления. Раз это всеобщие законы, можно с этой стороны подходить.

Кто-то идет от законов природы, кто-то — от законов общества, а можно идти от законов мышления, разработанных и систематически представленных гениальным немецким философом Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем в его книге «Наука логики», которую вам очень рекомендую. Тот, кто будет ее изучать, будет испытывать большие трудности. Некоторые из моих коллег, очень способные, читают и говорят: «Да, Михаил Васильевич, если бы вы мне не сказали, я бы, наверное, перестал бы ее читать». У некоторых читателей гегелевской «Науки логики» такое впечатление, что либо читающий — дурак, либо Гегель — дурак. Но Гегель умер. Поэтому вывод делается, что книгу надо отложить. Но если вы возьметесь серьезные математические книжки читать, ведь будет то же самое. Тоже скажете ав-

тор — дурак? То есть я хочу сказать, что от трудностей никуда не уйдешь, если речь идет о чем-то серьезном и большом. Освоение великого требует большого труда, но этот труд вознаграждает сторицей.

Говорят, что «Науку логики» надо не просто изучать, а штудировать, то есть читать не раз и к непонятным местам многократно обращаться. Тогда сначала непонятное становится менее непонятным, потом еще менее непонятным, а потом немножко понятным, потом более понятным, и вот, наконец, человек начинает этим овладевать. И тогда становится совершенно ясным то, что до этого казалось какими-то изысками, относящимися к каким-то необыкновенным проблемам. Но мы уже сегодня убедились, что, казалось бы, такую простую вещь, как *изменение* нельзя изложить без диалектики, потому что, если мы будем говорить, что A равно A и не скажем, что еще и A не равно A , то к пониманию изменения мы не подойдем. То есть даже самые элементарные вещи вроде изменения нельзя без диалектики изложить. И я буду стараться помогать изучать эту самую диалектику, потому что она нужна не мне, хотя она мне тоже нужна, а прежде всего тем, кто хочет обобщить свои знания, исследования и кто хочет построить систему, построить научную систему.

Наука — это что такое? Все же знают, что такое наука? Всем это известно? Что такое наука? Это хорошо, что вы задумались. Человек задумался на пятом курсе, что такое наука. И что такое наука, товарищи молодые ученые? Наука — это система знаний. А вот если я наберу всякие сведения по медицине, например, если *тó* заболело — это принимать, если это заболело — *тó* принимать, это будет медицина? Это будет наука? Нет. Это будет набор полезных сведений. Вот я сейчас сообщу, что завтракать полезно. Это научное знание? И ужинать полезно. Или ужин отдать врагу? Это уже будет историческое знание, что обед съешь сам, а ужин отдай врагу, но это все равно в науку не входит. То есть всякие правильные сведения, но не

приведенные в систему, науку не образуют. А что такое система знаний? Система знаний начинается с начала, которое есть неразвитый результат, и представляет собой логическое движение к результату, который есть развернутое начало. Нужно, чтобы вы пошли от неразвитого целого и пришли к развитому целому. Это очень трудно сделать. Это сделал Гегель в «Науке логики», это сделал Маркс в «Капитале». Поэтому книги эти и являются гениальными, продвигающими человечество вперед и содержащие истинные знания, добытые раз навсегда.

Почему можно изучать всеобщие законы природы, общества и мышления через законы мышления? Во-первых, потому что мысль отлагается и проявляется прежде всего в языке. Вот даже если мы про себя что-то подумали, нам все равно надо это выразить в какой-то языковой форме, правильно? Некоторые думают, что они могут думать без слов. Вы никогда не пробовали думать без слов? Вы можете мысль без слов сформулировать? Если бы даже это было возможным, передать другим людям эту мысль без слов невозможно. Мы не можем передать мысль, если мы не выразили ее в человеческой форме, потому что человеческая форма — это та форма, в которой мысль можно от одного человека передать другому. А раз не в человеческой форме, то это и не знания. Не знания и не мысль. Хоть и кажется иногда, когда на вас преданно смотрит домашнее животное, что у него есть мысль, что ему надо дать поесть, это не мысль, а лишь желание и хотение. Или когда грозно на вас смотрит, значит, вы не дали ему поесть. Это понятно. Но это не выражено в понятии, поэтому это не мысль. Понять. Что такое понять? Вы хотите понять, я хочу понять смысл этого исторического события. Что значит понять? Выразить в понятиях, то есть выразить в такой форме, в которой я могу эту мысль любому человеку передать, сделать доступной для всех других людей, то есть во всеобщей форме.

Мысли прежде всего отлагаются и проявляются в языке. Во все, что человек понял, усвоил, сделал своим, проник язык. И вообще есть три формы постижения мира. Есть такая работа у Гегеля, которая называется «Феноменология духа», очень непонятная работа и я ее даже не рекомендую читать, в том смысле не рекомендую, потому что если уж читать Гегеля, то прежде всего надо прочесть самый главный и гениальный его труд — «Науку логики». Это единственное произведение, где в систематизированном виде изложена диалектика. Но прежде чем подойти к систематической разработке диалектики, Гегель изучал различные формы постижения мира и в «Феноменологии духа» сделал вывод о существовании трех форм постижения мира: религиозной, в образах и в понятиях.

Первая форма — постижение мира религиозное. Вот если возьмете Библию, разве там нет результатов познания? Там все расписано. Там расписано, на какой день что Бог создал. Правда, там есть кое-какие вопросы спорные. Сначала Бог говорит, что вы не должны вкушать от древа добра и зла, чтобы вы не были как мы, как Боги, то есть люди не должны знать, что добро и что зло. Бог так задумал сделать людей, чтобы они не знали, что добро, а что зло. Жили бы, как живут другие животные. А они взяли и нарушили эту заповедь — вкусили яблоко с древа добра и зла. А бог обещал им, что тогда они умрут, но обещания своего не сдержал. Если нарушите, тогда вы умрете, говорит Бог. Но немножечко тут обманул первых людей, потому что не умерли Адам и Ева. Бог заменил им наказание. Вместо смертной казни — принудительные работы, причем объявил, что страдать будут не только виновные, но и их дети, дети их детей и все их потомки. Библию как источник исторических познаний все уважают, но ни в одном законодательстве мира не прописано, чтобы дети отвечали за родителей. Родители — другое дело, они отвечают за воспитание детей. Но вот отвечать за родителей и прародителей, — это толь-

ко в Библии, хотя нет-нет, да и проявится у враждующих кланов варварский обычай вырезать потомков своих врагов. Религия является фантастическим отражением бытия людей, но это фантазии догматические. Если ты поверил в бога, но не поверил в какие-то догматы, то берегись — объявят еретиком. Что такое догмат? То, что истиной объявляется без доказательств. А вот кто будет против, тот еретик. Вы — против, значит, вы — еретик. Сейчас, конечно, не средние века, в средние века вас бы, конечно же, сожгли или меня сожгли за то, что я сейчас сказал, то есть кто-то должен сгореть, а другие должны рукоплескать. Но это форма постижения мира или нет? Посмотрите, как мы похожи на бога, недаром некоторых людей объявляют не просто подобными, а преподобными богу. Это что такое? Мы же знаем, что такое подобие треугольников. А есть преподобный Михаил. А что такое преподобный? Очень похожий. На кого? На Бога. А можно считать и наоборот, что Бог очень на нас похож. И Боги, и ангелы, они все похожи на людей. Я как-то расспрашивал одного священника, с которым ехал в поезде, откуда дьявол взялся? Все Бог создал хорошее, светлое, и вдруг появился дьявол. Бог все создал? Бог. Откуда дьявол? Священник был такой очень начитанный. Это, говорит, падший ангел. Но я все равно стал допытываться, отчего же Бог создал таких ангелов, что они падшими становятся? Он же все создавал хорошо. А священник мне отвечает: у вас ваша логика, а у Бога богова логика. На этом наша дискуссия и закончилась, потому что он покинул поле человеческой логики, и тут уж дальше спорить бессмысленно. Короче говоря, то святое семейство, которое изображается якобы присутствующим на небе, выражает нашу земную жизнь, и поэтому религия во многом содержит то, что называется постижением нашего мира. Вот, например, пришел Христос и выступил как революционер. Вот вы говорите, что в субботу не работаете, а если осел ваш в субботу упал в колодец, вы что, не вытащите осла? Или в Ветхом завете

написано, что надо все время мыть руки перед едой, сейчас тоже пишут, это всё из Ветхого завета идет. А Христос говорит, что если один раз не помыть руки, что будет? Что случится? И действительно, вот если вы все время моете, моете, один раз не помоеете, а вы привыкли, что у вас мало микробов, а у вас сразу будет в два раза больше микробов, то, может, и умрете сразу же. Поэтому, конечно, надо руки мыть, но не так уж усердствовать, чтобы вообще не было ни одного микроба. Ни одного микроба нет на американских окорочках, потому что кормят кур пенициллином. Обязательно добавляют на больших птицефабриках, чтобы не было массового падежа птицы. Представляете, сколько нужно положить пенициллина, чтобы не было ни одного микроба? Микроб даже не ест эти окорочка, а мы едим.

Вторая форма постижения мира — это постижение его в образах. Это художественное постижение. Вот вы пришли на выставку, посмотрели на эту картину, и вас потрясло. Потрясающая картина. У меня, говорит, нет слов, действительно нет слов, да они и не нужны для передачи образов от художника к зрителю или слушателю, если это не касается художественной литературы, драматургии или оперы. Потому что даже если у тех, кто разглядывает картину или слушает музыку, слова будут, то у всех слова будут разные. У одного — одно чувство вызвало, у другого — другое чувство вызвало. Но на картине все-таки что-то конкретное изображено. А если вы пойдете в филармонию и будете слушать даже программную музыку, то, как бы вы ни старались вникнуть в тот образ, который непосредственно имел в виду композитор, но композитор одно имел в виду, а у вас это светлое и хорошее вызывает другие ассоциации. И так я просветлился, пришел домой, что и первую страницу написал. Что дает постижение мира в образах? Передачу чувств без слов. Правильно? Без понятий. Какие нужны понятия? Правда, иногда пишут о философии в музыке, но это никакая не философия. Не надо приписывать музыкантам филосо-

фию, равно как и философам музыкальность. Это все равно, что я сейчас стал бы вам играть, но я играл только на горне, когда был в пионерском лагере горнистом, больше ни на чем. Горн считается музыкальным инструментом, могу сыграть два произведения неизвестных авторов «Бери ложку, бери хлеб» и «Спать, спать по палатам». Но я, с вашего позволения, не буду этим заниматься.

Третья, высшая форма постижения мира — постижение его в понятиях. А понятия до нас с вами существовали или нет? Мы пришли раньше понятий в этот мир или понятия человеческие уже были? Мы пришли в тот мир, где уже были понятия. Понятия — это, конечно, по форме нечто субъективное, то есть это плоды деятельности людей. Но эти плоды деятельности людей, содержащиеся в общественном сознании, исторически присутствовали до нас с вами. И мы, хотя нам хочется считать, что мы владеем этими самыми понятиями, скорее не мы владеем понятиями, а понятия владеют нами. В том смысле, что они были до нас, и мы уйдем из этого мира, а понятия останутся. Поэтому к понятиям надо относиться с большим почтением. И вот эти понятия образуют некое зеркало, некую картину мира. То есть, если мы возьмем понятия и связи этих понятий, то вот эти понятия в своей связи образуют самую общую картину мира. Но, естественно, в понятии не отражаются всякие мелочи, всякие случайности.

Возьмем, например, понятие дерева. Зеленое дерево, красное дерево, сосна, рябина — все в это понятие входит. Дерево — обобщение очень высокого порядка. А что такое обобщение высокого порядка? Это закон, который определяется в диалектике как спокойное в явлении. *Закон есть спокойное в явлении.* Вот спокойное во всех деревьях — это дерево. И дуб — дерево, и сосна — дерево, и осина — дерево, и яблоня — дерево, и груша — дерево, все это деревья. То есть это высочайшее обобщение. И вот если мы установим связь между этими высочайшими обобщениями, у нас будет картина

мира, то есть отражение объективной действительности, причем отражение в самом главном и основном. Вот посмотрите, вы едете на маршрутке, водитель же не поворачивает головы, чтобы посмотреть, что там сзади, а он смотрит в зеркало. Аналогично этому, если мы хотим через мышление, через логику изучать всеобщее, всеобщие законы природы, общества и мышления, но через мышление, то мы можем смотреть вот в это зеркало, то есть наверх, на общественное сознание, точнее на понятия и взаимосвязи и взаимопереходы между ними. Хотя все другие науки, кроме логики и математики, смотрят вниз, на природу и общество. Это история, география, биология, физика, химия и т.п.

Лишь одна математика никуда не смотрит, делает вид, что никакого отношения к этому миру не имеет, но потом выясняется, что математика коренится в этом мире и без ее формул корабли не плавают, самолеты не летают, но она изображает, что, дескать, ее это не касается. И все результаты, которые имеет математика, достигнуты за счет использования разработанной Аристотелем формальной логики. Если мы примем, что A может быть или A , или не A — это будет формальная логика, а если мы скажем, что A в одно и то же время и A , и не A — это будет диалектическая логика. То есть мы снимаем одну предпосылку и ставим другую.

Можно провести аналогию с существованием двух геометрий. Что гласит одна из аксиом евклидовой геометрии? Что через одну точку можно провести только одну прямую, не пересекающуюся с данной. А если утверждается другое, что через одну точку можно провести сколько угодно прямых, не пересекающихся с данной, это будет геометрия Лобачевского. А история была такова. Венгр Бойяи, Гаусс и Лобачевский задумались над тем, что две тысячи лет люди пытались и не смогли доказать ни того, что утверждение о множестве прямых, не пересекающихся с данной, неверно, ни того, что это вер-

но. Почему это не получается? И вот некоторым ученым стала приходить мысль, что ни первого, ни второго нельзя доказать и что, видимо, надо просто взять другую аксиому и поставить на место прежней. И вот Гаусс испугался, что если он такое опубликует, то его отвергнет весь научный мир и не опубликовал, поэтому говорят, что он до этого дошел, но поскольку это не выражено в понятиях, то не он открыватель и не первооткрыватель. Это просто миф. А вот венгр Бойяи тоже очень боялся, если он это скажет, но поскольку дело уже было не в средние века, наверное, не сожгут, но могут лишь подвергнуть ostracism, решил свои мысли опубликовать в качестве приложения к книге своего отца. Когда же книга была опубликована, он узнал, что задолго до этого опубликован большой труд русского математика Лобачевского, в котором систематически разработана новая геометрия. Поэтому первооткрывателем другой геометрии является Николай Иванович Лобачевский. Его именем назван Нижегородский государственный университет. И так же, как существуют две геометрии, Евклида и Лобачевского, существуют две логики — формальная логика Аристотеля и диалектическая логика Гегеля.

Таким образом, вопрос о понятиях, об исследовании понятий, об овладении не только формальной, но и диалектической логикой, очень сложный вопрос, но его решение облегчает жизнь, потому что в понятиях уже все отточено, все ненужное отброшено человечеством, нам они многое дают уже готовым, берите только связи и взаимодействия понятий, и вы получите всеобщие законы природы и общества. Но понятно, что надо будет не отдельные определения брать, а связь понятий одного с другим, проследить, как одно связано с другим. В связях и логических переходах понятий, в том числе в противоположные им, состоит весь смысл диалектики как всестороннего учения о единстве и борьбе противоположностей. И нет никакого другого произведения для систематического изучения диалек-

тики как таковой, кроме произведения Гегеля «Наука логики». При этом есть сколько угодно написанных про диалектику книг, но есть только одно систематическое изложение диалектики — в «Науке логики» Гегеля. Формально говоря, у Гегеля еще два изложения есть. Есть «Философская пропедевтика» в «Работах разных лет», там все для детей рассказано правильно, но ничего не доказывается. Есть, по сути дела, учебник для вузов — так называемая малая «Логика», в «Энциклопедии философских наук», изданная, когда Гегель был уже профессором. В малой «Логике» в связи с ее размером некоторые связи и переходы только намечены, но не раскрыты или раскрыты неполно, и изучать по ней диалектику труднее, чем по большой Логике, как еще называют «Науку логики». Ведь главное в диалектике — движение и переходы понятий.

Большую Логика Гегель написал, когда был директором Нюрнбергской гимназии. В ней три книги. «Учение о бытии» и «Учение о сущности» образуют объективную логику, «Учение о понятии» выступает как субъективная логика.

Следить за тем, как одно переходит в другое и брать в единстве противоположности, конечно, трудно. По поводу гегелевских диалектических триад даже анекдот есть. Приехал в деревню философ, вроде меня. Его дед встречает и спрашивает, ты кто такой? — Я философ. А чем занимаешься? — Диалектикой. Что такое диалектика? — Ну, дед, что ты спрашиваешь? Нет, говорит дед, мы люди образованные, в школе занимались, книги читаем, телевизор смотрим, радио слушаем, а ты как образованный человек должен нам объяснить. Ты зачем образование получал? — Ну ладно, говорит философ, объясню. Вот баня есть у вас в деревне? Есть, и мужское, и женское отделения. — Хорошо. Вот идем мы с тобой в баню, ты грязный, я чистый. Кому надо мыться? Дед говорит: «Ну, ясно, я грязный, мне надо мыться». — Нет, дед. Я чистый, мне чистоту поддерживать надо, а ты все рав-

но грязный, чего тебе мыться? Понял дед? Дед говорит: «Сильная у вас диалектика. Понял, чего тут не понять». — Так вот это — *тезис*, запомни, дед. Но это, дед, не все, идем мы с тобой второй раз в баню, ты — грязный, я — чистый. Кому мыться? «Да понял я вашу диалектику, — говорит дед, — Ты чистый, тебе чистоту поддерживать надо, тебе надо мыться, а мне чего мыться, я грязный». — Нет, дед, что ты мелешь? Посмотри на себя, ты же грязный. Тебе надо мыться, а мне то чего мыться, я чистый. Понял дед? «Понял». — Вот это, дед, *антитезис*. Но это не все, дед. Третий раз мы идем с тобой в баню. Ты грязный, я чистый. Кому мыться? Дед говорит: «Ничего не понимаю». Вот, дед, это и есть диалектика — *синтезис*. Это прогресс в движении к диалектике, если необходимость про одно и то же высказать противоположные утверждения, отражена даже в анекдоте.

Диалектика требует, чтобы об одном и том же предмете одновременно были высказаны противоположные утверждения, но высказывать их приходится последовательно одно за другим, и тут уж ничего сделать невозможно, поскольку такова сама форма языка и форма изложения. Вы можете всякую книгу и то, что у вас написано в тетради, выложить в одну строчку. При написании всё, что вы можете, — это распределять, планировать и излагать одно за другим. И вам приходится сначала это сказать, а потом противоположное сказать. Хотя, может, вы и хотите думать, что здесь и то, и другое, но это одновременно выразить не получается. Поэтому логика различает *тезис*, *антитезис* и *синтезис*, философия различает правильность, достоверность и истинность. Вот вы правильно сказали, чем занимается наука. Так вы в науке истины будете добиваться или ограничитесь правильностью? Есть понятие правильности. Если суждение правильное, значит и правильность. Но если два противоположных суждения должны быть, чтобы раскрыть противоречие, то правильны два прямо противоположные суждения.

Все противоречиво. Или есть что-нибудь непротиворечивое? Тут есть какие-нибудь хорошие люди, у которых нет недостатков? Поднимите руки, у кого нет недостатков. Столько людей с недостатками. Ужас. По этому поводу тоже есть притча. Христос идет и видит: собрались евреи и побивают камнями грешницу. А он к ним подходит и говорит: «Кто без греха, тот пусть бросит в нее камень». Никто не бросает. Никто не бросил никаких камней, никто руку не поднял. Вдруг слева летит камень. Христос поворачивается и говорит: «Мамочка, ну сколько раз я просил, когда я работаю, не надо мне мешать».

Запомним, что правильность может быть отнесена к каждому суждению из двух противоположных. Нередко берут исторический период и начинают выяснять, какие там были негативные процессы. Это будет правильно? Правильно. Давайте будем записывать, что в этом периоде было негативного. Дескать, было такое? Было. Давайте запишем. Так можно представить в негативном свете какой угодно период. Возьмем, например, петровский. Можно расписать, как виллици плыли по Волге, сколько народу полегло при строительстве Петербурга. Славный город, давайте будем сохранять, как памятник погибшим при его строительстве крестьянам. А можно другую правильность написать, что Петербург — это великолепное творение, город мечты, красивейший. Сравниться с ним может только Париж и так далее. Но это все правильности. А если проверить факты и подтвердить документами, это уже будут не просто правильности, а достоверности. А истина-то какова? Можно ли выразить противоречивую жизнь одним утверждением, не приняв во внимание противоположное ему? Нет, никак нельзя. Поэтому то, что выражается одним утверждением, это лишь правильность как синоним односторонности. С одной стороны, были такие вещи. Были такие вещи. А противоположные были? И противоположные были. А если отсюда

два факта возьму, отсюда три противоположных, это было? Было. Правильно? Тоже правильно. А отсюда четыре позитивных факта, отсюда семь негативных, тоже было, и так далее. Тогда через эту правильность пойдет произвол. И тут не поможет такая категория, как достоверность. Давайте проверять. Вот вы руку поднимали? Сейчас проверим, есть у вас недостаток или нет. Комиссию создадим, начнем вас разбирать за этот недостаток. И выяснится, что еще, наверное, у вас есть недостатки, не один. Более того, поскольку комиссия будет квалифицированная, она установит, что этот недостаток у вас в действии проявлялся. Ведь если он не проявлялся, то это не недостаток. Если мой какой-то недостаток никогда не проявляется, разве это недостаток? Недостаток всегда проявляется в действии. В каком действии в обществе проявляется недостаток? В антиобщественном. Так вы антиобщественной деятельностью занимаетесь? Так, что будем с ним делать? Если у нас общество советское, то антиобщественная — это антисоветская деятельность, если коммунистическое — антикоммунистическая. Сейчас, говорят, передовое общество, а он против передового идет. Как с ним быть? Все правильно, но что же вы акцент сделали только на негативе? Пусть он расскажет, что он хорошего сделал. Ну, давайте. Последнее слово дано. Вот мы его слушаем вполуха уже, а он нам начинает рассказывать, что это сделал, то сделал. Такого не было? Не бывает? Бывает. Поэтому правильности недостаточно. Недостаточно и того, что связано с проверкой правильности, то есть достоверности. Достоверное сведение также односторонне. Нам в истории нужны не только правильности и достоверности, без которых нам никуда. Но нам нужна и истина. А истина — это отображение всего противоречия в целом. Человек противоречив, общество противоречиво, класс противоречив, государство противоречиво.

А что непротиворечиво? Кто знает что-нибудь непротиворечивое? Берем ту же самую математику, которую брали как пример непротиворечивого. И пишем: 5 равно 5. Вот посмотрите внимательно на это выражение. Разве эти пятерки равны? Ну, во-первых, одна пятерка слева, другая справа. А если мы координаты точные обозначим в пространстве сейчас? Они будут разными. А разве можно напечатать или нарисовать абсолютно точно? Что значит абсолютно точно? Все молекулы пересчитать и поставить на место. Бывает такое? А молекулы движутся все время. Молекулы мела разве не движутся сейчас? Температура есть у них определенная. Вот этой температуре и соответствует определенная скорость движения молекул мела на доске.

Короче говоря, с правильностью мы далеко не уйдем. Правильность хорошо, достоверность хорошо, но нам нужна истина. Истинную картину дает выраженное в понятиях действительное *противоречие*.

В качестве примера берем хорошего человека. Выясняется, что человек, хороший человек, он, конечно, с недостатками, но эти недостатки не являются определяющими. А определяющими являются положительные качества, которые, кстати, проявляются в действии. У отрицательного человека, наоборот, отрицательные качества являются определяющими, хотя положительные тоже есть. И мы должны всегда оценить: этот человек положительный или отрицательный? Он хороший человек или подлец? У подлецов есть хорошие качества? Есть. Если проверим и убедимся, то это будет достоверно. Давайте заострим на этом внимание. И вот эти качества в силу единства всех качеств человека, в силу неразрывности, соединенности позволяют подлецу втираться в доверие. Он так хорошо говорил, так много обещал, что я поверила ему и пошла за ним, но к чему и куда он меня привел?

Как принцип противоречивости целого применять в исторических исследованиях, покажем на примере вопроса о кулачестве в дореволюционной и послереволюционной России. В отношении численности кулаков в дореволюционной России и в послереволюционной к 1928 году — примерно одинаковая численность была. Мы с вами знаем, что большевики, идя навстречу крестьянству, взяли и реализовали левоэсеровскую программу. Разделили всю землю по едокам, разъясняя при этом, что равенства это не даст, и вскоре снова появятся кулаки и бедняки. И это повторилось потом при Чубайсе, когда все разделили, выдав всем по ваучеру, а потом через некоторое время обнаружилось, что у одних — заводы, а у других — 25 рублей. Но вернемся в Россию 1928 года. К 1928 году опять образовались кулаки, бедняки и середняки. Так вот, кто-нибудь здесь может сказать, кто такой кулак? Зажиточные крестьяне, говорите, у которых работают по найму. Понятно. Я зажиточный крестьянин, попросил вас весной немножечко помочь, вскопать огород, заплатил. А вас попросил помочь собрать мне урожай, расплатился яблоками. А вы меня раз — и в Сибирь. Список написали кулаков, указав, что у меня весной и осенью двое работали по найму. Все, как вы сказали, вы вот, как бы, у нас образованный человек, идеолог, убедили вы двадцатипятитысячников и бедняков убедили, и меня — в эшелон и в Сибирь, потому что вы дали такое определение кулака. А кто, скажите пожалуйста, уважаемые, кто никого никогда не нанимает в деревне, кроме батраков? Они точно никого не нанимают. Кто еще не нанимает? Весной я вас нанял помочь мне вскопать, осенью вы меня наняли помочь убрать урожай. И вот оказывается, что благодаря некоторым знатокам определений мы с вами вместе поедем в Сибирь. Может дело в количестве лошадей? А не может быть так, что я больше работал, чем вы, а вы больше сидели на печи и теперь у меня две лошади, а у вас одна. И меня за это представители родной Советской власти

отправят в Сибирь? Где логика? Я кулак или нет? Вы сначала докажите, что я кулак, вы в Сибирь-то меня отправили, не разобравшись в понятии кулака. А ведь это понятие очень четкое. Кулак — это сельский буржуа. *А буржуа — это человек, который не просто иногда кого-то нанимает, а тот человек, для которого основным источником дохода, не побочным, не второстепенным, а основным источником дохода является присвоение чужого неоплаченного труда через найм работников, через покупку рабочей силы и использование ее в процессе производства.*

Давайте разберем пример. Если в моей семье восемь здоровых парней, которые являются моими детьми, жена работает, дочери работают и другие родственники, и мы получаем 60% дохода от своего труда, а 40% от того, что мы вас наняли и вы тоже на нас работаете, я кулак или нет? Нет, потому что присвоение чужого труда не является основным источником дохода. А потом дети ушли в армию, дочери поехали учиться, и у меня стал основным источником дохода чужой неоплаченный труд. 70% дохода я получаю от найма работников и использования труда этих нанятых работников, от покупки рабочей силы и использования ее, а лишь 30% дохода я получаю от своего труда и труда членов своей семьи. Кто я? В этом случае я кулак. Действительно кулацких хозяйств у нас было сравнительно немного, 6%. А людей, которые не знают, что такое кулак по своему понятию, было и раньше много и сейчас большинство. И вот люди, не разбирающиеся в понятиях, могут учинять произвол.

Но это я спрашивал, кто такой кулак, сельский буржуа. А, кроме буржуа, есть понятие мелкого буржуа. И мелкий буржуа — это не маленький буржуй. Мелкий буржуа — это отдельная категория, это мелкий хозяйчик, у которого есть свои средства производства и он работает на рынок. *Мелкий хозяйчик, работающий на рынок, — вот краткое определение мелкого буржуа.* Если я не на рынок работаю, а

произведенные мною огурцы ем сам, я хоть и мелкий производитель, но не мелкий буржуа, я патриархальный работник, как в первобытное время работаю. А если я произведенные мною продукты на рынок выношу, как Чубайс цветочки выносил? Для Чубайса смысл цветов в чем был? Что ему нравятся цветы или нравятся цветы тем, кому он продает? А ему нравятся деньги, которые он получит за эти цветы. Что является идеалом мелкого буржуа? Из мелкого хозяина стать настоящим хозяином, то есть нанять работников побольше и стать капиталистом, буржуа. Но это из сотни удастся не более, чем десятку, остальные превращаются в рабочих.

Лидеры мелкобуржуазных партий постоянно призывают поддерживать мелкий бизнес, то есть, значит, мелких буржуа. А чего их поддерживать? Сейчас нужны нововведения, нанотехнологии, а у ларькобизнеса даже туалета нет в ларьке — ведро. Там, где ведро, там будет нано? Рынок в буржуазном обществе разлагает класс мелкой буржуазии на рабочих и буржуазию. И надо отсталость, характерную для мелкого производства, поддерживать? Вообще-то капитализм в чистом виде предполагает только два класса — рабочий класс и буржуазию. Мелкобуржуазное производство в государственно-монополистическом капитализме возможно потому, что монополии ради сверхприбылей настолько вздувают цены, что прибыльным может быть даже отсталое полуручное производство. Можно считать, что монополии его поддерживают, а заодно и эксплуатируют мелких буржуа, скупая их товары по дешевке. То есть при монопольных ценах даже мелкие буржуа могут существовать из-за таких высоких цен. Тем более, что под видом добротного товара стремятся всунуть покупателю все, Дать вместо мяса соевый белок, вместо сливочного масла — спред из воды и растительного масла, загустевший благодаря эмульгаторам и т.п.

Почему нам очень важно изучать понятия и их связь? Потому что если мы изучаем понятия и их связь, то мы начинаем овладевать истиной. А истина всегда противоречива. Когда говорят, что истина конкретна, некоторые думают, что истина — это подробности, если я долго что-то подробно рассказываю, то это истина. Истина как соответствие понятия объекту — противоречива, как противоречив объект. Например, если я односторонне говорю, что вот студенты такие хорошие, так много знают, то это правильно. Я вам ничего больше не говорю, а вы улыбаетесь. Или я приду и скажу, что это за студенты, я им объяснял, объяснял, не понимают. То есть мы должны уйти от односторонности, но не уйти от цельности. Потому что если я буду говорить: с одной стороны, это хороший человек, с другой стороны, он подлец, то это разве будет истинное выражение? Надо брать противоречие в целом, то есть определить, что есть целое, а в нем обнаружить противоречие. В нашем примере либо он хороший человек с недостатками, либо он подлец, у которого есть хорошие качества, которые позволяют ему втираться в доверие к хорошим людям. Но если отрицание целого станет целым, то целое станет лишь его внутренним отрицанием, и хороший человек может стать подлецом. Если мы с вами будем брать целое, то надо избавиться от представления, что противоречие это нечто троякое: одна сторона, потом переход, как в Петербурге переход со станции «Невский проспект» на станцию «Гостиный двор», и вторая. На самом деле противоречие надо брать так, что одна сторона образует *целое*, а другая составляет лишь *момент* этого целого. А имеющийся в целом внутренний противоположный момент делает это целое тоже моментом.

Категория моментов — очень важная для нас. Моменты — это противоположные движения в одном движении. Момент — это не часть, не кусок, не элемент. Моменты — это противоположные движения в одном движении. А что распространено в науке? Части, кус-

ки, элементы. Энгельс говорил, что части — лишь у трупа. Частями медики занимаются в анатомическом театре. Там медики что делают? Очень важное дело делают. Режут, чтобы научиться потом оперировать живых. Резать трупы необходимо, чтобы живое изучать. Но необходимое условие не надо путать с достаточным. Представление целого в виде частей — это необходимое условие, но не достаточное. Недостаточно знать, у кого какие кости и из каких органов состоит человек, надо еще брать человека в органической целостности и в движении. С точки зрения диалектики, например, непонятно, что значит рука, одна. Если она не отсечена. Разве в руке не проходят кровеносные сосуды, разве из сердца в руку не течет артериальная кровь и одновременно не возвращается обратно венозная кровь к сердцу? А разве не соединяют руку с мозгом нервы, которые никак только к руке не отнесешь. А если мы хотим изучать социальные организмы, мы тем более не можем брать их только как механический агрегат, как внешнее соединение частей.

В диалектике речь идет о моментах, о противоположных движениях в одном движении. Эта категория необходима для того, чтобы диалектически изображать в понятиях изменяющиеся и развивающиеся исторические явления. В диалектическом подходе к историческому материалу — суть философии истории. Предмет философии истории — это такие всеобщие законы природы, общества и мышления, которые проявляют себя в истории. Раз они всеобщие, они во всем себя проявляют, значит, и в истории. Давайте будем изучать такие всеобщие законы, которые проявляют себя и в истории. Но изучать мы их будем через законы мышления. Это можно потому, что эти законы — всеобщие и суть также и законы не только мышления. Раз они всеобщие законы, то они во всем, а значит, и в истории. Таков метод, подход, который мы применяем.

2. ИСТОРИЧЕСКОЕ БЫТИЕ

Начиная тему «Историческое бытие», мы продолжаем реализовывать замысел, который был изложен на прошлой лекции, смысл которого в том, чтобы заняться диалектической обработкой исторического материала. Применить всеобщие категории, которые позволят заставить материал, если он не двигается или является мертвым, оживиться. Те же вопросы, которые рассматриваются, не другие, которые я вам предложу, а те, которые вы сами берете, которые являются предметом исследования, чтобы вопросы рассматривались с помощью передового метода. **Метод — это осознание формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета.** Что здесь главное в этом понимании метода? Сначала надо разобраться, каково же внутреннее самодвижение содержания, причем именно самодвижение, не мы его толкаем и не по принципу: я хочу это или вот то хочу, или мне это не нравится, а речь идет о *самодвижении*. Есть какие-то внутренние стимулы, внутренние пружины, внутренние механизмы, внутренние импульсы, то, что приводит в движение исторический материал. Потому что исторический материал — он для нас материал, а в истории не материал, там люди действуют, живые, между прочим. Поэтому надо, чтобы историки изобразили этот в действительности живой процесс, как живой, а для этого надо вникнуть в этот живой процесс настолько, чтобы выразить в понятиях его живым. То есть самодвижение содержания — вот здесь ключевые слова. Надо понять, в чем самодвижение. Что является источником самодвижения содержания? Источником самодвижения является противоречие. Противоречие есть источник самодвижения. Надо найти те противоречия или то противоречие, которое является источником, первоисточником этого внутреннего самодвижения. Если мы противоречие не нашли, наша работа правильная, но не истинная. То есть это нашли, это правильно, и эти факты были, и эти правильные. Для сохранения и сообщения таких сведений есть справочники, словари.

Кто пишет словари? Чаще те, кому не удалось чего-либо великого добиться в научной области. Соберут сто человек, сделают сто статей. Из этих ста человек каждый может написать только одну хорошую статью, ни одной книги не написал, вот они делают вам словари. Люди берут, открывают словари, но словари не для нас с вами, это не тот метод, тем более, что там все распилено на кусочки, отдельно все, нашинковано. Каждая категория отдельно от другой. А в мире все связано в единое целое и все находится в борьбе противоположностей, в движении. Как это словарь может отобразить? Никак. То есть словарь полезен. Так что говорить, что словарь — это что-то плохое, нельзя, конечно, но это не тот источник, которым можно в научных целях пользоваться. Вот вас какой-нибудь словарь будет учить истории, странное дело. А нужно применять не словарный метод, а метод осознания формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета, то есть нужно вообще вникнуть в движение содержания. В чем смысл этого противоречия? Какого внутреннего содержания? Содержание надо взять именно как самодвижущееся, и вот мы, если формы этого осознаем, то есть сумеем так изобразить в понятиях, что будет самодвижущаяся система, вот тогда считайте, что мы применили диалектический метод. А если вы не применили диалектический метод, вы применили какой-то топорный метод. У кого какой есть метод, тот такой и применяет. Я в таких случаях всегда только хвалю, хоть что-то человек сделал. Иногда бывает, что человек никаких научных проблем не решает, а применяет диалектический метод, он, вроде бы, тогда и не нужен. Энгельс говорил, что метафизика или метафизический метод достаточны, когда находишься в четырех стенах комнаты, а если выходишь на широкий простор исследования — там, конечно, требуется другой метод — диалектический.

А какой самый распространенный метод у нас? Сейчас вообще самый распространенный — так называемый здравый смысл. Это был излюбленный метод А.Н.Яковлева, который был секретарем по идео-

36

логии в горбачевское время, он все время выступал за здравый смысл. А Энгельс издевался в свое время над этим здравым смыслом. Ну, вот здравый смысл, вот вы будете руководствоваться здравым смыслом. Любой здравый человек, который встанет, выйдет на улицу, увидит, что Солнце ходит вокруг Земли. Здравому-то человеку достаточно просто посмотреть на небо, чтобы сделать вывод, что Солнце вращается вокруг Земли, встает на Востоке и садится на Западе. Ну, правда, сейчас уже, если здравый человек, вроде того канадского космонавта-туриста, которого посадили на космический корабль, посмотрит, то и он уже с точки зрения здравого смысла может сказать, что, вероятно, все-таки Солнце не ходит вокруг Земли, а Земля движется вокруг Солнца. В свое время это было великим открытием, но люди, которые руководствовались здравым смыслом, сожгли сделавшего это великое открытие Джордано Бруно. Есть такой исторический факт.

Какой еще есть метод? Есть метод проб и ошибок. Дескать, давай, делай так, а не получится, тогда делай этак. Чего, Машка, криво шьешь? — А я еще пороть буду. Давай будем так делать, сяк делать, что-нибудь да получится. Чтобы достичь результата, надо идти вперед. Главное идти, неважно куда идти. Главное реформировать, а зачем и для чего и что из этого выйдет — там видно будет.

Однако у меня складывается такое впечатление, что самый современный метод, который наиболее широко распространен, — это метод ошибок. Просто делают ошибку за ошибкой. Вспоминается мне анекдот периода перестройки. Приходит комиссия на завод, мимо с большой скоростью проносится рабочий, который тачку везет, пустую, правда. Но, видимо, очень нужно. Его пытаются остановить, чтобы спросить: куда, что, зачем собирается везти. «Некогда,— говорит,— некогда». Улетел. В обратную сторону мчится с такой же скоростью и опять с пустой тачкой. Ну, тут уж комиссия встала в два ряда, остановили. — Почему с пустой тачкой? «Некогда нагружать»,

и помчался дальше. Некогда нагружать, бежать надо. Куда бежать? Что везти?

У тех, кто хочет на самом деле разобраться, доля тяжелая. Надо вроде бы бежать дальше, а, с другой стороны, надо копать глубже. И это противоположные задачи. Бежать надо, зачем копать, поставил лопату и беги. С другой стороны, если ты бежишь, и ничего нет в ведре, тоже ничего не получится. То есть надо как-то это противоречие разрешать. Так вот метод, который сформулирован Гегелем, диалектический, — осознание формы внутреннего самодвижения содержания исследуемого предмета — является методом разрешения и данного противоречия.

Ясное дело, что если вы собираетесь воспользоваться этим методом, вы должны овладеть содержанием, что-то прочесть, разобраться, факты собрать. Обязательно, потому что, как без этого вы увидите какие-то внутренние моменты, борьбу противоположностей, если вы не знаете, что это такое. То есть, безусловно, в какой-то степени нужно это поизучать. С другой стороны, если просто так продолжать изучать, можно завалить себя этими самыми фактами, данными, ну, вроде того, как некоторые думают, что надо, чтобы стать умным, читать, читать и читать. Вот если я все прочту, что есть в библиотеке, все, что там есть, что будет у меня в голове? Некоторые сразу говорят: каша, а я думал, что-нибудь хорошее скажут, что у меня будет библиотека в голове. Такая у меня память и так я все впитывал, впитывал и что получилось? Библиотека. И вот вы теперь не ходите в библиотеку, приходите ко мне, я вам все расскажу про любую книгу. Стал я ученым или нет? Нет. Вот встречает меня на матмехе, где я учился, профессор-астрофизик Алексей Алексеевич Никитин и говорит: «Ты чего-то, Миша, плохо выглядишь. Наверное, много читаешь». Я говорю: «А это что, плохо?» — «Конечно, ты же разучишься думать». И действительно, когда человек читает, он же потребляет, а не производит знания. Когда вы слушаете лекцию, вы потребляете

или производите? Потребляете. А я, когда читаю лекцию, что делаю? Воспроизвожу знания. Но вы не расстраивайтесь, будет экзамен. На экзамене я буду потребителем. Я буду сидеть и слушать все умное, что вы скажете. А вы как раз будете воспроизводить знания.

Как постичь глубину знаний? Можно ли в эту самую глубину сразу нырнуть? Или начинать надо с мелководья? Есть предложение начать путь к сложному с самого простого, с самого пустого, но зато уж познать его до конца. А то нас всю жизнь запугивали с того момента, как мы стали студентами, что истина и движение к ней — это бесконечность и что если ты устремишься к абсолютной истине, то, конечно, ты будешь к ней двигаться, потому что жизнь и материя познаваемы, но никогда полностью все не познаешь, как бы ты ни изучал, как бы ты ни исследовал, потому что добытая истина относительна, то есть в ней есть абсолютная истина, но в какой-то степени и т.д.

Я хочу порекомендовать и сам пользуюсь методом обратного движения, опираясь на то, что человечество в процессе познания уже отобрало и отточило категории, и если мы теперь возьмем самую простую категорию, то про нее как раз можно знать все, то есть применительно к ней можно получить абсолютную истину. Только для этого нам надо взять самую простую категорию.

Какая самая простая категория в диалектике? Человечество в ходе своего развития, в том числе и философского развития, выработало эти самые простые категории. По сути дела их две. Одна — для выражения того, что есть, а другая — для выражения его отсутствия или, другими словами, для выражения того, чего нет. При этом первая, если взять ее как самую абстрактную, не говорит о том, что конкретно есть, умалчивает, потому что тогда это уже будет не простое абстрактное бытие, а конкретное бытие, например, бытие человека, бытие книги, бытие дипломной работы, бытие оценки в зачетке и т.д. А отсутствие бытия может быть очень хорошее, если оно кон-

кретное — отсутствие болезни, смерти, еще какой-нибудь напасти и т.д. А может быть ничто, которое нас очень опечалит: нет денег, нет здоровья и т.д.

Но мы хотим начать так, чтобы сразу получить абсолютную истину, хотя бы не самую глубокую. Ну, хотя бы о чем-то можно узнать абсолютное? Вы уже пять лет учитесь, и всё говорят, что знание у вас еще неполное. И даже если в будущем будете защищать кандидатскую, докторскую диссертацию, все равно будете не знать, дескать, изучаемое с абсолютной полнотой. В нетерпении так и хочется спросить, а в этом болоте когда-нибудь можно будет встать на абсолютно сухой остров, чтобы можно было твердо ногу поставить и сказать: я знаю? Я вот вам обещаю сейчас сразу сказать, про что мы знаем все и полностью. Вот первая, самая простая категория диалектики — *чистое бытие*. Что мы про нее знаем? Про чистое бытие что мы знаем? Что оно есть. Спасибо. Но сколько бы я ни надрывался, я больше, чем вы сказали, ничего про эту категорию сказать не смогу, потому что этим исчерпывается ее содержание и нечего сказать о ней еще как о таковой. Только мы хотели с вами осознать внутреннее самодвижение содержания вот этой категории, а нет там никакого другого содержания. Все, что в ней есть, уже выражено.

Считается, что если вам задали вопрос, надо как можно подробнее изложить содержание. Но кто захочет подробнее изложить про чистое бытие, поскольку оно чистое бытие, первая категория, самая простая, ничего, кроме того, что оно есть, сказать не сможет. Нет ее проще, есть и все, что еще можно про чистое бытие сказать? Про него уже сказано, всё сказали. А Пармениду, древнегреческому философу, бытие так понравилось, что он решил вообще этим ограничиться и свою философию построил на положении о том, что есть только бытие, а небытия вовсе нет.

Я думаю, что если усвоить смысл чистого бытия, уже все экзамены для вас не проблема. Что вы об этом знаете, если вы, вроде,

40

ничего не знаете? Что вы скажете? — «Я знаю, что оно есть!» А еще что вы знаете? «А мы не договаривались отвечать на два вопроса, только на один».

Но и Парменида можно покритиковать. Вот он сказал, что есть только бытие, небытия вовсе нет, а раз он сказал *вовсе нет*, его схватили за руку такие философы, как Гераклит, ну, и дальше уже не отпускали такие, как Аристотель, Платон и Гегель. Сказал, что бытия вовсе нет? Что значит нет? Вы вдумайтесь, что вы говорите. Бытие есть и больше нечего сказать об этой категории. Не то, что я больше не знаю. Это можно субъективно представить, что, дескать, я глупый, темный, неразвитый, мало изучал. Вот вы можете еще что-нибудь сказать? Не можете. И выходит, что если не можете — значит, вы слабенький человек. А если больше *ничего* сказать об этом как о таковом? Что еще говорить? Что не ясно? Вы же все сказали, и никаких больше не может быть претензий. И больше нечего сказать об этой категории.

Я обращаю ваше внимание, что мы хотя бы одну абсолютную истину настоящую нашли. Это абсолютная истина — то, что чистое бытие есть? Правда, чего-то вот лица грустные, обещали абсолютную истину, а она тут вот, оказывается, какая. Но это, кстати, не так мало. Подумайте сами, есть у вас деньги или нет у вас денег? Это существенно. Есть у вас жилье или нет? Если нет жилья — бомж. Есть война или нет? Существенно или нет? Правда, есть журналисты, которые сообщают, что сейчас идет информационная война. Они с информационными винтовками и информационными танками нападают на информационные самолеты, бросают информационные бомбы и запускают журналистские утки. Но слово «война» в данном случае употребляется как метафора, потому что эти журналисты не знают, что такое война. Кто-нибудь может сказать, что такое война? Но я могу сказать, что такое война. И мы вообще будем стараться использовать серьезные категории в истории, надо давать им определения,

иначе получается разговор на уровне, дескать, ты ж понимаешь, о чем я говорю — понимаю. Это все равно, что ты меня уважаешь, я тебя уважаю, мы оба — уважаемые люди. Не могут выразить мысль в понятиях, а понять — значит выразить в понятиях. Так вот война по своему понятию — это вооруженная борьба классов, наций и государств. Вооруженная борьба, а если мы просто деремся или дерутся вооруженные люди, два или три, или бандиты, это не подходит под понятие войны. Если имеет место вооруженная борьба классов, тогда это гражданская война, если наций, то это национальные войны. Наиболее типичными войнами являются войны государств. Но это сейчас не является предметом нашего рассмотрения, это так, по ходу дела.

Вопрос о бытии очень важен. И первое, что должен сделать историк, когда он изучает историю, выяснить, был этот факт или не был, потому что на сегодня этого факта нет. Мы уже говорили, что изучает история. С виду то, чего нет. А те, кто изучает то, что есть, среди философов называются онтологами. Онтология — это наука о бытии.

Но вопрос-то не в том, что какого-то факта сейчас нет, вопрос в том, был ли он когда-нибудь или нет? Если он когда-нибудь был, значит, он был бытием. Вот в чем вопрос. Если никогда не было этого факта, то он и не факт, то есть это кто-то придумал, это выдумка. И вы знаете, что в исторической науке всяких сказок предостаточно. Вот я слушал однажды в Доме политпросвещения выступление родственника известного революционера Антонова-Овсеенко. «У меня, — говорит, — такой метод: факты, аргументы, рассказы, анекдоты» — и такое понес... Смысл его выступления примерно был таков, что Сталин был агентом царской охраны и, чтобы его не распознали, он активно участвовал в революционном движении, по тюрьмам сидел, в ссылку его посылали, потом он на VI съезде РСДРП(б) сделал доклад о вооруженном восстании, вошел в военно-революционный центр, военно-революционный комитет, потом он был наркомом нацио-

нальности и одновременно Рабкрин возглавлял, участвовал в гражданской войне, в том числе под Царицыным, после чего город назвали Сталинградом, затем участвовал в восстановлении народного хозяйства, с 1922 года стал генеральным секретарем партии, руководил разгромом немецкого фашизма, созданием ядерного оружия и ракетного щита. Но Антонов-Овсеенко все равно распознал, что он это делал для того, чтобы никто не догадался, что Сталин был агентом царской охранки. И это доказательство бытия?

Так что вопрос о бытии, о том, было или не было — первый вопрос исторического исследования. А на первый взгляд может показаться, что серьезные люди занимаются столь несерьезным делом, как изучение какого-то пустого, простого чистого бытия. Но что такое простые категории? Простые категории — это на самом деле очень хитрые категории. Простые категории абстрагированы от всего. А раз они абстрагированы от всего, то, значит, они связаны с этим всем или не связаны? Вот если я сейчас пойду и от каждого буду отталкиваться, эта процедура будет довольно долгой, но каждый убедится в том, что для того, чтобы мне оттолкнуться от кого-то сидящего, нужно подойти и дотронуться до него. То есть через отталкивание имеет место соединение. Так и с простыми, то есть абстрактными категориями. Они отрицанием соединены с тем, от чего абстрагируются. Знающий это лектор что должен делать, чтобы привлечь слушателей к изучению чистого бытия? Начать от слушателей отталкиваться. Дескать, не изучайте категорию бытия как такового. — Как это? Почему? — Незачем вам изучать философию. — Как это незачем?

И наоборот, скажи вам изучать философию, вы скажете: а зачем это нам надо? То есть негативная форма — это на самом деле, для тех, кто немножко философию изучал, кто понимает, что это такое, это форма соединения, поэтому вот эти простые категории — это категории, которые абстрагированы от всего, в них поэтому в неявном виде заключено все. Иначе непонятно, как это в «Науке логики» Ге-

геля движение мысли начинается с чистого бытия и дальше Гегель как паук из паутины все вытаскивает, вытаскивает сначала ничто, потом становление, потом наличное бытие, потом качество, реальность, отрицание, нечто, изменяющееся нечто, определение, характер и поехали, поехали все дальше и дальше. А как это может получиться, почему? Да потому, что Гегель тянет эту нить, которая является нитью абстрагирования, а абстрагирование — это отрицание, через отрицание все связано с этим самым абстрактным моментом. Так что не будем недооценивать категорию чистого бытия.

То, что я вам сейчас про чистое бытие наговорил, при этом несколько не добавляет к тому, что было произнесено непосредственно про чистое бытие. Было произнесено, что чистое бытие есть и больше нечего о нем сказать как о таковом. Это был разговор вокруг, а вообще-то нечего добавить к тому, что сказано, а раз *ничего*, то остается лишь услышать в этом слове *не*, то есть *ничто*. Слышите? Вот это *чистое ничто*.

Если задаться задачей выяснить, а что такое отрицание? Никогда не думали на эту тему? Я, когда книгу написал, по которой докторскую защищал, меня редактор вдруг в редакции нашей издательства Ленинградского университета спрашивает: «А что такое отрицание?» Я на него посмотрел и задумался, а что такое отрицание? Пошел домой и начал «Науку логики» листать, смотреть. Долго-долго искал, пока в самом начале не нашел, что отрицание — это *ничто* или просто *не*. И все. А что такое еще отрицание?

Это все простые категории, но мы с простыми категориями не привыкли работать. Нам подавай уже сразу шагающий экскаватор, даже если нужно сделать вот такую маленькую ямку. А почему нам нужно с вами разобраться с простыми категориями? Потому что мы хотим разобраться не в какой-то одной стороне неподвижной вещи, а мы хотим на самом элементарном уровне, на самом простейшем уровне понять движение. А движение не так просто выразить. Мы ра-

44

ди этого взялись за простые категории. Так вот, мы видели, что если просто думать про чистое бытие, то эта мысль приводит нас к мысли о ничто. Вот я начинаю думать, я могу вас не спрашивать, что дальше, вот я спросил, что такое чистое бытие? Вы скажете, что чистое бытие — это то, что есть. Ну и что еще можете про это сказать? Нечего тут говорить. Не я не могу, а нечего говорить и мы, следовательно, пришли к мысли о ничто и к ничто. Как это фиксируется в диалектике? Фиксируется так, что категория чистого бытия переходит в категорию чистого ничто. Или чистое бытие переходит в чистое ничто. А где оно переходит? В любой мыслящей о нем голове. Конечно, если вы не будете думать, то одна мысль в другую у вас не перейдет. Кто думает, у того переходит. Конечно, кто-то может сказать, как я могу думать? Это же чистое бытие, тут нечего думать. А зачем тебе голова? «Чтобы есть». Тут уж ничего не поделаешь. Но если человек думает, то, конечно, в его голове обдумывание чистого бытия приводит к обдумыванию чистого ничто.

Итак, мы пришли к чистому ничто. Я хотел пойти дальше, но еще остановлюсь, потому что иногда бывают даже в таких простых вещах ошибки. Например, рассуждают так, что вот мы чистое бытие рассмотрели, теперь рассмотрим чистое ничто. А сам этот *переход* чистого бытия в чистое ничто выбрасывается из головы. Или по-другому говорят: перейдем от чистого бытия к чистому ничто, как будто они стоят друг от друга отдельно и не они переходят друг в друга, а я от одного пошел к другому, потом мне надоело это и я пошел обратно сюда. И так туда-сюда хожу. Я хожу между ними или они переходят друг в друга? Категории переходят друг в друга. Мы изучаем *логические переходы* или логика изучает мои переходы между категориями? Что она изучает? Она изучает логические переходы, изучает, как понятие, если о нем думать, само переходит в другое понятие, т.е. показана связь понятий. А если это связь понятий человеческих, то, следовательно, она отражает связь каких-то явлений. По-

нения если связаны, значит, то, что выражено этими понятиями, связано в действительной жизни. Это и отражается в переходах понятий одного в другое. Если бы не было связано в действительности, то и в переходах понятий бы не отражалось. Поэтому правильно говорить и мыслить не переход от чистого бытия к чистому ничто, а *переход чистого бытия в чистое ничто*.

И вот данный переход состоялся. Теперь я, обрадованный тем, что вы так все хорошо знаете, хочу вас спросить: «А что вы можете сказать про чистое ничто?» Всегда отвечайте: «Я знаю, что оно есть», и вы всегда выиграете. То есть опять произошел переход, но только теперь уже *переход чистого ничто в чистое бытие*. Как произошел этот переход? Мы рассматриваем чистое ничто. Что про него можно сказать? Раз рассматриваем, значит, оно есть. Есть или нет? Я спрашиваю, что вы можете сказать про ничто? Есть оно в нашем разговоре? Есть. Это же чистое ничто, и неважно, где оно есть — на столе, под столом, в парте, в кармане. Неважно где, в разговоре, по крайней мере, есть. В разговоре-то точно есть, ну, а на небе, может, его нет. И вот мы получаем замечательное высказывание: *ничто есть*. Ничто есть, и какие у него имеются определения? А те же самые определения, что у чистого бытия, а именно то же самое отсутствие всяких определений.

Вот, казалось бы, мы должны все возрадоваться, проще нет ничего в нашем изучении. Нет такого, ни на земле, ни на небе, ни в каком предмете нет ничего более простого. Нет ничего более простого, поэтому мы должны все возрадоваться тому, что про это простое так легко все узнать. Причем мы знаем про них именно все. Мы все знаем про чистое бытие и чистое ничто. И знаем, что они переходят друг в друга. При этом из-за их простоты нельзя даже и спрашивать, как конкретно переходят, поскольку они переходят абстрактно, переходят и все. Давайте будем записывать то, что мы узнали. Чистое бытие переходит в чистое ничто, а чистое ничто переходит в чистое бытие.

Ну, так раз чистое ничто перешло в чистое бытие, то что? Какой вывод мы должны сделать? Смотрите, чистое бытие перешло в чистое ничто. Это мы выяснили. Это за нами. Чистое ничто перешло в чистое бытие, это тоже выяснено, тоже за нами. Ну и что? Все? Дальнейшее развитие есть или нет? Сейчас кто-нибудь скажет: «Это все, Михаил Васильевич, что вы нам хотели сообщить?» Мы тогда берем свои портфели и пошли. Но сидят еще, просто из уважения или хотят разобраться? А чистое бытие уже перешло в чистое ничто, которое, в свою очередь перешло в чистое бытие.

Присмотримся, во что же перешло чистое ничто. Оно не просто перешло в чистое бытие, которого мы не знаем, а оно уже перешло в чистое бытие, которое, как известно, переходит и перешло в чистое ничто. Поэтому мысль наша не может остановиться. Это вот самое первое диалектическое движение, которое мы увидели. Бесконечный переход чистого бытия в чистое ничто и чистого ничто в чистое бытие. И этот бесконечный переход можно выразить как движение исчезновения одного в другом: *движение исчезновения чистого бытия в чистом ничто и чистого ничто в чистом бытии*. Ну, хорошо же? Так что портфели можете положить, никуда не идем, продолжаем изучать. Мы ради чего вот это все проделали? Ради того, чтобы первую живую категорию, диалектическую, получить.

Движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии как назовем? Ну, родился ребенок. Знаете, когда ребенок рождается, иногда некоторые родители долго дискутируют с бабушками, с дедушками, как его назвать, а развивается он независимо от того, зарегистрировали его или нет. Сначала рождается ребенок, потом регистрируют или сначала регистрируют, а потом рождается? Ребенок сначала рождается, а потом его регистрируют. Так же надо поступать и с категориями. Вот сначала мы ее увидели, потом назовем. При этом, если я ошибусь в названии, это не страшно. Я же вижу, вот содержание, вот категория, понятно какая. Вот и в нашем случае название

еще не дано, но ясно, для чего название — для движения исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии. А все почти категории, на самом деле, вам известны. Я могу предложить вам вспомнить, как называется то, что родилось. Вы точно знаете эту категорию. Все, причем до единого. Единственное, что мы к ней сделали такой заход диалектический. Это в математике сначала формулируется теорема, а потом мы ее доказываем. А в диалектике, как в жизни, сначала возникла категория, а потом ее назвали, возникла следующая — следующую назвали. Это не просто правильный, это истинный метод. Движение от абстрактного к конкретному.

Чтобы не напрягать свою память, берешь книгу «Наука логики» Гегеля, единственный труд, в котором есть систематическое изложение диалектики и который есть кратчайший путь, прямая дорога к изучению диалектики, и смотришь, как называется та категория, которую мы вывели. Выясняется, что та категория, которую мы сейчас вывели, называется *становлением*.

Движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии есть становление. Мы становление изучили или только сформулировали, что есть становление? Еще не изучали ведь? Его надо изучать? Но остановимся, прежде чем изучать, передохнем, привал же должен быть какой-то. Констатация того, что есть, чего нет, это очень важно в историческом исследовании, а еще более важно выяснить что то, что есть, есть как то, что исчезает. Была древнегреческая цивилизация, и в подтверждение этого над современными Афинами, как колыбель человечества, возвышается древний Акрополь. И можно сказать, что греческая цивилизация есть. В чем она есть? А во всем. Человечество впитало ее плоды, и дело не только в том, что и сейчас вы можете непосредственно восхищаться древнегреческой скульптурой и архитектурой. Пропилеями вы можете восхищаться не только в Акрополе, но даже в Петербурге, если пойдете к Смольному на площадь Пролетарской диктатуры. Там тоже пропилеи. Откуда они взялись?

Это тот же самый образ, воспроизведенный в Петербурге. На одной стороне написано «Первый Совет пролетарской диктатуры», на второй «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». И уважающие историю и диалектику люди не собираются эти надписи стирать. А вот памятные доски о том, что в Смольном был штаб величайшей в истории революции, мэр Собчак умудрился ободрать все. Сделал бы себе памятник и написал бы, что я-де величайший демократ всех времен и народов. Мы бы с вами этот памятник тоже с удовольствием сохранили. Вот сделали же памятник Сахарову, не знаю только, сторонники сделали или противники. Его зовут утопленник. Как будто Елена Боннэр его била, потом связала руки, бросила в пруд, его друзья-демократы достали и так, от зеленой тины не освободив, поставили на бульжник. И не случайно Елена Боннэр не приехала на открытие этого памятника. А нам этот памятник хотели подсунуть в Университет, но мы сказали, что нет, он такой великий, пусть он лучше на площади стоит между Санкт-Петербургским государственным университетом и Библиотекой Академии наук.

Итак, очень важно выяснить, было или не было то или иное событие, но надо видеть и движение, процессы угасания, затухания, возрождения и расцвета цивилизаций, городов, стран, способов производства, формаций, людей, великих деятелей и т.д. Переходы бытия в ничто, а ничто в бытие наблюдаются в исторической жизни? Вот надо эти переходы не пропустить. Ведь важно и интересно не просто отдельное историческое действие, но и место и значение его в историческом развитии. Разве достаточно того, что город будет заложен назло надменному соседу и все? Чтоб отсель грозить шведу, наш город был не только заложен, но и построен, и ничто перешло в бытие. Имело место здесь ничто Петербурга? А когда заложен город, это что? Вот он есть. А что есть, камень? Камень, почти что чистое бытие.. А теперь? А теперь надо сохранять. А строить не надо? Строить тоже, вроде, надо, дальше надо двигаться. Потом город — это не

только камни, это и люди, наверное. А людей не надо сохранять? А промышленность, где занят костяк города — рабочие и инженеры? В промзону, подальше от науки и культуры? А вот поликлинику закрыли, не надо — сейчас новый девиз: «Умереть молодым». И ведь на пенсии не надо тратиться, красота. Не надо цепляться за жизнь, все делается, чтобы не цеплялись люди. Специально лекарства дорогие. Думаете, лекарствами спасетесь? Не спасетесь, не напасетесь. 59 лет — средний возраст мужчин, а пенсия с 60. Вот уже почти вся мужская пенсия сэкономлена, можно было бы женщинам отдать. Но кое-кто подумывает, как бы увеличить возраст выхода на пенсию для женщин, а то ведь трудно многомиллионные бонусы платить. Вот, например, сейчас все плачут, как тяжело «АвтоВАЗу», так вот плохо, а г-н Артяков, когда был генеральным директором «АвтоВАЗа» за год получил миллиард четыреста миллионов рублей. Все спрашивают, а чего «АвтоВАЗ» плохо так себя чувствует? Так если я у вас всю еду заберу и деньги заберу, а потом приду через месяц спрашивать, а чего это вы так плохо себя чувствуете? Понятное дело. Или есть такое в Невинномысске предприятие «Невинномысский азот». Собственник — «Еврохим». На дивиденды по итогам 2008 года направлено 24 миллиарда, а вся зарплата работников — 900 миллионов рублей. А 23 миллиарда ушло практически одному акционеру Мельниченко, у которого 95% акций.

Но это отдельные примеры, а у нас сейчас тема не примеров, тема у нас та, что нужно проследить, как бытие превращается в ничто. С другой стороны, ничто превращается в бытие, это движение исчезновение бытия в ничто и ничто в бытии. Возникают новые цивилизации, новые люди, новые государства, новые страны, новые нации складываются. Была американская нация? Если теперь в США на жительство приедут англичане, русские, украинцы, евреи, то будут они кто? Американцы. А у нас считается, что сколько ни существует русская нация, все говорят, что это евреи, это русские, это украинцы. Как

50

вообще раньше называлась русская нация? Я, конечно, вам помогу. Обычно представителя нации называют существительным: китаец, швед, японец, датчанин, американец, англичанин и только про нашу нацию — русские. Отвечает на вопрос «какие?» Да я не спрашиваю, какие, я спрашиваю, вы кто? А я вам не скажу, кто я, а скажу какой. Вот я русский, а вы какие? Да я никакой: я швед или я немец. А как раньше говорилось? Какое было существительное, которое предшествовало понятию «русские»? Скажем, в конце XIX — начале XX века? Великороссы. Говорили: великоросс, малоросс, белорус. А постепенно образовалась единая русская нация. Нация — это общность людей, характеризующаяся общностью территории, экономики, языка и культуры. То есть я должен у вас кровь проверять, чтобы узнать, к какой вы принадлежите нации, или нет? Нет тут ничего биологического в понятии нации. Для понимания становления нации важно видеть и одно движение, и второе, и переход ничто в бытие и переход бытия в ничто.

А как назвать противоположные движения в едином движении? Противоположные движения в одном движении как назовем? *Моменты*. В моей душе, мы говорим, борются противоположные моменты. С какими обычно категориями оперируют исследователи неопытные, когда они начинают что-то изображать. Куски, части, элементы. Энгельс говорил: «Части лишь у трупа». Вот если только вы находитесь в анатомическом театре, вы там режете, все разрезаете. Это надо? Надо медикам. Без этого не станешь хорошим врачом. Но если только это будешь делать, вообще врачом не станешь. То есть надо, не разрезая живое целое, различать противоположные моменты в одном движении.

Например, у каждого здесь сидящего человека, кровь совершает прямо противоположные движения. С одной стороны, есть венозная кровь, с другой стороны, артериальная кровь. Венозная идет от клеток с набором всего, что предназначено на выброс, а артериальная

кровь обогащена кислородом, который направляется к клеткам, чтобы их снабдить тем, что нужно для продолжения биохимических реакций и т.д. Каждый, кто на меня внимательно смотрит, если он вдумается в это, поймет, что глаза его высыхают и поэтому он должен иногда моргать, то есть увлажнять свои глаза. И вот противоположные движения в одном движении называются моментами.

Противоположные моменты мы различили. Где это мы их различили? В чем? В становлении. Три категории мы изучили: чистое бытие, чистое ничто и становление. Становление — это взаимопереход бытия в ничто и ничто в бытие. В нем есть противоположные моменты: переход бытия в ничто и переход ничто в бытие. Нам нужно понимать, где есть эти переходы? Везде. В чем? Во всем. Почему везде и во всем? Потому что это всеобщие категории. Нет таких городов, классов, стран, людей, событий, которые не переходят, которые не превращаются в ничто, и нет таких явлений, которые не представляли бы собой, не содержали бы в себе переход ничто в бытие. Когда говорят про что-либо, что его раньше не было, отмечают его переход из ничто в бытие. Вот не было же здесь Петербурга? Когда-то не было и русской нации. Вот еврейской нации не было, пока не было государства Израиль, потому что люди еврейского происхождения входили в разные нации. А сейчас нет еврейской нации по той простой причине, что есть израильская нация. Такая общность людей, которая характеризуется общностью экономики, территории, языка и культуры. Так говорили, например, что художник Левитан — русский художник еврейского происхождения. Про диктора Левитана можно сказать то же самое. К какой нации он принадлежит? К русской. Или, скажем, Маркс — немецкий ученый еврейского происхождения. Он написал, что надо освободить человечество от еврейства. Некоторые сумасшедшие наши антисемиты думают, что это Маркс предлагал освободить человечество от евреев. А он под еврейством понимал что? Погоню за золотым тельцом, торгашество. Освобождение чело-

52

века от торгашества. Вот это и имел в виду Маркс в своей статье «К еврейскому вопросу».

Короче говоря, много сложных вопросов: и вопросов национальных, и вопросов политических, исторических, которые нужно решать с учетом моментов, которые называются противоположными моментами становления.

Но нам не хватает названия этих моментов. Как назовем переход ничто в бытие в становлении? Положительный момент? Хорошо, но это оценка как бы. Ну, а, следовательно, переход бытия в ничто — это тогда отрицательный момент? Все же это не те названия. ***Переход ничто в бытие называется возникновением.*** Возникновение вы по-другому понимали? Какой смысл возникновения? Не было и стало. Знакомо? Гегель специально говорит, что он будет говорить об известном, потому что известное еще не есть оттого познанное. Это все слова, которые мы десятки тысяч раз употребляли, но их пропускали, не задумываясь над ними. Не делали эти понятия предметом своего рассмотрения. Наука, которая делает предметом своего рассмотрения понятия, и есть логика. Но если вы будете заниматься логикой с помощью диалектического метода, это и будет диалектика, для которой характерно, что понятие переходит в другое и в противоположное ему. А второй момент как называется? Исчезновение, говорите? Это близко. В принципе, это правильно то, что вы сказали, потому что близко к этому, хотя и не так, как у Гегеля, или не так, как перевели с немецкого, но смысл тот же. ***Переход бытия в ничто в становлении есть прехождение.***

Вот только вооружившись этими понятиями возникновения и прехождения можно приступать к тому, чтобы приводить в порядок свой материал, потому что все, что вы берете, все когда-то возникало и возникло и было или является преходящим. Это, говорят, исторический материал. А что значит исторический материал? Это тот, который возникает, исчезая и исчезает, возникая. Как же мы без категорий

возникновения и прехождения сможем это все описать? Никак мы не сможем. Нет, мы сможем описать, но у нас это получится схематично, грубо и бездвижно. А надо показать движение через борьбу возникновения и прехождения.

Становление — это самое простое изображение внутреннего движения. Первая истинная категория в отличие от правильных. Ведь если мы возьмем один момент возникновения, будет правильно? Правильно. Будем только показывать революции, восхождения, возрождения и т.д., будет правильно? Правильно. А если мы будем с помощью категории прехождения везде показывать лишь разрушение, гибель, смерть, тлен? Это что? Тоже правильно? Да. А если это правильно и противоположное правильно, это в единстве берется как противоположные моменты, как единство противоположностей, то это уже не просто правильно, а это *истинно*. А мы истину собрались добывать или только правильности? Кто для чего. И вот, к примеру, ушел я в пустынь, старцем стал. Вы ко мне приехали и рассказываете, как совсем плохо в России живется: кризис, цены растут, в продукты подкладывают растительный белок, на экзаменах ставят оценки плохие, плата за обучение растет и т.д. А я вам говорю: «Это все преходяще». Вы успокоились, приехали домой и, действительно, все наладилось, все стало так хорошо, что вы на радостях решили потратить немного денег и снова приехали в пустынь. Приходите ко мне и рассказываете, как все хорошо, кризис закончился, доходы выросли, здоровье лучше, экзамены успешно сданы. А что я вам говорю? Это все преходяще. То есть мудрецом не трудно быть, надо один момент заучить и уже будешь мудрецом. Вот вы можете сказать: я считаю, как Парменид, что есть только бытие, а ничто вообще нет, и уже вас не тронешь. Парменид, дескать, настаивал только на бытии и был великим философом. Все его знают. А я, дескать, его последователь сейчас, я согласен с Парменидом и не согласен с диалектиками.

Итак, мы с вами, как и собирались, накопили немало абсолютных истин. Смотрите, что у нас теперь уже есть в заглавнике: абсолютную истину знаем про чистое бытие, про чистое ничто, про становление, про возникновение и прехождение. А бытие не пропало? Нет. А кто мне покажет, где в становлении, которое есть единство возникновения и прехождения, где здесь бытие? Да, это уже посложнее задача. Прехождение — это и есть бытие в становлении. Что такое прехождение? Это бытие, переходящее в ничто. То есть я говорю «бытие» и указываю какое? Переходящее в чистое ничто. Через запятую. Но я же могу всю «батарейку» не писать, сейчас же любят все, чтобы было короче, я короче излагаю. Прехождение — это, короче, бытие. Бытие теперь мы должны как прехождение понимать, поскольку в становлении бытие есть только как переходящее в ничто. И вообще в жизни иного бытия нет, кроме как переходящего в ничто. Ну, это же замечательная мысль. Вот если у вас какая-то гадость, болезнь, замечательно, что она переходит в ничто. А если вам эта мысль не нравится? Приходится нести издержки, раз это всеобщие категории. Ну, а что такое возникновение? Это ничто, переходящее в бытие. Короче, это ничто в становлении. То есть ничто никогда не бывает только как ничто, а всегда как переходящее в бытие. Вот почему как какая-то дикость представляется чистое ничто. Когда я сказал, что давайте будем изучать чистое ничто, хорошо, что тут на меня никто с колючками не пошел за то, что мы собрались изучать чистое ничто. И действительно, ведь спросят, что вы делали на лекции по философии истории? А вы ответите: «Мы изучали чистое ничто». Долго изучали чистое ничто? Долго, почти 1,5 часа. Но теперь мы можем сами успокоиться и других успокоить, что не бывает такого чистого ничто, которое само по себе не переходило бы в чистое бытие. Нет такого ничто, которое не переходило бы в бытие, поэтому ничто есть лишь как возникновение. Это очень важно.

Смотрите, сколько мы всего уже узнали. У нас уже не такое грубое понимание чистого бытия, которое было у Парменида, полагавшего, что есть только бытие, а ничто вовсе нет. Нет, есть и ничто, но не отдельно от бытия, а в противоречивом единстве с ним. То есть на самом деле чистое бытие в себе содержит ничто. То есть — это вся противоположность, это бытие и ничто, и бытие есть лишь как бытие, переходящее в ничто, короче говоря, это вся противоположность. А ничто — это то, во что переходит бытие. Поэтому в понятии ничто, теперь мы понимаем, содержится бытие, это опять тоже вся противоположность. Только одна противоположность взята как бытие, переходящее в ничто, а другая — как ничто, переходящее в бытие. И все это в единстве. А единство противоположностей называется противоречием. И проще объяснить, что такое противоречие, невозможно.

Можно сказать, что все, что мы делали сегодня, это я вам рассказывал, издалека начиная, что такое противоречие. Что это единство, это все знают, и все знают, что это единство противоположностей. Другое дело, что мы должны это понимать не грубо механистично, что вот какие-то куски лежат и они вдруг в единстве, их рядом положили, потом придвинули, и они теперь в единстве. Просто нужно к гибкости понятий привыкать. Вот если я сказал жена, кого я имею в виду? Мужа я имею в виду. Раз жена, значит, мужа имею в виду. А если я сказал муж? Значит, жена есть у него. А иначе зачем я буду говорить муж? Просто мужчина. А тут муж. Отец, — значит, дети есть. Дочь, — значит, родители есть. На самом деле в понятиях содержатся другие в скрытом виде, и мы должны к этому привыкнуть. Особенно это важно для тех, кто находится на таком витке своего развития, когда уже накопил немало знаний и может весь этот материал приводить в движение живое, чтобы показать его как единство противоположностей.

Мы достигли такой с вами стадии, что я уже могу сделать очень сложный логический переход, который вы сегодня вряд ли освоите, чтобы его начать к концу этой лекции, а новую лекцию опять же с не-

56

го начать. То, что я буду делать, в логике называется силлогизмом. Но вы должны со мной согласиться, с тем, что я сейчас буду говорить, потому что это все простые категории, может, вы сами сразу и не повторите, а согласиться должны.

Итак, бытие переходит в ничто, а ничто переходит в бытие, так в становлении? Значит, могу я сказать, что разность бытия и ничто в становлении исчезает? Не разность в математическом смысле, а разность в том смысле, что разные они. Но если они друг в друга переходят, значит, то обстоятельство, что они разные, исчезает. Значит, разность бытия и ничто исчезает в становлении. Это правильная мысль? Вот первая мысль, давайте усвоим. В становлении разность бытия и ничто исчезает. Первый тезис. Но становление есть только благодаря разности бытия и ничто. Если бы не было этой разности, ни о каком становлении нельзя было бы и говорить. О чем бы мы тогда говорили? Что во что переходит, если бы они не были разными? Только тогда можно говорить о переходах, когда они разные. То, что разность ничто и бытия в становлении исчезает, это была одна мысль. Вторая мысль — это мысль о том, что становление есть только благодаря разности бытия и ничто. К какому выводу мы приходим? Если становление есть благодаря разности бытие и ничто, а эта разность бытия и ничто в становлении исчезает, то, следовательно, и становление исчезает.

Это силлогизм. Одна посылка в нем та, что становление есть благодаря разности бытия и ничто. Вторая, — что эта разность в становлении исчезает, это два положения. Из этих двух положений строго следует, что становление исчезает.

А что такое становление? Становление — это беспокойное единство бытия и ничто. Беспокойное единство, одно в другое переходят. А что является отрицанием беспокойного единства? Спокойная простота. Сразу не найдешь слова. Спокойствие отрицает беспокойство, это ясное дело. А единство предполагает единство разных. А

теперь имеем не сложное, а простое. Спокойная простота. И мы имеем, следовательно, в результате исчезания становления спокойную простоту. Или, можно так сказать, мы имеем становление, ставшее спокойной простотой. Становление все время представлялось нам как борьба противоположных моментов, а теперь это спокойная простота. И теперь мы имеем то, за что боролся Парменид. Бытие. А ничто, вроде, вовсе нет, раз становление стало теперь спокойной простотой. Нет больше становления, есть только спокойное и простое.

Вот это спокойное и простое есть некое новое бытие. Какое? Ясно, что не чистое. А какое? *Наличное* бытие. Какое есть налицо, так и называем. Это категория наличного бытия. Вот археологи, они занимаются тем, чего нет налицо. Поэтому надо копать. Сначала экскаваторами, потом лопатами, потом кисточками, и только тогда налицо будут какие-то древности, которые будут говорить о культуре умерших, бывших каких-то народов. То есть то, что есть налицо. Не случайно и название наличников на окнах. Наличные деньги тоже названы потому, что они есть налицо, а не в единстве с ничто в банке, который может лопнуть.

Какой же смысл имеет выражение «налицо»? Налицо только бытие, а вы уже не поверите, что ничто нет, оно где-то есть, и мы его найдем, но оно, во всяком случае, не налицо. Мы его найдем в следующий раз. А сейчас мы проживем, как Парменид, с одним лишь наличным бытием.

3. ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

На прошлой лекции мы достаточно обстоятельно рассмотрели вопрос о становлении. Будет полезно, если мы попытаемся это понимание становления применить к анализу исторических событий. В качестве примера возьмем нашу новейшую историю, историю становления, развития, а затем и разрушения Советского Союза или России в той исторической форме, в которой она выступала с 1917-го по 1991 год.

Мы выяснили, что во всяком становлении наряду с моментом возникновения есть обязательно и прямо противоположный момент — прехождение. И тот историк, который не видит второго момента, слеп на один глаз. К сожалению, эта слепота на один глаз преследовала нас в течение очень долгого времени, и будем надеяться, что нынешнее поколение историков от этой слепоты избавится.

Давайте посмотрим, что у нас происходило с 1917 года и как это отражалось в нашей науке. В 1917 году в России возникло социалистическое государство, государство диктатуры пролетариата. Означает ли создание социалистического государства, что в стране возник социализм? Нет, не означает. Социалистическая страна по определению — это страна, в которой создано социалистическое государство, и не более того. Установлена диктатура рабочего класса, есть политические основания для того, чтобы в ходе дальнейшей классовой борьбы было создано социалистическое общество, основанное на социалистической экономике. В соответствующих теоретических работах К.Маркса «Критика Готской программы» и «Государство и революция» В.И.Ленина говорится о том, что новое общество, именно коммунистическое общество, проходит следующие этапы: 1) долгие муки родов, как называется это у Маркса, или переходный период. Переходный период от чего к чему? Мы знаем пять общественно-

экономических формаций: первобытнообщинный коммунизм, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм. Социализм — нет такой формации. Нет никакой особой социалистической формации. Есть коммунизм в первой фазе, в низшей фазе, неразвитый, незрелый, неполный коммунизм, то есть такой коммунизм, который несет во всех отношениях отпечаток того строя, из которого он вышел, то есть капитализма. И вот этот неразвитый, неполный, незрелый коммунизм или коммунизм в первой фазе называется социализмом. И если его развить, то есть если он освободится от отпечатка капитализма во всех отношениях: в экономическом, нравственном, умственном, то это будет полный коммунизм.

Но коммунизму как формации предшествует переходный период от капитализма к коммунизму. Я хотел бы акцентировать на этом внимание, потому что у нас был такой деятель, Н.С. Хрущев, который пообещал в свое время, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. В какой-то мере, если это переводить на шутку, всё это сбывается, при коммунизме все больше и больше людей живет, причем заходят в коммунизм в разное время и поодиночке. Вот, например, Абрамович, что, он не живет при коммунизме? Но это, конечно, шутка. На самом же деле неуважаемый первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев продемонстрировал полную безграмотность в этом вопросе, поскольку социализм в России, в Советском Союзе был построен в середине 30-х годов или даже в начале 30-х годов. Что означает «построен социализм»? Построен коммунизм в первой фазе. Некоторые говорят: «построена первая фаза коммунизма». А что значит фаза? Не фазу построили. Построили коммунистическое общество в первой фазе, поэтому на вопрос: «Когда мы будем жить при коммунизме?», если всерьез отвечать, можно было отвечать, что народ Советского Союза жил при коммунизме с 1930–1932

года. Но в какой фазе коммунизма? В низшей. А чем плоха низшая фаза? А тем плоха, что это неразвитый коммунизм. А кто любит незрелые яблоки? Есть такие? Любителей не очень много, то есть надо либо вперед идти, либо назад. А особенной радости в том, чтобы есть что-нибудь незрелое, и нет. Но производство основывалось на общественной собственности. Коммуниз же и означает общий. Общая собственность на средства производства, общий труд и означает коммунизм. И даже если мы возьмем вопросы непроизводственные, относящиеся не к коммунистическому производству, а к коммунистическому распределению, то мы увидим, что в СССР было распределение по потребности. У кого больше потребность, тому больше и доставалось. Надо сказать, что такое распределение существовало в советское время в том смысле, что не тому больше выдергивали зубов, кто больше работал, не по труду, а тому, у кого больше заболело, то есть по потребности. Это сейчас у нас сложилась система медицинского страхования, которая вам гарантирует, что если у вас насморк, то не волнуйтесь — вас вылечат за счет государства, а если у вас серьёзная болезнь, вам нужна операция на 100 тысяч рублей, — то тогда, извините, по страховому полису не пойдёт, ищите друзей, товарищей, а если не найдете, значит, вам повезло: вы умрете молодым. Если еще взять имевшее место образование бесплатное, плюс бесплатное жильё и пересчитать на доход, то выяснится, что по потребности распределялись блага, составляющие сегодня бóльшую часть дохода работников современной России. Обычный работник современной России вообще не в состоянии купить себе нормальное жильё. Но правительство наше пообещало тем, кто еще остался из фронтовиков, к 65-летию Победы всех снабдить жильём, кто встал на очередь до 2005 года, и в течение 2010 года вообще всем фронтовикам, которые не умрут, дадут квартиры.

Итак, коммунизму предшествует переходный период от капитализма к коммунизму, потом идет низшая фаза коммунизма, то есть социализм, и далее — высшая фаза коммунизма. Вот те этапы, которые проходит новое общество, выходящее из капиталистического общества.

А как понять, что такое переходный период? Переходный период, если взять ту категорию, которую мы разбирали на прошлой лекции, — это период *становления* коммунизма из капитализма. Что здесь бытие? И что здесь ничто? Коммунизм — вначале ничто, затем — бытие, капитализм вначале бытие, затем — ничто. Появляется коммунизм, есть его возникновение, и вот этот момент — «возникновение» широко отражен в экономической и исторической литературе, в которой рассказывается, как возникает новое общество. Мне пришлось, когда я работал на экономическом факультете Ленинградского университета и читал лекции по политэкономии, читать лекции по предусмотренной программой теме: «Возникновение и становление социализма». А где прехождение? А его вроде бы и не было. И никто не читал лекции о прехождении как моменте становления социализма. И в программах этого не было, и в головах этого не было, а в жизни это было.

На самом деле мы прекрасно понимаем, что после революции была еще Гражданская война по принципу: кто кого. И никаких абсолютных гарантий, что именно Красная армия победит Белую или Белая победит Красную. Или Красная армия победила Белую, потому что она была слабее, как некоторые говорят? Дескать, слабая армия, необученная, такая сякая, но она победила обученных, грамотных, квалифицированных и т.д. Но это сейчас не вопрос, который мы рассматриваем. Сейчас мы говорим о другом, что был переходный период, в течение которого шла антагонистическая классовая борьба. Шла

борьба рабочего класса, который привлек на свою сторону значительную часть крестьянства, поскольку трудящееся крестьянство в большинстве своем после долгих колебаний и опыта Гражданской войны перешло на сторону рабочего класса и тем решило исход Гражданской войны. Рабочий класс один, конечно, не смог бы ее выдержать и выиграть. А вместе с крестьянством он выиграл несмотря на то, что помещики и капиталисты, потеряв политическую власть, не потеряли экономическую силу, международную поддержку, не потеряли свою военную и профессиональную культуру и использовали ее для того, чтобы вернуть себе утраченную власть.

И вот период Гражданской войны закончился, но период классовой борьбы рождающегося коммунизма и уходящего капитализма продолжался в течение всего периода, который уже дальше назывался периодом НЭПа. Что такое НЭП? НЭП — это политика победившего рабочего класса, установившего свою диктатуру. Политика, рассчитанная на классовую борьбу при условии известных уступок мелкобуржуазным элементам и даже капиталистическим элементам, поскольку допускался наемный труд. Этот период завершился к середине 30-х годов, завершился он тем, что была создана первая фаза коммунизма. А прехождение было в этот период? Шла классовая борьба или не шла в этот период? Шла. Причем классовая борьба шла не только с классом буржуазии, который потерял свои экономические основы, потому что крупную собственность у него отобрали, была произведена национализация еще в 1918 году. А борьба с мелкобуржуазными попытками дать обществу поменьше и похуже, а взять от него побольше и получше — это классовая борьба или нет? И эти попытки шли разве только со стороны враждебных классов или имели место и со стороны рабочих, и со стороны крестьян? Ясное дело, что были такие попытки, они вообще не ограничивались переходным пе-

риодом, они продолжались и после того, как переходный период закончился. И в первой фазе коммунизма продолжались попытки дать обществу поменьше и похуже, а взять от него побольше и получше. Продолжалось то, что вообще-то характерно для товаропроизводителя, мелкого хозяйчика, работающего на рынок, мелкого буржуа: мне не то важно, что я делаю, мне-то важно, что я буду за это иметь.

Так имело ли место прехождение в период, который называется переходным, или было только возникновение? Возникновение произошло не иначе, как в борьбе с прехождением. Имели место и возникновение, и прехождение. Но завершилось это тем, что возникновение взяло верх, и в России установилась первая фаза коммунизма. А в Венгрии и в Красной Баварии не установилась, потому что и там, и там капиталисты взяли верх над Советской Республикой. И о том, что в Баварии была Баварская Советская Республика, нам напоминало название находившегося на Петровской косе в Ленинграде пивоваренного завода «Красная Бавария».

И вот победил в Советском Союзе социализм. И мы читаем по этому поводу, что победили, победа, социализм построен. Если построен, что дальше будет, если дом построен? Потихоньку будет разваливаться. Это естественное движение прехождения, которому подвергается вообще все. Разве есть что-либо, что не подвергается прехождению? Мы с вами в прошлый раз зачем занимались всеобщими категориями и так долго рассматривали вопрос о переходе чистого бытия в чистое ничто и чистого ничто в чистое бытие? Для того, чтобы на всю жизнь у себя утвердить в сознании, что нет такого объекта, предмета, нет такого учреждения, такой организации, нет такого государства, страны, общества, которые только бы находились в процессе возникновения и не находились бы при этом в процессе прехождения. И мы с вами находимся, к сожалению, не только в процессе

возникновения, но и в процессе прехождения. Это печалит нас, но не сильно, пока у нас еще впереди большой запас времени, и мы не видим в этом ничего страшного.

Сейчас развернулись исследования причин поражения социализма в СССР. Мне, в частности, довелось участвовать в соответствующей конференции в Афинах. Там были два американца, которые как любители решили заняться историей, какие-то учителя. И вот они рассказывали, что у нас рухнул социализм из-за теневой экономики, потому что чуть ли не всё в СССР было теневое, все люди ходили в магазин слева, никто в основные двери никогда не заходил и так они долго и неоднократно это повторяли, что мне в своем докладе пришлось им возразить. Я сказал им: спасибо большое за то, что «просветили», но, говорю, наверное, мне не повезло, что-то мне не приходилось пользоваться тем, что вы все время нам рассказываете. Конечно, были все время такие желающие, особенно весело было смотреть, когда кто-то пойдет слева, получит хуже и за бóльшие деньги. Да, были и теневики, но не в этом основная причина нашего поражения. А роковую роль сыграло теоретическое игнорирование имеющего место при социализме наряду с возникновением и прехождения. И, соответственно, борьбы с этим прехождением. Я в своем докладе вот эту мысль о том, что вообще имело место прехождение и оно не могло не иметь места, подчеркнул, хотя, конечно, можно было осознанно или неосознанно этого момента не замечать, не видеть или игнорировать, что было характерно для ревизионистской концепции развитого социализма.

Естественно, что если речь идет об общественном прехождении, то имеются люди, которые этому прехождению способствуют, есть действия людей, которые подталкивают движение в этом направлении. Так вот те, которые способствуют прехождению, разрушению

социализма и Советской власти, это кто? Это антисоветчики или нет? Это антисоциалистические люди или нет? Необязательно. Для того, чтобы человеку стать и справедливо считаться антисоциалистическим элементом, надо, чтобы это характеризовало его деятельность в основном. А если иногда, время от времени, в тот или иной момент, кое в чем и кое-когда он совершает антисоциалистические поступки, не надо его считать и называть антисоциалистическим элементом. Точно также, если в чем-то я нарушаю советские законы и выступаю в кое-каких вопросах против позиции Советской власти, — это значит, что я антисоветчик? Не значит. Хотя сидели люди в ЧК, позже — в КГБ, и они, к сожалению, точно так же «глубоко» знали диалектику, как нынешние считающиеся образованными люди. И они могли запросто посчитать антисоветчиком того, для кого в целом это не характерно. Вот вы на меня так смотрите, что я вроде советские вещи говорю, а вы явно неодобрительно смотрите. Вот ваш неодобрительный взгляд говорит о вашем антисоветском настроении. А антисоветское настроение может привести к созданию антисоветских групп и так далее, — а это было уже уголовно наказуемое деяние. Опять же человек начинает спрашивать: «А какие у вас сообщники, а вот тут с вами рядом сосед сидит, на общей скамейке, — значит, сообщник» — и поехала машина.

А ведь мы уже с вами в прошлый раз говорили, что в силу всеобщности диалектики, в силу того, что диалектика истинна и что она действительно отражает то, что есть в жизни, таких людей, таких объектов, в которых не было бы прямо противоположного в них же самих, — нет. Есть люди без недостатков? Прошу поднять руки. Недостатки от слова «не». Недостатки — это недостатки социалистического человека, это то, что во мне противоположно социализму. Правильно? Если это «не». Если я человек социалистический, то мои не-

достатки, если они никак не проявляются, — то их нет, если они проявляются, то они проявляются как нечто антисоциалистическое, антиобщественное, а общество советское, значит, мои недостатки проявляются как антисоветское в чем-то и как-то. На этом основании можно считать, что я человек антисоциалистический, антисоветский? Нет. Почему? Потому что всех тогда можно такими считать, потому что нет таких людей, у которых бы не было недостатков, то есть у которых не было бы ничего отрицательного в них самих. Мои недостатки во мне или в вас? Во мне, а что значит во мне? Значит, они проявляются в моих действиях. Если они не проявляются в моих действиях, — то их нет. А в каких действиях они проявляются, соответствующих социалистическому развитию или противоположных ему? В противоположных. Если я, например, взял и утащил клещи с завода, что тут такого социалистического, что я утащил? Или взял и прихватил немножко зерна с поля, раньше это казалось ужасным. Сейчас, конечно, не кажется ужасным, подумаешь, у нас сейчас такие куски прихватили государственной, общественной, народной собственности, что вообще нечего говорить о людях, которые немножко взяли и унесли. Я сейчас в защиту этих людей выступаю. Разве эти недостатки характеризуют их деятельность? Они только этим и занимаются или это был какой-то частный момент, противоположный их общественной сущности? А как может быть иначе? Что, сразу появляются такие коммунистические люди, которые всё и всегда делают покоммунистически? Где вы таких видели? Нет таких и не может быть. Точно так же: что, сразу появлялись буржуазные люди из феодалов и из крепостных крестьян, появлялись рабочие, пролетарии? Они разве не были плоть от плоти того сословия, из которого они вышли? Как может быть иначе? Или рабская психология, что ее сейчас нет, что ли? Это явление, которое долго держится. То, что тенденция к разру-

шению социализма, к переходу коммунизма снова в переходный период и далее в капитализм была — в этом не может быть никакого сомнения. То, что у негативной тенденции были последовательные проводники, — тоже нет сомнений, хотя их было, конечно, относительно немного. А вот то, что негативная тенденция укреплялась действиями людей, которые по своей природе и по своему существу ей противоположны — непреложный факт.

И вот, представьте себе, сидел такой товарищ в КГБ, который собрался решительно бороться против врагов социализма, но диалектику не знал или учил ее, как говорится, не по Гегелю. В художественной литературе это лучше всего показано в романе «Вечный зов» Анатолия Иванова. Помните, там был такой честный-пречестный чекист, который невиновного Ивана засадил. А вот того, кто на самом деле содействовал разрушению социализма, будучи секретарем райкома партии и председателем исполкома, — Полипова — так и не распознали до конца книги. Книга заканчивается, а то, что он человек с двойным дном, такой, как Хрущев, или такой, как Горбачев, только фамилии другие, а тип тот же самый, — так вроде и не стало ясно. И какова в книге судьба честного, но заблуждающегося работника органов безопасности? Распилили его в книжном варианте, а в фильме «Вечный зов» — сожгли.

Как могли рассуждать люди, не знающие и не понимающие диалектики как учения о борьбе противоположностей? Дескать, какая могучая действует антисоветская тенденция, поэтому, что нужно сделать? Найти и наказать. Нашли, наказали, отправили в тюрьму, некоторых расстреляли. Было такое? Было. Что дальше? Что из этого получилось? А то получилось, что тенденция разрушения, прехождения осталась, осталась антисоциалистическая, антисоветская тенденция. Что надо сделать, рассуждали строго формально логически товарищи

в органах? Надо взять больше и шире. Взяли больше, шире и отправили в места не столь отдаленные. Что стало с этой тенденцией? А ничего — как была, так и есть тенденция. Кто же вы такие, как вы боретесь с этой самой тенденцией? Раз вы стольких людей отправили в тюрьму, отправили в лагеря, а тенденция осталась? Значит, брали не тех. Значит, что надо сделать? Тех, кто это делал, надо посадить самих и расстрелять. Министра внутренних дел одного расстреляли. Как его фамилия? Ягода. Второго министра внутренних дел расстреляли. Как его фамилия? Ежов. Потом Берия был, Берия, видите ли, английский шпион, как сказал Н.С. Хрущев. Вы верите в это? Берия отвечал за ядерную программу, наверно, поэтому Хрущев и объявил его английским шпионом.

Возьмем период коллективизации. Выясняли, кто такой кулак. Кулак — это тот, который богатый, или тот, кто нанимает работников? А всякий ли, кто нанимает работников, — кулак, если почти все в деревне нанимают друг друга по очереди? То есть только тогда, когда эксплуатация наемных работников является главным источником дохода, тогда это эксплуататор, а если я вас немножко эксплуатирую, а главный источник моего дохода — лекции, которые я читаю, то вы не имеете права называть меня эксплуататором. Чтобы человека назвать эксплуататором, недостаточно, если он кого-то эксплуатирует. Надо, чтобы доход, который он получает от эксплуатации, то есть от присвоения чужого неоплаченного труда, превышал тот доход, который он получает от своего собственного труда и от труда членов своей семьи. Вот только тогда можно сказать, что этот человек — эксплуататор. Без этого он не дорос до эксплуататора.

Вот все наши ларечники хотят стать такими, как Абрамович, но не получается, но они хотят. Мелкий хозяйчик, работающий на рынок, то есть мелкий буржуа, кем хочет стать? Настоящим буржуа.

Судьба этих мелких хозяйчиков, которых имеют в виду, когда говорят, что надо поддерживать мелкий бизнес, печальна. Почему надо их поддерживать? Потому что падают. А как ему не падать? Ведь общество-то капиталистическое. Кто хозяин этого общества? Крупный капитал. Более того, у нас какой капитализм — монополистический или капитализм свободной конкуренции? Монополистический, даже госмонополистический, и все видят, что он государственно-монополистический. И тут деятели, вроде Хакамады, кричат: «Давайте поддерживать тех, кто падает». А зачем их поддерживать? Пусть падают, они же в большинстве скоро будут пролетарии, то есть лишённые собственности, а другие вырастут в самостоятельном ходе рыночной борьбы в настоящих буржуа. У нас же буржуазное общество? Пусть растут, пусть учатся организовывать производство, обеспечивать научно-технический процесс. Нет, говорят хакамады, давайте мы будем искусственно насаждать мелкий бизнес и будем делать нововведения — «инновации». Какие нововведения? В ларьке ведро, у них даже туалета нет. Какие нововведения, о чем вы говорите? Не надо их закрывать, пускай они борются. А зачем поддерживать?

Может, лучше поддержим Кировский завод? Потому что в решении не столь давнего акционерного собрания ОАО «Кировский завод» записано, не поверите, что главной, профильной работой ОАО «Кировский завод» является сдача в аренду производственных площадей. Два миноритарных акционера возмутились, как это сдача в аренду? Кировский завод — это крупнейший машиностроительный завод, это история страны, история России. Вы что, с ума сошли? Но это позиция те акционеров, у которых меньшинство акций, а решают всё те, кто каким-то образом заполучил большинство. Если у меня 95% акций, а сейчас у нас собрание акционерное, то кто решит все вопросы? У кого большинство акций. Кого избрать председателем

совета директоров? Я предлагаю меня. Будем голосовать? Давайте проголосуем, у меня 95% акций, а у вас сколько? 5%, значит, 95% голосует за меня, 5% против. Это по закону об акционерных обществах. На практике мне хватило бы и 30% акций, остальные я продал бы на Камчатку, в Новосибирск, в Норильск,— туда, откуда на собрание акционеров, скорее всего, не приедут те, у кого на руках несколько акций. Но я им, согласно закону, пришлю письмецо с приглашением. «Уважаемая бабушка Соня, приезжай с Камчатки за свой счет на акционерное собрание, у тебя есть одна акция ценою 3 рубля». И всем обязательно надо послать, и если на первое акционерное собрание не соберется более 50% акций, собрание считается по закону недействительным, но только первое. Второе собрание является действительным при любом количестве акций присутствующих на собрании. Прихожу я, у меня 30%, приходите вы. У вас сколько процентов? 5%. Ну, давайте решать, кого директором генеральным избрать, и я решу — кого. Я предлагаю в этом году в силу кризисных явлений дивиденды не выплачивать. Как вы считаете? Вы сразу: «как не выплачивать?» А так, не выплачивать. Зачем их выплачивать? Я сейчас назначу себя с вашей помощью голосами 30 против 5, генеральным директором, и бонус я должен получить. Давайте примем решение, поскольку у нас это очень ответственная должность, бонус надо выплачивать в 500 раз больше, чем зарплата. Нормально будет? Вы говорите, что нет, не нормально. Голосуем. Кто выиграл?

Думаете, я вам сказки рассказываю? Это не сказки. В Волгограде прокуратура занималась расследованием того, как выполняется региональный закон. Там Совет волгоградский принял решение, что зарплаты топ-менеджеров не должны более чем в 8 раз превосходить среднюю зарплату работников соответствующего предприятия. На одном из волгоградских предприятий ежемесячная «зарплата» гене-

рального директора составляет 456 тысяч рублей, а у работников — в среднем 15 тысяч рублей. В волгоградском филиале ОАО «Мегафон» зарплата у работников 20 тысяч, а у руководителя — более чем в двадцать раз больше.

Господин Артяков, губернатор Самарской области, прежде чем стать губернатором, был генеральным директором «АвтоВАЗа». Возможно, его интересует, почему так плохо живется АвтоВАЗу. Уходя с «АвтоВАЗа», он за один год получил 1 миллиард 400 миллионов рублей.

Вы знаете, что банки наши все коммерческие, и ОАО «Сбербанк», куда старушки несут деньги на свои похороны, тоже коммерческий банк. Возглавляет его Греф, от которого еле избавились, когда он был министром экономического развития и торговли. Вы вдумайтесь только в это название. В экономическое развитие торговля не включается что ли? Так вот в 2007 году из 20 членов правления Сбербанка, по данным газеты нашей буржуазии «Коммерсант», каждый ежемесячно получал 3 миллиона 700 тысяч рублей. Потом грянул кризис, стало тяжело, везде руководящий персонал сокращается, а в Сбербанке — увеличивается. Стало 23 члена правления, работа хорошая, не пыльная, каждый получает, правда, теперь меньше — только по 3 миллиона 400 тысяч рублей ежемесячно. На 300 тысяч рублей в месяц каждый получает меньше, чем в 2008 году. Вот если бы вы стали получать на 300 тысяч рублей меньше в месяц, как бы вы страдали! Но у вас такой проблемы нет, поэтому вы и не страдаете. В данном случае нет спора о том, какой источник дохода является главным — свой труд или труд чужой неоплаченный, это совершенно понятно. Это продолжение тенденции прехождения социализма, в результате преобладания которой он перешел в капитализм.

Если капитализм в России советского периода был небытием, ничто, то теперь он опять превратился в капитализм как бытие. А во что он должен был превратиться? Ведь боролись возникновение и прехождение социализма, переход ничто социализма в бытие социализма и переход бытия социализма в его ничто, то есть в капитализм. Поскольку линия возникновения капитализма присутствовала как прехождение социализма и почти никто ее не видел теоретически, как будто бы ее не было, значит, мало кто ее пытался остановить и противостоял ей.

С какого времени перестали противодействовать линии перехода социализма в капитализм? С 1956 года. В 1956 году Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС заявил, что классовая борьба прекратилась. А ведь классы полностью еще не были уничтожены. В.И. Ленин специально подчеркивал, в том числе в работе «Великий почин», что пока классы полностью не уничтожены, классовая борьба продолжается, что для полного уничтожения классов нужно уничтожить различия между городом и деревней, людьми физического и умственного труда, и что дело это очень долгое. Следовательно, классовая борьба прекратилась по решению XX съезда КПСС только со стороны сил социализма, а силы разрушения социализма свою борьбу вовсе не собирались прекращать, они ее только усилили. При этом надо иметь в виду, что классовая борьба в виде борьбы класса против класса внутри страны прекратилась еще в самом начале 30-х годов, поскольку антагонистические классы были уничтожены. Борьбы класса против класса при построенном и еще не разрушенном социализме быть не могло, а борьба рабочего класса против мелкобуржуазных попыток дать обществу поменьше и похуже, взять у него побольше, она что прекратилась? Или эта борьба неклассовая? Что, рабочий класс реализовал все свои классовые цели и задачи? Нет, конечно. И вот КПСС

в лице своего Первого секретаря заявила, что, дескать, всё, классовая борьба закончилась. Ну, раз закончилась, значит, не нужна и диктатура пролетариата.

Когда выкинули диктатуру пролетариата из Программы партии? На XXII съезде КПСС. Это решила правящая партия, не мелочь какая-то, темные какие-то люди, из каких-то органов. Это, казалось, светлые люди, идеологи, специалисты, ученые кругом крутятся, уже тьма ученых-обществоведов образовалась к 1961 году, море. И вот XXII съезд принимают новую Программу, в которой говорится, что и классовая борьба прекратилась, и государство больше не является государством диктатуры пролетариата, государством рабочего класса. А бывает бесклассовое государство, товарищи историки? Слышали такое? Вот Энгельс говорил про народное государство, что это «жареный лед», потому что пока есть государство как машина классового насилия, оно не народное, а когда оно станет народным, оно уже не будет государством, отомрет. Какое государство объявили? Народное, потом при Брежневе появилось так называемое общенародное государство, хотя было ведь известно, что соединение слова народ со словом государство — это немыслимая путаница, пока государство есть, оно не народное, а когда оно народное, оно уже не государство, потому что государство — это, как известно, машина насилия для проведения политики господствующего класса. Если господствующего класса нет, государства нет или, как Ленин говорил в работе «Государство и революция»: «демократия отмирает». Какая демократия? Демократия как форма государства, а государства нет, значит, демократия отмирает. Никто не жарил лед? Надо на кусочки расколотить, положить на сковороду, масло можно не добавлять, поставить на большой огонь, и лед будет шипеть. Когда поджарите лед, что будет? Вода. То есть такой интересный общественный эксперимент.

Маркс писал в «Капитале», что в общественных науках не может быть экспериментов. Как не может быть? У нас в России эксперименты идут постоянно. Давайте посмотрим, что будет, если несмотря на то, что классовая борьба в жизни продолжается, мы объявим, что ее нет. Посмотрели? А что, неизвестно было, что социалистическое государство может только тогда удержаться, когда признается, что оно имеет классовый характер и является государством, одного вполне определенного класса — рабочего класса?

В работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» Ленин говорил, что диктатура пролетариата есть упорная борьба, — кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская — против сил и традиций старого общества. Что, влияние сил и традиций старого общества прекратилось к XXII съезду КПСС? Или, может, оно ослабло в 90-х годах, или наоборот — усилилось? Силы и традиции старого общества по решению партийного съезда не отмирают. А в экономическом отношении социализм имеет причины для мелкобуржуазных тенденций? Конечно, имеет. Вот представьте себе положение социалистического трудящегося, он работает, складывает продукты в общий котел и из этого общего котла получает свою долю по труду, — кроме того, что идет ему через общественные фонды. И с ростом общественного богатства его положение, как члена социалистического общества, улучшается. А вот если бы больше получать, а меньше вкладывать, разве не улучшилось бы положение трудящегося социалистического общества? Улучшилось бы, конечно, если меньше дать, но больше взять. А если дырочку в этом котле продырять, чтобы больше мне ссыпалось в карман? Разве мое положение от этого не улучшилось бы, объективно? Субъективно, может, я и не буду дырочку делать, может, вы будете делать дырочку для нас двоих, а я буду с негодова-

нием говорить: «Как это так, что вы делаете?!». Но объективно есть в этом мой экономический интерес или нет? И если он есть, он что, никак себя не проявляет? Как теоретическое выражение сказок про социализм без классовой борьбы против сил и традиций старого общества и возникла концепция «развитого социализма».

Давайте вспомним, какой показатель использовался для оценки деятельности предприятий в сталинский период развития социализма в нашей стране. Об этом, правда, не пишут ничего, молчат. Однако известно, что показателем работы предприятия было снижение себестоимости продукции. Не увеличение прибыли, которую можно искусственно «надуть» за счет завышения цен, не объем реализации, который тоже можно увеличить за счет вздувания цен, а снижение себестоимости, которое обеспечить повышением цен невозможно. Считалось, что предприятие хорошо работает, если ему удалось снизить себестоимость продукции. А как ее снизить? Повысив умелость, производительность труда, наладив дисциплину, обеспечив технический прогресс. Главный фактор — технический прогресс. Такой экономический подход особенно ярко проявил себя в Великую Отечественную войну. В первый период войны, с 1941 по 1942 год, шло экстенсивное развертывание военного производства. С 1942 года уже никого нельзя было добавить в производство, потому что всех, кого можно было, отправляли на фронт, а кого нельзя было отправлять на фронт, чтобы не разрушить производство, оставляли, и эти люди работали не по 8 часов, а по 12 и больше, сколько надо. Все источники экстенсивного роста военного производства в России были исчерпаны к 1942 году, все. Остались какие источники? Только интенсивного роста. Каждому предприятию давалось задание по снижению цен на его продукцию — танки, пушки, самолеты и т.п. Всего с 1942 по 1944 годы цены на военную продукцию были снижены вдвое. Это дела-

лось планомерно и постепенно. Каждому предприятию давалось задание по снижению отпускной цены при соблюдении уровня рентабельности продукции не ниже 3%. Цены снижайте, но прибыль 3% к себестоимости будьте добры обеспечить, больше не надо, но меньше нельзя. Что могли делать на предприятии? Только одно: внедрять достижения научно-технического прогресса. В итоге на предприятиях и осуществлялся быстрый технический прогресс. Тот, кто думает, что в войну вручную все делали по принципу «давай-давай», глубоко ошибается. Извините, вручную не наделаешь таких самолетов, какие мы делали, и в таком количестве, и танков лучших в мире, и автоматов не наделаешь такое количество вручную, тем более патронов. Тогда, правда, роботов не делали, специалисты говорят, что робототехника — это гробототехника, потому как робот копирует человека и поэтому быстро работать не может, а вот роторные линии, когда при вращательном движении детали и инструмента на одном барабане происходило их перемещение и переход к очередной последовательной операции обработки на другом барабане, получили широчайшее распространение. Вот представьте себе ротор, обрабатывается деталь, она пошла на один барабан, дошла в процессе своей обработки до перехода на другой барабан, на котором совершается вторая операция, на третий барабан и т.д. А скорость если увеличить, то с большой скоростью с роторной линии будут выходить патроны, снаряды, детали военной техники. Конечно, патроны производились не вручную, конечно, рост военного производства обеспечивался постоянным и быстрым техническим прогрессом. В результате с 1942 по 1944 год производительность труда в военной промышленности СССР возросла в 2 раза. При этом соответственно цены снизились вдвое, и доля военных расходов в государственном бюджете страны с 1942 по 1944 год сократилась.

По нынешним временам это кажется чем-то совершенно фантастическим, хотя ничего фантастического здесь нет. А сейчас отрывают денежное выражение затрат от их действительного движения под воздействием роста производительности труда и тем самым тормозят технический и социальный прогресс. Затраты на единицу продукции под воздействием роста производительности труда растут или снижаются? Снижаются, правда? А цены должны отражать движение общественно необходимых затрат труда или исказить? Должны отражать, поэтому цены должны куда идти? Вниз. И так они в капитализме свободной конкуренции и шли. Если я у вас хочу выиграть в конкурентной борьбе, что я должен сделать: повысить цены на свою продукцию или понизить? Понизить, я немножко понизил, и у вас уже никто не берет. Я говорю: зачем вы к нему идете, у меня пирожки на 3 копейки дешевле, — и у меня сейчас же очередь выстроилась, а к вам никто не подходит. Вы и молодой, и красивый, а все идут ко мне. А если не идут, то я уже не на 3 копейки, а на 10, на 50 копеек уменьшу цену — и пойдут. Но уж когда вы разоритесь, тогда я не на 10 копеек повышу цены на свои пирожки. Это уже будет какая цена? Монопольная. Поэтому монопольные цены оторваны от затрат и не отражают должным образом их движение.

Затраты труда на нефть, на газ, на электроэнергию падают или растут? На все падают с ростом производительности труда и падают всю историю человечества. Всё развитие человечества сводится, прежде всего, к развитию производительных сил и выражается в росте производительности труда. В чем проявляет себя рост производительности труда? В том, что за одно и то же время производится больше или меньше продукции? Больше, значит, в одной единице продукции меньше теперь труда содержится, чем раньше или больше? Меньше. Значит, если график рисовать, какой будет график за

всю историю человечества трудоемкости любого продукта после того, как он был однажды создан? Какой будет график? Убывающий, только такой. Другое дело, сколько из ваших карманов хотят вытащить, не надо путать, это совсем другое дело.

Товарищ Путин, будучи президентом, поручил тогдашнему председателю правительства товарищу Зубкову, повысить тарифы на 3 года вперед. Это сейчас дает возможность Владимиру Владимировичу понижать тарифы по сравнению с тем, как они повышены товарищем Зубковым. И народ должен любить Владимира Владимировича, он его и любит. И вы, наверное, заметили, что прибыли генерирующих компаний, как сообщили органы массовой информации, выросли без роста объемов отпущенных электроэнергии и теплоэнергии. Это даже лучше, чем вечный двигатель! Энергии не больше, а прибыли больше, это замечательно! Откуда ее взяли? Взяли с населения, рассказав ему сказку, что затраты выросли. Раньше мы изучали в школе, что электрический ток вырабатывает генератор. А сейчас где вырабатывается электрический ток? Сейчас он вырабатывается в генерирующих компаниях, у собственников которых карманы растопырены и туда сыплются деньги. Чьи деньги? Наши деньги, откуда они возьмутся еще?

Обратите внимание, что показатель, который я назвал, — снижение себестоимости единицы продукции, просуществовал до 1965 года, а в 1965 году разразилась послехрущевская экономическая реформа и произошла либерманизация экономики. Говоря «либерманизация», имеют в виду любимца Хрущева харьковского экономиста Е.Я.Либермана, которому летом 1965 года дано было слово в газете «Правда», и он высказался за то, чтобы показатель деятельности предприятий поменять на прибыль, рентабельность и объем реализации. Его поддержали директор ленинградского Станкостроительного

завода имени Свердлова Г.А.Кулагин (в результате процесса прехождения этого завода уже не стало) и член-корреспондент Академии наук СССР Л.А.Леонтьев. На этом «дискуссия» в «Правде» завершилась. И вот Сентябрьский пленум ЦК КПСС 1965 года принял рыночные показатели, хотя при этом объясняли, что, дескать, какая разница — снижение себестоимости или рост прибыли? Цена при социализме — фиксированная, плановая, отнимите от цены себестоимость и получите прибыль. Зачем, дескать, вы держитесь за это снижение себестоимости, лучше взять увеличение прибыли.

Взяли увеличение прибыли, и что стало происходить? А просто все малоприбыльные продукты стали исчезать, а более прибыльные стали появляться, например, у нас никогда не было роста цен на водку, допустим была «Столичная», стала «Пшеничная», но себестоимость «Столичной» была 15 копеек, а цена 2 рубля 87 копеек, ну а «Пшеничная» рассталась еще с содой и сахаром, которые там были, а цена выросла. И так все остальное. Посуда всякая дешевая поисчезала, детская обувь, все дешевое исчезало. Пытались райкомы партии цены удержать, но как вы можете их удержать, если основные показатели — прибыль и рентабельность. И вот эта линия на повышение цен взяла вверх, опрокинула всё, включая и какие-то слабые попытки руководства ее остановить. Это уже было прехождение, которое приняло экономические очертания.

В брежневский период начали кадры набирать, формировать партийный аппарат из кого? Из вот этих самых хозяйственников, ориентированных на прибыль. Был такой В.А.Медведев, который сейчас в Фонде Горбачева холуем у Горбачева работает, а при Горбачевском руководстве был секретарем ЦК КПСС, до этого — секретарем Ленинградского обкома КПСС, доктор экономических наук, выходец с экономического факультета ЛГУ. Вот этот Медведев издал

учебник для системы партийной учебы, и там картинка такая про хозрасчет: нарисован человек, многорукий, который показывает на себестоимость, цену, прибыль, а на месте головы у него, как вы думаете, что? — Рубль, круглый металлический рубль. Появились и выросли люди с 1965 года, — директора, хозяйственники, министры, у которых вместо головы — рубль, и они составили основной костяк руководства страны. Куда они привели экономику СССР? Довели они ее до нулевых темпов роста в 1982 году, что стало называться засто-ем, а после застоя пришел Михаил Сергеевич, который, в отличие от нас с вами, знает не две системы мышления — метафизическую и диалектическую. У него, видите ли, «новое мышление для всей страны и для всего мира». И вот Михаил Сергеевич говорит: надо все перестраивать, вы еще не перестроили? Надо перестроить. А были и какие-то люди непонятливые, вроде меня, которые спрашивали, а что во что вы хотите перестраивать: хлев в дворец или дворец в хлев? — А неважно, во что, важно перестраивать! Вскоре выяснилось, что такое *перестрой* — это изменение строя. Был один строй, стал другой — перестройка. Деидеологизация оказалась переидеологизацией, департизация — перепартизацией. У нас была одна правящая партия, а сейчас? И сейчас одна, но другая, буржуазная.

При Горбачеве сначала, с того момента, как он приступил к прикрываемому оглушающей болтовней разрушению страны, в решениях XXVII съезда КПСС были записаны те вещи, которые подпадали под категорию возникновения, а не категорию прехождения, — ускорение социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса. Но это тяжелая задача. Для ускорения научно-технического прогресса надо было поменять весь наш парк оборудования. Сейчас, двадцать с лишним лет спустя, воз и ныне там, почти никто оборудование не обновляет, хотя президент говорит, что нам нужны нововве-

дения. Но какие могут быть нововведения, если будут стоять ржавые станки, которым более, чем по 50 лет, а то и по 60? Какие могут быть нововведения? Вы, пожалуйста, присоедините к ним, к ржавым станкам нанотехнологии Чубайса и что будет? Мы знаем, что будет: если Чубайс за что-то взялся, то дело верное — разорит.

Горбачев только пришел к власти, а уже в решениях январского 1987 года Пленума ЦК КПСС вместо ускорения социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса появилась пресловутая *перестройка*, которая, между прочим, в решениях XXVII съезда КПСС не упоминалась. То есть, строго говоря, Горбачев пошел против решений съезда, учитывая, что партийный обыватель то ли решения не читает, то ли считает, что высказывание первого секретаря, генерального секретаря выше, чем решения съезда. К этому времени разложение дошло до такой степени, что секретными стали решения партийных собраний и комитетов. Допустим, вы собираетесь, что-то решаете и, чтобы никто не вздумал еще и выполнить это решение, его засекречивают, и никто не знает, что решили. Это был просто шедевр.

Для горбачевского времени характерна была оголтелая заушательская кампания травли Сталина, хотя у Сталина, как у всякого человека, были, естественно, свои недостатки. При этом в целом он был, без сомнения, положительной фигурой, и народ недаром относился и относится к нему с любовью и уважением. И этому сильно поспособствовали те, кто говорил, что Сталин — абсолютный злодей. Чем больше говорили, тем больше народу считало, что это не так. Как всегда — по диалектическому закону перехода в противоположность. К настоящему времени настолько уже накричали, что Сталин никуда не годится, что теперь уже этого никто и слушать не хочет. Вы, наверное, знаете, что в Москве на станции метро «Курская» реализовали старую

мечту демократов убрать белые пятна истории и восстановили прежний вид вместе с прежней исторической надписью: «Нас вырастил Сталин, на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». Теперь те же «демократы» говорят: «уберите эту надпись». Правда, если уберут, то будет следующая надпись: «Нас вырастил Ленин на верность народу», потому что такие слова стояли в следующей редакции гимна СССР, и такая надпись висела до последней реставрации. Но тут уже выступает главный архитектор Москвы и говорит, что мало восстановления слов из первоначальной редакции гимна, надо памятник Сталину восстановить, который стоял на станции метро «Курская». Тогда только будет восстановлена историческая правда. Короче, чем больше кричат против Сталина — тем больше получается «за», мы это знаем с вами как диалектики, поскольку за известным пределом все переходит в свою противоположность.

А на какие же действительные недостатки Сталина следовало бы обратить внимание, чтобы их не повторять? Вот товарищ Сталин издал 11 раз свой сборник «Вопросы ленинизма», даже некоторые в шутку называли его «Вопросы сталинизма». Одиннадцать изданий, и в каждом издании публикуется выдержка об организационной форме социалистического государства из написанной В.И.Лениным Программы партии, которая была утверждена VIII съездом РКП(б) в 1919 году. В этой выдержке из партийной Программы говорится, что при социализме основной избирательной единицей и основной ячейкой государства является не территориальный округ, а завод, фабрика. Советы возникли и утвердились в качестве принципиально новых, противоположных буржуазным, органов власти и стали организационной формой диктатуры пролетариата как органы, избираемые трудовыми коллективами по фабрикам и заводам, а по сельским территориям только потому, что на селе принцип производственный совпадал с

территориальным. И в таком виде Советы просуществовали до 1936 года, до новой Конституции, которая, говорят, была самая демократическая для того времени. Но с ее принятием в 1936 году была создана новая система власти, и Советы из политической системы фактически были устранены, хотя названия и некоторые их черты были сохранены. Теперь уже коллективы непосредственно не избирали депутата, а могли лишь выдвинуть кандидата, потом его должны были повести на площади или улицы, где его не знают, и там избрать. И кто тогда выбирал реально этого человека? Орготдел обкома партии.

А до этого, скажем, Кировский завод не только выдвигал кандидатов, но и непосредственно избирал четырех депутатов горсовета. Допустим, были избраны Иванов, Петров, Сидоров и Федоров. А после этого коллектив Кировского завода на конференции решил, что Сидоров недостаточно активно выражает интересы рабочих. Тогда он на этой конференции отзывает Сидорова и избирает вместо него, например, Филиппова. При этом что мы делаем? Объявляем избирательную компанию на всю страну? Нет. Мы берем и говорим: Сидоров, спасибо, иди снова на свое рабочее место, вместо тебя депутатом будет Филиппов, и все. Надо какие-то особые выборы проводить? Выборы были открытыми — на собраниях, конференциях трудовых коллективов.

Особенно сейчас видно, что такое территориальная система выборов, когда хорошо известно, сколько нужно иметь долларов, чтобы пройти в законодательные органы по списку той или иной партии. При этом какой процент избирателей должен прийти на выборы, чтобы они считались состоявшимися? Сколько должно прийти, чтобы избрать Единую Россию? Достаточно, чтобы члены Единой России пришли, а больше никто не пришел. У нас есть ограничения по явке сейчас? Нет. Вот мы сейчас придем с вами вдвоем, все остальные не придут, а чего, дескать, ходить, бесполезно, но мы придем вдвоем.

Вы проголосуете, я проголосую. Это действительные выборы? Действительные. То есть вроде демократия состоит в том, что большинство формирует власть. А получается, что меньшинство. Еще недавно был порог явки избирателей в 20%, придет 20,5%, чуть больше половины нормы, 11% проголосует «за», 9% — «против», значит 11% граждан, имеющих право голоса, избирает всю власть. А сейчас вообще нет ограничений. Вы можете и не ходить, мы вот придем вдвоем и все будет хорошо, не волнуйтесь.

Это произошло не при Сталине, но началось с отказа от производственного принципа формирования Советов. То есть, строго говоря, Советская власть, если ее понимать буквально,— это власть Советов, а Советы нельзя понимать иначе, как органы, которые и по рождению, и по смыслу своему формируются трудовыми коллективами. Они, следовательно, просуществовали до середины 30-х годов XX века. Это что, не прехождение? Это те элементы прехождения или моменты прехождения, которые уже зафиксированы, можно сказать, в произведениях научных, в исторических, политических и экономических. Что прехождения в становлении быть не может? Что, есть только возникновение? Построили социализм, строим полный коммунизм. Но если я построил 5 этажей, успокоился и стал почивать на лаврах, может оказаться, что из пяти построенных этажей остался только один и с него кирпичи уже разбирают.

Такого не было? Не может быть такого? А что, у нас новые дома не разваливаются? У нас сейчас разваливаются такие дома, которые построены в расчете на то, что прехождения не будет. А вот старые дома типа Таврического дворца, Смольного, они чего-то не разваливаются. Я вот, например, в Таврическом дворце, будучи в свое время заведующим кафедрой научного коммунизма на полставки в Университете марксизма-ленинизма Ленинградского горкома КПСС, читал

лекции для слушателей отделения партийно-хозяйственного актива. Ходил там и думал, предполагал ли Потемкин, которому Екатерина подарила такой дворец, что здесь будут читать лекции партийно-хозяйственному активу. А думало ли руководство обкома партии, что в этом здании будет размещаться Ассамблея стран СНГ?

Что такое СНГ? Это значит страны, которые друг от друга не зависят, то есть это осколки Советского Союза. А думали ли люди, что прежде чем будет это СНГ, будет проходить референдум, о котором люди темные до сих пор говорят, что народ якобы проголосовал за сохранение СССР. А за что на самом деле проголосовал народ на референдуме 18 марта 1991 года? Это тоже элементы прехождения. Какой вопрос ставился на референдуме? Референдум — это юридическое действие? Юридическое. Значит, надо точно знать, какой был вопрос? Ну, и какой был вопрос? Вопрос был такой: «Вы за обновленный Союз Советских Социалистических Республик как Союз суверенных государств?» Выступаете ли вы за Союз Советских Социалистических Республик как Союз суверенных государств? Что такое Союз суверенных государств? То есть союз государств разделенных. То есть был Союз Советских Социалистических Республик единый, а по итогам референдума он превратится, — если вы проголосуете за то, чтобы признать его союзом суверенных государств, в ССГ. И проголосовало 70 с лишним процентов «за». После этого троим нехорошим людям, которых все обвиняют, — Ельцину, Шушкевичу и Кучме — осталось лишь «выполнить волю народа», подписать протокол о том, что уничтожается Советский Союз. Так это сначала прошло через голосование всенародное, чего же им не подписать, они и говорили, что волю народную осуществляют, хотя на самом деле народ обманули.

Подумайте сами, если есть семья, а мужа и жену убедили провести семейный референдум и проголосовать за то, чтобы они стали су-

веренными, тогда как до этого они были свободными. Это что значит? Есть семья или нет семьи? Нет семьи. Семья есть, когда стороны свободны, и даже спрашивают в ЗАГСе, вы свободно соединяете сердца, вы любите друг друга или нет, свободны или нет. Для того, чтобы люди могли в одно соединиться, они должны быть свободны в том смысле, что никто их силой не тащит. У нас как пелось в гимне: Союз нерушимый республик свободных или суверенных? Суверенных или свободных? Это что пустячок, если такое выносится на референдум?

В советское время референдумы никогда не устраивались, потому что никогда ничего хорошего референдум дать не может. Если я сейчас буду проводить референдум, а вы будете голосовать, кто выиграет? Кто сформулирует вопрос, тот и выиграет. Или не так? Ну, какие мы знаем референдумы? Еще один референдум по конституции. Вот я был членом Конституционного совещания в свое время, которое проводилось в Мраморном зале в Кремле. И после этого совещания сформулирован был Ельциным вопрос, который и был вынесен на референдум. Сколько было проектов конституции? Во-первых, проект комиссии Румянцева — проект комиссии Верховного совета, председателем которой был Ельцин, а секретарем — Румянцев. Во-вторых, тот проект Ельцина, который сейчас считается Конституцией. В-третьих, проект Собчака. В-четвертых, проект Жириновского. В-пятых, проект Слободкина, в разработке которого я принимал участие. Итого пять проектов. Как, согласно закону, принимается Конституция? Надо, чтобы больше половины имеющих право голоса пришло, проголосовало и проголосовало «за», больше половины должно проголосовать граждан, имеющих право голоса, за проект, чтобы этот проект стал Конституцией. Следовательно, нужно было поставить эти проекты на голосование. Может быть, проведя сначала какое-то рейтинговое голосование, и тот проект, который собрал бы абсолютное большинство голосов, стал бы Конституцией. А

знаете, какой вопрос был на референдуме? «Признаете ли вы Конституцию Российской Федерации?» Этот вопрос никакого отношения к проектам вообще не имел. Этаким референдум собрали сразу после расстрела Белого дома и спрашивают: вы Конституцию признаете? Ну, какой может быть ответ на этот вопрос? Конечно, я признаю. Что я признаю? Конституцию РСФСР, потому что другой не было. Конституция-то была, я ее и признаю, а если проект, то это еще не Конституция. И это не мелочи я вам какие-то рассказываю.

Ничего себе мелочи. Советы, как они понимались Программой партии. Диктатура пролетариата и классовая борьба. Косыгинско-либермановская реформа, поставившая такой показатель, который неизбежно должен был привести к росту цен и рыночно-кризисной капиталистической экономике. Про перестройку уж и говорить нечего, она так прямо и называется: перестройка, то есть изменение строя, переходный период к капитализму от развитого социализма. А может социализм как развитой остаться социализмом? Не может, потому что социализм — это неразвитый незрелый, неспелый коммунизм. А «развитой социализм» — это ревизионистская чушь, которая ни под какие теоретические категории не подходит, потому что ниоткуда ни вытекает. Здесь налицо лишь стремление людей обмануть, чтобы они не видели противоположной тенденции. Деятели писали книжки про «развитой социализм». Вот я приехал в Белоруссию, там взял местную газету «Звезда», и там было написано, что мы вступили в этап спелого социализма. Так и представилось, что он созрел, сейчас сгниет и упадет.

Сейчас есть разные партии, которые хотят создать социализм. А подумали ли их идеологи о том, что если вы создадите социализм, его дальше надо будет поддерживать, бороться за него, вести соответствующую классовую борьбу. Да что там социализм. Вот реставрировали у нас после контрреволюции буржуазное общество, и буржуазные деятели не хотят жить даже по буржуазным экономическим за-

конам, не хотят амортизацию делать, чтобы все не развалилось, чтобы Кировский завод не занимался только тем, что он сдает помещения в аренду. А что, капитализм разве не является формой развития производительных сил, разве сейчас не надо заниматься производством? Только по карманам прибыль рассовывать? Зато у нас династии теперь появились. Был директор завода Кировского, его выкинули с пятнадцатого этажа, потом стал править молодой его сыночек, к нему сначала перешла собственность на Кировский завод, а теперь по существу нет Кировского завода, и собственность как-то размывается. У Абрамовича детки будут на яхтах плавать. Если была одна династия Романовых, то теперь династия каждого капиталиста — например, Прохорова. И что это будет? Что, эти детки — отличные организаторы производства? Вот буржуазия международная знает, что детки не всегда бывают отличными организаторами производства, даже если у них папа — выдающийся организатор. Поэтому в развитых капиталистических странах установлен налог на наследство 90%, то есть 90% этой собственности после смерти капиталиста уходит в общую капиталистическую кассу, потому что государственная собственность при капитализме — это собственность класса капиталистов. А у нас как? Не надо налога на наследство, все хорошо. У нас все пусть вывозится из страны, идет в оффшоры и там складывается.

Я хочу сказать, что прехождение имеет место не только в условиях социализма, оно во всех условиях имеет место. Разве в Древнем Риме не было прехождения? Или там было все здорово, рабовладельцы всем владели, и все у них шло отлично? Потом Рим — раз и разрушился. Империя-то какая сильная была, разрушилась. И Древняя Греция, все там процветало, а что, только процветало или также и гнило? Вообще-то из того, что мы с вами изучали на прошлой лекции, следует, что непременно что-то и гнило, а не только процветало. Что-то же ведь гнило, а не в том только дело, что потом пришли ка-

кие-то варвары и все разрушили. В том числе мы знаем, что рабовладельцы до того дошли, что уже свои умственные функции стали передавать рабам. Точно так же и партийные руководители в конце советского периода. Вот сидишь с ним, с секретарем парткома завода, а его речь написал ему какой-то мальчик, чтобы секретарь ее прочитал с трибуны. Я спрашиваю, а чего это тут что-то не то? «Да я этого не читал»,— отвечает. То есть он, не вдумываясь, читает, а просто «озвучивает», как сейчас говорят. И продолжают эту порочную практику. Давайте вы будете моими спичрайтерами, а я буду зачитывать лекции. Кто будет лектором? Да вы и будете лектором, а я кто буду? — диктор. В управленческом аппарате сплошь и рядом главные умственные функции передаются секретаршам, полусекретаршам высокооплачиваемым и т.д., советникам, но сами-то вы должны чего-то соображать? Или у вас только советники да помощники будут соображать, товарищи руководители, — хоть хозяйственные, хоть политические, хоть при социализме, хоть при капитализме? Свою голову надо иметь на плечах и знания.

Так что можно сказать, что мы сегодня занимаемся не просто абстракциями. На прошлой лекции мы залезли в такую абстракцию, что выше уже нет, и полтора часа занимались чистым ничто. Именно поэтому я сегодня счел необходимым остановиться на том, что мы занимаемся всеобщими категориями, то есть самыми крупными категориями, которые есть во всем и проявляются во всем, и если мы это не учитываем, мы делаем очень крупные ошибки. Я сегодня перебирал только крупные ошибки, а не мелкие. Чем более абстрактные категории, тем более крупные ошибки они фиксируют. А более конкретная будет категория — более конкретными будут выявляемые ошибки. И прежде всего мы обратили внимание на самую крупную антидиалектическую ошибку — не знать или на практике не учитывать, что есть другая — противоположная тенденция и что она тоже

объективна, а дело не в том или, по крайней мере, не только в том, что кто-то просто придумал и реализует всякие зловредные планы, что японские и английские шпионы подрывают наши дела. У нас и сейчас есть компрадорская буржуазия, она подрывает нашу экономику, но она не японская и не американская, это наша буржуазия. В каком смысле наша? Наша, потому что она здесь живет, но она есть, используя гегелевский термин, бытие-для-иного, она свои доходы получает от разрушения отечественной экономики, а не от ее развития. Разрушат АвтоВАЗ и за это деньги получают, уничтожат целлюлозно-бумажный комбинат, крупнейший в Европе, который у нас был под Выборгом,— деньги получают, уничтожат Кировский завод,— деньги получают. То есть деньги получают не от развития отечественного производства, а от его уничтожения. Это компрадорская буржуазия, она во всех странах есть, таково ее точное название. То есть это буржуазия отечественная, она, как всякая буржуазия, эксплуатирует рабочих, живет чужим трудом, но не строит заводы и не является организатором производства. Скажем, Маркс промышленную буржуазию уважал, за промышленной идет торговая буржуазия, она тоже заслуживает уважения, потому что если товар не дойдет до потребителя, хотя и был произведен, — это плохо. Дальше идет буржуазия финансовая — банки, которые, вроде, должны обслуживать производство, хотя наши банки, как правило, производство вообще не обслуживают, они просто берут под 10% в Центробанке кредит и под 20% кредитуют предприятия. Я у вас беру под 10%, а вот вам даю под 20%, 10% кладу в карман. То есть вообще ничего не надо иметь, иди просто в Центробанк, бери под 10%, но для этого надо кого-то ограбить, чтобы набрать первоначальный капитал, чтобы банк зарегистрировать. То есть где-то надо набрать первоначальную величину, осуществить первоначальное накопление, тем более что сейчас никто не спрашивает, откуда деньги — это неприлично спрашивать. Если

вдруг ваши деньги в моем кармане окажутся и вы начнете что-то требовать, я скажу, что не надо смотреть, что в моем кармане. Действительно, не надо, потому что если вы будете смотреть, вы увидите, что там ваши деньги. Вот посмотрите теперь в свои карманы, может вы чего-то не досчитаетесь, но не надо смотреть в мой карман.

И в дальнейшем мы будем не просто излагать абстрактные вещи и рассматривать абстрактные категории, но будем держаться той позиции, что это не такие абстрактные философские категории, которые ради их самих предлагаются, а это те всеобщие категории, которые относятся ко всему, ко всем историческим событиям, ко всему историческому бытию, чем бы мы с вами ни занимались, какую бы эпоху ни брали, какой бы строй ни рассматривали, какую бы страну ни выбирали, все они находятся в становлении и везде есть возникновение и прехождение, и в самые светлые времена имеются элементы и моменты гниения, разложения, ухудшения и т.д.

И наоборот, не бывает таких времен, когда правильным будет считать, что все окончательно разрушено. Вот в газете «Советская Россия» любят так писать, они как бы считаются революционерами, когда пишут: «Экономика России разрушена окончательно». А зачем вы газету издаете тогда? Всё, окончательно, сливайте воду. Жизнь окончательно уничтожена наша. Это что значит — окончательно? Не надо даже трепыхаться, ничего нельзя улучшить? Нет, все-таки можно улучшить, потому что наряду с прехождением обязательно есть возникновение, и задача всех представителей линии прогресса поддерживать возникновение и бороться против прехождения. Вот наша с вами задача — в том числе и педагогическая, в том числе и научная.

4. НАЛИЧНОЕ БЫТИЕ И ИЗМЕНЯЮЩЕЕСЯ НЕЧТО В ИСТОРИИ

Мы выяснили, что становление есть единство возникновения и прехождения, причем осталось теперь, чтобы не забыть то, с чего мы начали, и не забыть те категории, которые мы уже использовали, выяснить, где здесь бытие, а где здесь ничто, и мы это тоже с вами выясняли. Где здесь бытие в становлении, которое есть единство становления и прехождения? Есть бытие или оно куда-то делось, исчезло? Есть. Что здесь бытие? Бытие, переходящее в ничто, то есть *прехождение*, есть бытие в становлении. То есть в становлении нет спокойного бытия, а есть лишь бытие, переходящее в ничто. А ничто где в становлении? В становлении есть ничто, переходящее в бытие? Это *возникновение*. То есть возникновение это есть ничто в становлении. Таким образом, мы узнали в этих изменяющихся, движущихся категориях ранее рассмотренные категории бытия и ничто. Но если раньше они выступали как самостоятельные, отделенные друг от друга, то теперь есть лишь бытие, переходящее в ничто, то есть прехождение, и ничто, переходящее в бытие, то есть возникновение.

Далее идет очень трудный переход логический, формально логический переход. Силлогизм. Что мы получили? Что разность бытия и ничто в становлении исчезает. В каком смысле? Не в смысле разности математической, вроде того, чтобы от пяти отнять три, нет, в том простом смысле, что бытие и ничто — *разные*. Разность в том смысле, что они разные. Разные были изначально бытие и ничто, даже казались противоположными, потом все попытки найти, а в чем же они разные, чем они отличаются друг от друга, ни к чему не привели. Берем чистое бытие, и выясняется, что оно то же самое, что и чистое ничто, берем чистое ничто, и выясняется, что оно имеет те же самые определения или, другими словами, такое же полное отсутствие вся-

ких определений. Поэтому, что мы получили в результате внимательного рассмотрения становления? Мы выяснили, что **разность бытия и ничто в становлении исчезает**. Это первое положение. Второе положение: мы помним, что **становление только и есть благодаря этой разности**. Если бы не было этой разности, если бы они не были разными, то какое же могло бы быть становление, какой же мог быть переход одного в другое, не было бы этого. И надо сделать вывод из этих двух предложений, а именно **поскольку разность бытия и ничто в становлении исчезает, а становление только и есть благодаря этой разности, то про становление нужно сделать вывод, что оно тоже исчезает**. И если бы мы стояли на формально логической точке зрения, то, выяснив, что становление исчезает, нам осталось бы на этом все закончить. Все, с чего мы начинали, исчезло, и вообще весь наш труд непосильный по изучению чистого бытия и чистого ничто пропал даром. Но с точки зрения диалектики то, что есть, не может бесследно исчезнуть. То есть все то, во что оно превращается, содержит в себе то, из чего это новое получилось. И все же давайте мы формально логически ответим на вопрос, а что есть исчезание становления, что есть отрицание становления?

Становление — это беспокойное единство бытия и ничто. Одно переходит в другое, другое переходит в первое. А что является отрицанием беспокойного единства? Спокойная простота. Вот что у нас получилось. Получилось, что становление стало спокойной простотой. То есть мы имеем что-то простое и спокойное. Ну, раз мы это имеем, это спокойное и простое, то это бытие. Какое бытие, не чистое же? Это бытие, которое является результатом движения становления или самодвижения становления. Заодно мы сразу с вами можем определить и запомнить, что такое снятие, получив это знание в качестве бесплатного приложения. Если имеет место отрицание, и в нем что-то

удерживается, то это **отрицание с удержанием** или **удержание с отрицанием** называется **снятием**. Вы наверняка слышали про такую категорию. Снятие применимо и к случаю, когда кто-то обругал кого-то, потом извинился. Эта ругань пропала, что ли? Вот я скажу, эх вы, студенты, ничего не знаете, ничего не учили, а потом извинюсь и скажу, что вы все знаете, все учили. Куда пропало первое утверждение? Никуда не пропало, оно уже есть, но оно снято. То есть оно отрицается, оно отвергается и в то же время в этом отрицании сохраняется. То есть отрицание, если оно есть, никогда не уничтожает то, что перед этим было. В формальной логике уничтожает, в диалектической логике — нет, конечно. То есть в диалектической логике каждая следующая категория — это что такое? Спросите меня про какую-нибудь категорию, и я начну рассказывать про нее так: возьмем чистое бытие... и далее протяну всю цепочку категорий до той категории, про которую вы спросили, и вся эта цепочка входит в содержание рассматриваемой категории. Но точно так же, что такое история России? Сначала возьмем первобытных обезьян и начнем дальше рассказывать, как мы добрались до новейшей истории России. В принципе так? Да и в каждом из нас заключена вся человеческая история, каждый человек бесконечен, каждый, кто здесь присутствует. Каждый содержит в себе всю человеческую историю и не только, поскольку он каждый отдельный, особый человек с особой историей. Поэтому, кроме человеческой истории, он содержит в себе свою индивидуальную историю, которая уникальна и неповторима. Если он не содержит человеческой истории, а содержит только некую изолированную от общества свою, он вообще не человек. Потому что человек только в том случае становится человеком, если он воспитывался в человеческом обществе, а если он Маугли, то он, несмотря на при-

надлежность к биологическому виду человеческому, человеком не становится.

Итак, то спокойное и простое, что является результатом снятия становления, — это некое бытие. Какое? Придумать сходу невозможно, названия берутся из истории философии, и они есть в «Науке логики» Гегеля. То, что есть как результат снятия становления и есть налицо, называется *наличным бытием*.

Значит, сколько мы уже знаем категорий? Чистое бытие, чистое ничто, становление, в становлении — возникновение и прехождение, которые не суть какие-то новенькие, а просто те же самые бытие и ничто, но взятые как текущие. *Возникновение* — это ничто, переходящее в бытие. *Прехождение* — это бытие, переходящее в ничто. Наличное бытие — это результат снятия становления. Это выражено тем силлогизмом, который мы с вами реализовали. Разность бытия и ничто в становлении исчезает, потому что бытие стремится к ничто, стремится превратиться в ничто, а ничто стремится превратиться в бытие, то есть они друг в друга превращаются, и так как разность исчезает, то исчезает и становление. А результат снятия этого беспокойного единства есть что-то спокойное и простое, и вот это спокойное и простое бытие называется *наличным бытием*.

Если вы откроете «Науку логики», том первый, — «Учение о бытии», то увидите, что это еще самое начало, и я могу только оказать помощь в изучении этих логических переходов подробным разъяснением этого движения понятий с учетом того, что самостоятельно изучать «Науку логики» Гегеля очень трудно из-за непривычности. Не из-за того, что у нас головы не хватает или знаний не хватает, может даже у нас чрезмерные знания есть. А дело в том, что мы привыкли к формальной логике, в которой есть только или **A** или **не A**, а здесь, в диалектической логике, и **A** и **не A** одновременно.

И вот мы получили спокойное и простое. Оно есть — значит, оно бытие. И мы уже знаем, что если мы получили вот это наличное бытие, то это не истинное бытие. Где вторая сторона? Ее не видно. Ее нет налицо. Но если чего-то нет налицо, это еще не значит, что его вовсе нет. К примеру, если не видно внутренних органов, а их обычно и не видно, поэтому их и называют внутренним, то это не значит, что их нет. Мы с вами как диалектики не поверим, что есть только одна сторона. Где вторая? Сейчас будем искать. А как искать? Чтобы продвинуться вперед, надо быть историками. Что мы знаем про наличное бытие? Только то, что оно вышло из становления. То есть, чтобы пойти вперед, надо оглянуться назад. Это чисто историческая операция. Это классический вариант, когда мы демонстрируем, что для того, чтобы продвинуться вперед, к чему бы это ни относилось, надо оглянуться назад, то есть побывать историком. Если человек этого не сделает, то он вперед не пройдет. Не случайно есть такое изречение, что тот, кто не знает своей истории, тот всю жизнь остается младенцем. Собственно говоря, у нас и выхода-то другого нет. Ведь что мы знаем про наличное бытие? Пока только то, что оно есть результат снятия становления.

Такой исторический подход вообще характерен для диалектической логики, которая предметом своим имеет мысль, которая, в свою очередь, отражает действительное движение и в природе, и в обществе, хотя в логике мы непосредственно смотрим на мысль. Наличное бытие есть результат снятия становления, — значит, в содержании этой категории становление есть? В наличном бытии есть становление. Логично? Как и все наши предки в нас суть. Правильно? Что тут удивительного? Все, что было в истории, есть в нас, — в снятом виде, конечно. А в становлении есть не только бытие, которое налицо, но и ничто. Хотя налицо у нас только бытие. Ранее были такие свободные

чистое бытие и чистое ничто, одно в другое переходило, а здесь простое и спокойное бытие, и налицо ничего больше нет. Но не потому, что нет ничто, а потому, что ничто в этом бытии, в нем. То есть оно скрыто от нас. Такой вид имеют почти все исторические события и факты. Становление в них есть, но, кроме случаев войн, революций и переходных периодов, оно скрыто, то есть налицо есть лишь бытие. Но это только налицо. А в нем есть становление, в котором есть ничто. Вот такое ничто, которое есть в бытии наличном, называется не ничто, а *небытие*, выступающее затем как *определенность*. Обратите внимание на особую тонкость в употреблении диалектических понятий — не ничто уже, а небытие. То есть оно имеет зависимый вид от бытия. Ничто есть ничто, оно самостоятельно, было бытие чистое, было ничто чистое, а в данном случае имеется небытие.

Что у нас получилось? У нас получилось, что наличное бытие содержит в себе ничто, которое называется небытием. К примеру, если один класс победил, а другой проиграл, то что, тот класс пропал что ли, который проиграл? Никуда не пропал, он есть. Теперь он, правда, подчиненный, а не господствующий, но он есть. Как что? Как бытие или как ничто? Он есть как небытие. Какого класса? Того, который теперь правящий. Скажем, победила буржуазная революция во Франции, куда делись феодалы? Феодалы как небытие стали готовиться к тому, чтобы вернуть себе власть. И что сделали? Вернули, но не навсегда. А когда они вернули, они стали чем? Бытием. А чем стали представители буржуазного класса? На время небытием, но они все равно вернули себе власть и опять стали наличным бытием. Интересной была бы работа, где было бы исследовано, сколько раз и как в различных странах происходила буржуазная революция как революция эпохи перехода от феодального строя к строю буржуазному. То же и в отношении социалистических революций. Недостаточно

констатировать, что вот, дескать, был в этой стране социализм — и его не стало. Для неисториков временное движение вспять — это какая-то новость, а для историков, которые знают, что история идет зигзагами и содержит противоположные движения как вперед, так и назад, временная победа контрреволюции и реставрация предшествующего строя открытием не является.

Я брал исторические примеры небытия, но я могу взять совершенно обыденный пример. Вот вы на меня смотрите, а у меня галстук и потому сейчас вы смотрите на галстук. Галстук — это не я, это небытие мое. Так вот есть разница, на меня смотреть или на мой галстук? Есть разница, смотреть на историю или на какие-то эпизоды истории? Есть разница, смотреть на государство или на главу государства? Граждане государства — это государство? Нет. Некоторые говорят: государство — это мы. Это они слишком много о себе думают. Государство тут — наличное бытие, а мы, народ — другое, небытие в нем.

Теперь давайте посмотрим на небытие. Вот мы только что его получили, раскопали. То есть мы — как археологи, но только логические археологи. В наличном бытии нашли небытие, давайте на него посмотрим. Но люди думают, что если мы на него смотрим, мы только его и видим. Нет, мы теперь видим не только его. Мы видим небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия. Мы знаем, куда мы зашли, что и где мы раскапываем. Если Трою раскапываем, то все, что мы при этом нашли, найдено при раскопках Трои. То есть мы наличное бытие как целое не забываем, но мы смотрим сейчас не на наличное бытие, а на его небытие в нем.

Можно теперь записать такую формулу или такое определение, которое почти никто не знает, можете проверить, поймите каких-нибудь философов, студентов, можете аспирантов, доцентов, можете

профессоров поймать и спросить: я тут немножечко забыл, а что такое определенность? Те, кто «Науку логики» не изучал, Вам не скажут, как правило. Так вот, **небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия, называется определенностью наличного бытия.** Про определение вы слышали, конечно же, в математике, в геометрии и в алгебре, а *определенность* — это редкость. К примеру, вот там молодой человек сидит в красном свитере, это его небытие, красный свитер — это же не он, не будем же мы его опускать до уровня свитера, он — это мыслящий разум исторический, а тут всего лишь свитер, но это его определенность. Можно сказать, если я еще ничего другого не знаю пока, поскольку экзамен еще не принимал, что вот товарищ сидит в красном свитере, очень внимательно слушает и записывает. Это его определенность, хотя определенность — это еще очень мало.

Приведу совсем не исторический пример. Вот вы сегодня чай сладкий пили, так сахар, который в сладком чае, — это чай или не чай? Не чай, то есть это небытие чая. Чай — это наличное бытие. А в нем есть небытие. А что именно? Три ложки — и размешал это небытие. Не чай в чае. Некоторые говорят: я не люблю сладкий чай. Они чувствуют, что это отрицание чая и говорят: это уже не чай. Вроде правильно, что это не чай. Но с точки зрения философии налично чай или чай как наличное бытие, причем сахар есть его определенность. Точно так же, когда в чай какой-нибудь бергамот добавляют. Бергамот — точно не чай. Но чай может быть с бергамотом. Это опять же определенный чай. Сейчас вообще норовят во все что-нибудь другое добавить. Мясной фарш продают с растительной добавкой, соевым белком. Это фарш или не фарш? Вроде бы и фарш, но скорее как мед, в который добавили деготь. Такой мед — это мед? Мед. А если больше 50% дегтя, то это уже деготь медовый. В этом случае деготь

— наличное бытие, а мед — небытие этого дегтя в дегте. И это уже не бочка меда с ложкой дегтя, а бочка дегтя с ложкой меда.

Почему зигзаги получаются в истории? Потому что всегда есть бытие и небытие. Вдруг где-то сила небытия, определенности, перевалила через определенный уровень, который характеризует силу бытия, и — р-р-раз — переворот исторический, государственный, революционный и т.д. То есть все было вроде бы спокойно и вдруг — р-р-раз — революционная ситуация. Так в России в 1917 году в феврале все было вроде бы спокойно, и вдруг — буржуазная революция, после которой все вроде бы опять спокойно — все гуляют с красными бантиками. И вроде никто не против. А кто против был буржуазной революции? А вроде и никто.

Диалектическая логика учит, что как только что-нибудь отрицательное возьмешь, оно тут же превращается в свою противоположность — в бытие. Мы уже знаем, что если возьмешь ничто, оно превращается в бытие. С небытием такая же история — взяли мы небытие, это определенность, мы теперь уже на нее смотрим, мы ее исследуем, а раз мы на нее смотрим, она есть, а раз есть, то она уже не ничто и не небытие, а бытие. И если мы ее возьмем специально для рассмотрения изолированно, саму по себе, то **такая определенность, которая берется сама по себе, изолированно, называется качеством.**

Некоторые пишут в своих диссертациях и научных трудах, что мы де проводили качественный анализ, и думают, что они сказали что-то весьма глубокое. На самом деле, хотя мы с вами всего несколько шагов прошагали в диалектической логике, мы понимаем, что ограничиваться качественным анализом означает ограничиваться тем, чтобы не путать одно с другим, то есть на самом элементарном

уровне проводить анализ. Хотя, конечно, очень важно по крайней мере бытие не перепутать с ничто и наличное бытие с небытием.

Недостаточно сказать, что есть одно качество, есть другое качество. Уж поскольку мы теперь взялись рассматривать качество, начинаем в него углубляться. То есть мы не просто берем факт из истории, а начинаем рассматривать качество этого факта. Что это такое, что его характеризует и так далее, и начинаем это качество рассматривать и отдельно, а когда качество рассматриваешь отдельно, то это бытие, но уже не просто бытие. Качество, взятое само по себе, оно, конечно, бытие, но оно уже не чистое бытие, а мы, кроме чистого бытия, знаем еще наличное бытие. Другого бытия мы пока не знаем. И это хорошо. Мы мало знаем, у нас не запутается мысль. Наличное бытие. А в наличном бытии есть небытие. И это обстоятельство, что в наличном бытии есть небытие, заставляет нас посчитать наше рассмотрение качества только как бытия недостаточным. Наличное бытие, содержащее в себе становление как единство бытия и небытия, служит масштабом для понимания односторонности этого рассмотрения качества как безразличного бытия. Надо, следовательно, это качество взять и как бытие в противоположность небытию, и как небытие в противоположность бытию. Вот тогда будет истинное рассмотрение. Это уже в соответствии с тем, что одностороннее рассмотрение не годится.

Как вы думаете, как называется качество, которое взято как бытие в противоположность небытию? Называется **реальностью**. Есть такая новость. В том смысле новость для нас, что мы эту реальность получили не оторванной от рассматриваемого движения, не так, чтобы ни с того, ни с сего, независимо от процесса, который идет в стране, выйти и сказать — такова реальность. Реальность — это бытие в противоположность какому-то небытию. А могло бы это не быть. К

примеру, произошла страшная авария на Саяно-Шушенской ГЭС. Это реальность. Это установила комиссия. Да и без комиссии это понятно. А могло бы это не случиться? Могло бы, но случилось.

Давайте рассмотрим теперь качество как небытие в противоположность бытию. Качество, которое берется как небытие в противоположности бытию называется **отрицанием**.

Подводя итоги, скажем, что качество должно быть взято и как реальность, и как отрицание. Вот если человек хорошо соображает,— это его качество. Это можно выразить как реальность, сказав, что он умный, а можно сказать в форме отрицания, что он не дурак. Вы уж сами выбирайте, как про вас лучше сказать. То есть если вы просто скажете «умный», это вроде бы как-то недостаточно, но это реальность. А если сказать «не дурак», то это означает, что надо найти где-то дурака, привести его сюда и сказать про вас, что вы — не такой. Это отрицание. Причем это можно сделать с любым качеством. Можно сказать, что девушка красива, но можно выразиться и так, что она не дурна. И если этим владеть, то можно под видом похвалы человека принижать. Бунин про Маяковского писал: «Он сегодня выглядел вроде бы прилично». Сегодня выглядел прилично, а про остальные дни неизвестно. Да еще и *вроде бы* прилично. То есть так можно сказать в этих отрицаниях, что в форме похвалы получится явное принижение. Некоторые думают, что надо кричать на какого-либо противника, а зачем? Можно так сказать, что сразу станет ясно, каков он. И у вас такая счастливая возможность сейчас, поскольку вы пишете, вам никто не мешает писать дипломную работу, что хотите, то и пишете. И вот вы можете сказать, что нас учили здесь некоторое время вроде бы хорошо. Или как вы можете сказать про мои лекции? Вроде бы какой-то смысл в этих лекциях временами и был.

То есть человек, который этими диалектическими категориями владеет, любое качество может высказать и как реальность, и как отрицание. Если качество — высота, то можно его выразить как реальность — высокий, а можно как отрицание — не низкий. Так вот иногда нужно в одной форме сказать о данном качестве, а иногда — в другой. Пишут: «Наша экономика дала неплохие результаты в этом году». А хорошие дала? Вроде как про хорошие ничего не можем сказать, но неплохие дала.

Уже у нас сколько изученных категорий? Чистое бытие, чистое ничто, наличное бытие, небытие, определенность, качество как безразличная определенность, изолированная, взятая сама по себе, реальность, отрицание, и уже начинает пухнуть голова. Ну, ничего, сейчас это все свернется в одно, одновременно облегчится и восприятие.

Берем реальность. Реальность есть? Есть, значит, что она? Бытие. Раз есть, значит, бытие. Какое бытие, чистое? Наличное. А в наличном бытии есть и небытие, следовательно, в реальности есть отрицание. Берем отрицание. Отрицание есть, ну раз мы его берем, на него смотрим, значит, оно есть хотя бы в нашем рассмотрении. Раз оно есть, значит, оно бытие, то есть реальность. В реальности есть отрицание, а в отрицании есть реальность, реальность есть отрицание, и каждое из них есть наличное бытие. То есть их разность (то, что они разные) снимается. Нет реальности отдельно, нет отрицания, нет качества отдельно, потому что реальность и отрицание — это одно и то же качество, только взятое в виде реальности и отрицания. Нет определенности отдельно от наличного бытия, и нет наличного бытия отдельно от определенности, нет отдельно определенности и наличного бытия этой определенности, а есть лишь **определенное наличное бытие**. Вот и все, все свернулось в определенное наличное

бытие. Различия сняты, мы о них не забыли, но они сняты. Есть лишь определенное наличное бытие.

Вот когда читаешь «Науку логики» Гегеля, замечаешь такие интересные фразы про качество: «Качество еще не отделилось от наличного бытия, правда оно никогда и не будет от него отделяться». Мысль пошла в одном направлении и потом ее обратно повернули. Потому что, действительно, разве можно изолировать от наличного бытия его качество? Конечно, нельзя. А рассмотреть разве можно сразу и одну мысль, и противоположную ей? В голове же только одна мысль может поместиться сейчас. Я не знаю, как у кого, у кого две головы — у того две мысли сразу могут быть. Вот слушать можно двоих, смотреть двумя глазами, а мысль одну приходится рассматривать, сначала одну, а потом уже противоположную. Да и вообще разве не заслуживают мысли, чтобы их, прежде чем рассмотреть вместе, сначала по одиночке рассматривали? Их уважать надо, эти мысли.

Итак, есть лишь определенное наличное бытие, но это длинно. И вот это определенное наличное бытие короче называется **налично существе** или **нечто**. *Налично существе*, выражая единство наличного бытия и определенности, отвечает сразу на два вопроса: «*Что?*» и «*Какое?*». Пользуясь этой категорией, мы можем рассматривать нечто историческое, например, государство, войну, события такого-то года в Турции и т.д., некое нечто, наличное бытие, но определенное. Не вообще историю как некое историческое бытие, а конкретное историческое, какое-то событие, событие определенное, когда речь идет не просто о наличном бытии. Потому что, когда мы говорим «наличное бытие», мы говорим: налицо оно спокойное, хотя там внутри огонь — становление. А когда мы говорим «определенное наличное бытие», тогда мы еще обычно говорим о событиях в определенной стране в определенное время. И это значит, что мы не просто имеем дело с на-

личным бытием, но с определенным наличным бытием, с нечто. И чтобы подчеркнуть, что здесь определенность и наличное бытие неразрывны, Гегель употребляет выражение *налично сущее*.

Понятие сущего вы можете встретить во многих местах и у многих людей, в том числе у Пушкина: «И назовет меня всяк сущий в нем язык». Язык — это народ в данном случае, всяк сущий в нем язык. Тем более, что нация определяется в том числе и через язык как общность людей, которая характеризуется общностью экономики, территории, языка и культуры. Сущее — это непосредственное, но не существующее и не имеющее место быть, а вот сущее. Когда говорят *сущий*, — это значит непосредственный. В данном случае непосредственно то, что имеется налицо. Бытие — это то, что есть, но не обязательно здесь, непосредственно перед нашим умственным взором. То есть оно есть, но не здесь, а вот то, что здесь и перед нами, — это сущее. Налично сущее на какой вопрос отвечает: на вопрос «Что?» или на вопрос «Какое?». И на один, и на другой, на оба вопроса. Есть и другие примеры подобных понятий. Возьмем слово «раненый». Это слово тоже отвечает одновременно и на вопрос «Какой?» и на вопрос «Кто?». Привезли раненых. Каких? Раненых. Или кого привезли? Раненых. То есть есть такие категории, которые характеризуются единством бытия и определенности. Чтобы подчеркнуть эту слитность определенности и наличного бытия, ищутся в языке и подбираются соответствующие слова.

Зачем подбираются эти слова? Не является ли это игрой в слова? Вопрос резонный. Это зависит от того, как понимается истина. Все философы и во все времена понимали под истиной в науке соответствие понятия объекту. Так бывает с глубокими высказываниями, что они на поверхности не лежат и широко в студенческом, преподавательском обиходе не фигурируют. А всякие бессмысленные или запу-

тывающие дело понятия в обиходе гуляют вовсю. Например, говорят про постмодерн. Это с виду звучит ультрасовременно, это будущее наше, если буквально понимать. Ведь модерн означает современное, а постмодерн значит после современного, то есть будущее или то, чего еще нет. Это с одной стороны. С другой стороны, «пост» означает прошлое, то, что уже было, то есть постмодерн — это то, что когда-то было современным, а теперь уже не современное. То есть в понятии «постмодернизм» заключено очевидное логическое противоречие, но тем не менее его употребляют как нечто изысканное. Точно так же существует увлечение символизмом, когда символ стремятся подставить вместо понятия, соответствующего объекту. Выражение понятия требует поиска соответствующих слов, отражающих именно данный объект. Но если к истине не стремиться, можно просто вас обозначить цветочком, меня крестиком, или вас ноликом, а меня двумя крестиками. То есть когда какой-то знак употребляется просто как символ, он берется совершенно не в связи с содержанием того, к чему он применяется. Вот меня зовут Попов Михаил Васильевич, а не Федоров Иван Петрович. А если бы был Федоров Иван Петрович, что было бы? Да ничего, то же самое. То есть все эти имена собственные, символы ничего не выражают. И вот люди, которые ничего не хотят выразить или не могут ничего выразить, очень увлекаются символизмом, потому что всегда можно какие-нибудь кресты на что-нибудь наставить, нет проблем. Читаешь соответствующих авторов и думаешь: ну надо же, как сложно. Сложные символы.

То есть что должна логика и что, следовательно, люди, пользующиеся логикой, должны делать, стремясь к истине? Они должны подбирать соответствующие понятия, и если верные понятия подберут, — есть истина, приблизились к ней, если неверные — не приблизились. Почему мы тут возмемся с этими понятиями, зачем? Затем,

чтобы найти такие понятия, которые выражают действительное историческое движение. То есть исторический покой, я думаю, вы прекрасно и без этих лекций сможете выяснить. Дескать, это было, и вывод такой, что сейчас этого нет. А зачем тогда нам все, что было, вся это рухлядь. Я, когда в школе учился, думал, зачем изучать историю, изучать то, чего уже нет, пока не пришел преподаватель Игорь Флавиевич Немченко, который рассказывал об истории так, что было ясно, что без нее не понять современность. И он быстро меня привел в чувство. Поставит мне единицу, я потом подготовлюсь, получу пятерку, историк за четверть мне четверку ставит. В следующей четверти все опять повторяется. Ну, пришлось мне изучать историю начать, это потом приходит понимание, а поначалу были единицы.

Так все-таки мы не просто говорим, что было, мы хотим понять внутреннее движение, потому что без этого движения последующее движение не выводится, и будущее неясно. Но можно ли из прошлого и настоящего вывести будущее? Можно, изучая развитие противоречий прошлого и настоящего. А если мы этого движения истории не берем, тогда это просто кубики, кубики, сейчас какой хочу кубик положу и скажу, что это новое общество. Что значит новое общество? Новое общество вышло из старого общества, а раз оно вышло из старого общества, значит, содержит в себе и на себе следы старого общества. Оно является результатом снятия старого общества, а раз так, значит, в нем это старое есть и проявится. Давайте поищем, в чем оно проявится, не схватит ли это старое новое за живое и не удушит ли. Мы сейчас живем в таком хорошем обществе, да, впрочем, мы всегда в хорошем жили. Конечно, лучше жить при рабовладении, чем при первобытнообщинном коммунизме. При первобытно общинном коммунизме, если в войне с другим племенем вы в плен попали, вас бы убили, никто никого в плен не брал. Зачем брать в плен? Ведь работ-

ник не мог произвести такой прибавочный продукт, с помощью которого можно было содержать второго человека, поэтому пленных убивали. А вот когда уже производительные силы развились настолько, что можно было содержать уже второго человека, пленных уже не убивали, а превращали в рабов. Колоссальный прогресс. Произошел переход к рабовладению. Это сейчас нам не нравится рабовладение, потому что никто не хочет быть рабом. Это примерно то, что сейчас обсуждают про смертную казнь. Что лучше: пожизненное заключение или расстрел? Те, кто сидят пожизненно, никто не считает, что для них был бы лучше расстрел. Вот была в «Комсомольской правде» замечательная статья про Огненный остров в Вологодской области, где сидят эти убийцы, которые убили многих детей и на каждой их камере написано, сколько детей кто убил. Содержат их за наш с вами счет, поскольку тысяча долларов в месяц расходуется на каждого приговоренного к пожизненному заключению, и те, у кого детей убили, у кого родителей убили, те, значит, в поте лица своего трудятся над прокормлением этих убийц. Но никто из убийц не считает, что лучше их казнить, из тех, кто там сидит, никто. А им там дают телевизор смотреть, в интернет выходить, их кормят три раза в день, они гуляют. Тут даже подумаешь, как мучают наших студентов по сравнению с этой публикой. Конечно, прогресс был при переходе от первобытного коммунизма к рабству. Колоссальный прогресс.

Весь смысл курса философии истории, и это должен понимать каждый, кто его изучает или слушает, чтобы увидеть историю как движущуюся, то есть в своей голове и в общественном сознании воссоздать это движение истории. Вот она история, она движется, и чтобы это было истинное движение с теми противоречиями, которые были, с той борьбой, которая была, и с ролью личностей конкретных, а не так, что, скажем, царь этот сделал то, а Монферран построил та-

кое-то здание. Вы видели, как он его строил или как он кирпичи поднимал? Или Петр I построил Петербург. Так прямо и построил? Ну, это тяжело ему было. А еще никто ему не помогал? А крепостные не помогали ему случайно? Не возили случайно камни? Или кто поставил колоннаду Исаакиевского собора? То есть это большая проблема — как это все изобразить. И самая главная проблема — как изобразить это движение, то есть как отразить это движение в понятиях. Тогда это наше исследование будет соответствовать требованию истины. Истины как соответствия понятия объекту.

Итак, мы дошли до понятия налично сущего или, короче, *нечто*. Обратите внимание на это понятие. Это понятие положительное или отрицательное? Нейтральное, говорите. У нас нейтрального нет. Нейтральное сейчас изничтожают. Вот сейчас призывают помочь мелкому бизнесу. А что такое мелкий бизнес? Это мелкий буржуа. Кто такой мелкий буржуа? Это трудящиеся, мелкие хозяйчики, у которых есть свои средства производства, то есть они хозяева, но они работают на рынок, то есть они попали в ту среду, в которой они должны или стать настоящими хозяевами, то есть вырасти в капиталистов, то есть не в мелких буржуа, а в буржуа, хотя бы в маленьких, но буржуев, либо должны упасть в ряды пролетариата, рабочего класса, и третьего не дано. Сейчас уже не просто буржуа, а буржуазные монополии господствуют, монополии вздувают цены, и при таких ценах можно и вручную сделать то, что можно продавать, чтобы сводить концы с концами. Но, как вы понимаете, конкурировать с современным высокотехнологичным производством мелкие хозяйчики не могут, поэтому поддерживать этот самый мелкий бизнес — это одно горе. Кто должен поддерживать? Рабочие, которые мало получают, интеллигенты, которые мало получают? Давайте мы у вас возьмем деньги с вашей стипендии и поддержим мелкий бизнес. Там будет

нововведение, они вместо ведра, которое вместо туалета, они что-то еще придумают, купят биотуалет на вашу стипендию. И с какого рожна мы должны его поддерживать? Пусть борются. Мы же пришли в конкурентную среду. С позиций рынка и рыночной конкуренции те, которые сильные, они выживут и станут капиталистами, честь им и хвала. У нас же общество капиталистическое, порадуемся за них. Ну, а те, которые слабенькие, пусть станут рабочими достойными и работают, продают свою рабочую силу и борются за высокую цену своей рабочей силы, за соответствие ее стоимости и все будет по законам капитализма, куда нас привели. Вели, вели в капитализм, теперь говорят: вот мы пришли в капитализм, давайте будем поддерживать мелкий бизнес. Нет, ребята, мы теперь уже поддерживать его не будем. Вы призываете нас провести коммунистический субботник по поддержке мелкого бизнеса? Но это же цирк!

Так что насчет нейтральности нечто — неправильный ответ. Не нейтральное оно. Нечто есть? Есть. Значит, оно бытие. Хотя в слове нечто впереди стоит отрицание — «не». Но это отрицание в слове, в нем, это небытие нечто в нем, его определенность, определенность нечто, к которому мы пришли, это определенное наличное бытие, которое мы умственным взором разглядываем, и неверно говорить, что это ничто, небытие или отрицание. Если кто считает, что нечто— отрицание, то, значит, эти товарищи не прислушивались, позвольте мне на них напасть, не усвоили главного, с чего все начиналось, все, о чем мы говорили. Есть нечто, и поэтому оно бытие.

То есть надо осознать логику движения мысли. Логически, если мы что-нибудь рассматриваем, то оно есть как то, что мы рассматриваем. А раз оно есть, — значит, оно бытие. Хотя мы знаем разные категории, определяющиеся как бытие. Чистое бытие знаем, наличное бытие знаем и уже дошли до нечто, которое есть определенное на-

личное бытие. То есть то, что мы берем из истории, любое конфликтное событие, любое конкретное государство, любую эпоху, любые личности — все это можно рассматривать как нечто, как определенное наличное бытие. То есть по форме это положительное, то есть бытие, но посмотрите, как нахально в начале этого слова стоит *не*. То есть по внешней форме, по виду, по написанию нечто сугубо отрицательное. То есть на вас я напал вроде зря, потому что вы посмотрели на *нечто* и увидели *не* впереди и потому посчитали нечто отрицательной категорией. Вы смотрите: написано *нечто*, ну точно, я согласен с вами теперь, что вроде как иначе сходу и не сказать, что отрицательное. А на самом деле всё же все воспринимают это нечто как положительное. Надо говорить нечто или ничто? А что более отрицательное: *не* или *ни*? «Ни» скорее как усиление используется. Если ничто — это отрицательное, а нечто почему тогда не отрицательное? Вот если бы было *что*, а оно же нечто. И, наверное, из этого было понято, вернее, в этой записи уже видна слитность бытия нечто и его определенности, то есть *не*, это и есть небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия. Вот это и есть качество, а, следовательно, это такая категория, которая сама по себе наличное бытие, а в нем сидит то самое становление, которое проявится, выявится, обозначит себя и которое мы уже можем увидеть и сказать, что нечто есть в себе становление. То есть не развернуто еще, не видно еще этого становления, оно еще не положено, но в себе оно есть. Нечто есть в себе становление. Ну а если оно есть в себе становление, значит надо различать, говорит Гегель, между тем, что есть в себе и тем, что положено.

Вот, говорят, капитализм есть в себе коммунизм. Маркс доказал, что коммунизм — неизбежный продукт развития самого капитализма, который сам развивает в себе общественный характер производ-

ства, кооперацию, планомерность. Монополия планомерное хозяйство ведет? Планомерное. Фабрика — планомерное хозяйство? Планомерное. А что внутри фабрики — рынок? Нет. Кооперация. А *кооперация — это такая форма труда, при которой много лиц планомерно работают в одном или связанных между собою процессах производства*. Развивается рынок или развивается планомерность при капитализме? Планомерность развивается. Сначала были небольшие мануфактуры, потом появились фабрики, потом фабрики стали крупными, потом очень крупными, потом появились монополии, а в пределах монополии разве рынок решает, что производить и как? Ничего подобного — решает хозяин монополии. И как там производится продукция внутри монополии: планомерно или стихийно? По плану, конечно. И вот в этом смысле вполне диалектичное есть определение у Ленина социализма: «Единая капиталистическая монополия, но обращенная на пользу всего народа и потому переставшая быть капиталистической монополией, означала бы социализм». То есть социализм не как просто светлое общество. Берется монополия, берется ее движение. Рассматривается, с одной стороны, объективное развитие этого монополистического капитализма, а, с другой стороны, требование народа, чтобы эти монополии были не только хозяина монополии, потому что не он же все это делает, это делают те люди, которые не являются хозяевами этой монополии, трудовой народ.

Во время кризиса спасали банки. Кто спасал сейчас банки? Да мы с вами и спасали банки, народ. Это наши деньги правительство закачало в банки. А зачем мы их спасали? Не знаем, потому что это ведь и не банки вовсе. Вы знаете, что такое банки? Чтобы понять, что такое банки, надо знать немножко историю и знать, что такое ростовщические конторы. Вы все знаете, кто такие ростовщики. Они давали деньги в рост. То есть денежки вам дали под 20% и если вы че-

рез год 120% не отдадите, вас посадят в долговую яму, и вы там будете сидеть, пока ваши родственнички или знакомые не принесут эти 120%, а если не принесут, то... Сейчас для выбивания долгов ростовщическим конторам, которые объявили себя банками, существуют специальные организации — коллекторы. Вот они и собирают. Вам позвонят в три часа ночи и спросят: должок то отдали банку такому-то? Нет, не отдали еще? А дети есть у вас? Подумайте о детях! Тем более что есть такие фирмы, как бандитские самодеятельные инициативные судебные приставы. Допустим, ваш кредитор выиграл суд и ему с вас причитается четыре миллиона рублей. К кредитору приходят и говорят: «Вы суд выиграли, но вы понимаете, что вам никто не отдаст? Вы уже сколько пытаетесь выбить четыре миллиона? Три года. Давайте вот так: через месяц мы выйдем вам два миллиона, а два миллиона — нам. Договорились?». Приходят потом к должнику: «Долгонько вы долг не отдавали. Так, где у вас батарея? Паяльник у нас есть. Сейчас будем уговаривать вас отдать долг». Очень быстро все отдают. Самое интересное, что «работают» эти бандиты только по выполнению судебных решений, вступивших в законную силу, по которым есть исполнительные листы. То есть якобы помогают государству, кредитору, который же имеет право добровольно отдать им за услугу половину вытребованного долга. А тот злодей, который деньги не отдавал, сам виноват. Конечно, нехорошо поступают с теми, которые были должниками, но долги выбивают. И я не знаю таких судебных процессов, когда бы наказали соучастников этих выбивающих долги фирм. Во всяком случае громко и широко об этом не пишут. Тем более что сейчас стало все благороднее. Прямо так физически не пытаются, а пытаются морально. Вам звонят, пишут, приходят домой, напоминают, почти не угрожают тем, что у вас заберут жилье и

сделают вас и вашу семью бомжами. Собиратели, одним словом, а по иностранному — коллекторы.

Так что, разве банки у нас сейчас? Ясно, что это ростовщические организации. С чего вы взяли, что это банк? Мало ли что эту контору назвали банком. Может, потому, что и деньги-то они не свои в рост дают? Сейчас, грубо говоря, чтобы стать банкиром, надо кого-то ограбить. На полученные деньги учредить и зарегистрировать банк. Дальше что сделать? Если больше денег нет, опять грабить? Нет, зарегистрировавший коммерческий банк бывший бандит — теперь порядочный человек, бизнесмен. Вот как известный лидер тамбовской преступной группировки Кумарин, он же авторитетный бизнесмен Барсуков, зачем его судили? Кумарин заявил, что надеется на милость божью и на судей. А до этого он руководил тем, чтобы головы откручивать людям. И даже здесь, в Петербурге, побоялись его судить, чтобы здесь не поубивали судей, потерпевших и свидетелей. В Москве судят, хотя это не по месту совершения преступлений. Но оставим в покое Кумарина и вернемся к нашему новоявленному банкиру. Он теперь может добывать большие деньги, не совершая преступлений перед законом. Он идет в Центробанк, который дает деньги коммерческим банкам по ставке рефинансирования, берет под 8,5%, а кредиты затем организациям и населению дает под 20% — и живет припеваючи. Центробанк деньги напрямую населению и организациям в кредит не дает, он по закону кормит коммерческие банки. Вы в курсе, что Центробанк сам ссуды не дает никому? То есть государство не дает. Оно вот только дает таким, как тот бандит, который в одночасье стал банкиром и написал крупно на стене своей ростовщической конторы «Банк». Какой банк? Назовите, как хотите. Допустим, «Ваш финансовый друг». Этот ваш новоявленный друг берет в Центробанке под 8,5%, а вам дает ссуду под 20%. 11,5% — в кармане. Ну,

кто теперь его заставит быть промышленным капиталистом? Он лучше будет банкиром. Поэтому выйдешь на улицу — одни банки, а заводы все закрываются.

Но мы-то должны с вами, товарищи историки, различать, что есть ростовщические конторы, которые надо закрыть, и что такое банк. Банк по своему понятию — это такая кредитная организация, которая обслуживает производство, собирая временно свободные денежные средства в хозяйственном обороте и передавая их в кредит тем, у кого оказывается их временный недостаток. Причем кредит дает под малый процент, соответствующий норме прибыли в этом обществе. Если норма прибыли в среднем 15%, то, к примеру, под 10%, чтобы выгодно было брать кредит. Но не под 22%. Какой промышленный капитал в России получает 22%? Лужков возмущался, что с учетом 18% налога на добавленную стоимость кредиты промышленникам предлагаются фактически под 38%. Ну кто 38% прибыли получает? Как можно отдать эти деньги?

Вернемся к нечто. Нечто есть определенное наличное бытие. А в наличном бытии есть становление. Значит, нечто должно быть *положено* как становление, и мы знаем, что в дальнейшем своем логическом развитии оно развернется и станет становлением, моментами которого также являются нечто. Один из них как позитивный, другое — как негативный. Называются они нечто и **иное**.

Рассмотрим эти нечто и иное. Иное — это тоже нечто, а по отношению к иному нечто есть иное, то есть другое, и они совершенно уравнились, безразлично, что брать за нечто, а что за иное. Иное по отношению к иному есть нечто, нечто по отношению к иному есть иное, мы друг с другом их соотносим, и при этом безразлично, что считать за нечто, а что считать за иное.

Начинаем дальше обдумывать, что логически произошло. Мы взяли нечто по отношению к иному, иное по отношению к нечто, причем нечто мы само по себе рассматривали, а иное само по себе не рассматривали. Давайте поэтому рассмотрим иное по отношению к самому себе. Скажите, пожалуйста, что такое иное по отношению к самому себе? Логически это очень просто. Иное по отношению к иному есть иное иного. А если это же сказать другими словами, получим, что **иное иного есть иное**. Теперь надо осознать диалектический смысл этого выражения. Иное по отношению к иному — это иное иного. Иное иного есть иное. Вот с этим кто-нибудь не согласен? Есть такой человек? Нет. Отсюда следует два логически верных вывода. Первое, что *иное иного есть иное же* и второе, что *иное иного есть иное, то есть другое*. Записано в одно предложение два противоположных по смыслу предложения. Два противоположных высказывания записаны в одно предложение, иное иного есть иное же и иное иного есть иное, не такое, другое. Или, другими словами, *иное равно самому себе и иное не равно самому себе*.

Вот мы сейчас пришли к тому, что у нас уже обсуждалось в порядке забегания вперед, помните, я сказал, что мы сейчас забежали вперед и будем говорить про *изменение*, потому что все изменяется в истории. А как изобразить изменение? Вот так изобразить: нечто равно самому себе и не равно самому себе.

Иное есть нечто и что верно для иного, верно и для нечто. Следовательно, нечто есть равное самому себе и не равное самому себе, то есть в нем есть *два противоположных момента*. Один момент нечто — равенство нечто с собой и второй момент — неравенство нечто с собой. Момент нечто, определяемый как равенство с собой, называется в-себе-бытие, а второй момент — неравенство нечто с собой называется бытие-для-иного.

Вот у нас есть такие люди в России, которые говорят, какая ужасная страна, всю жизнь будут ее оплевывать и всю жизнь будут рассказывать, как за границей хорошо. Вот эти люди есть наше бытие-для-иного. Это не иные, иные там, за границей, это наши, родные, можно сказать, свои. Это момент российского нечто, но момент отрицательный. Ну, как предатели. Кто может быть предателем? Только свой. Чтобы стать предателем, надо быть своим в доску, только тогда ты можешь стать предателем. Сейчас они выступают как бы не как предатели, у них просто широкая душа, глобалистский взгляд на мир. Они раньше говорили, что Сталин был глобалистом, руководил по глобусу, а сейчас они стали глобалистами. И Сталина за глобализм перестали критиковать. А как будешь теперь его критиковать? Мы сейчас все перед глобусом. У нас глобальные взгляды, глобальная культура и т.д. Ну, а первый момент, равенство с собой, он очень простой — в-себе-бытие. Это пишется так у Гегеля: в-себе-бытие. Про того, кто неравен себе, говорят, что он не в себе. Про человека, который стал неравным самому себе, могут сказать, что он вышел из себя. Это если бы я сейчас вышел и начал кричать. То есть считается, что я обычно нормально говорю, не кричу. Но если я все время кричу, то наоборот. Если кричал, а тут вдруг стал тихо говорить, скажут: что-то он не в себе. Жаль, что мы не собираем коллекцию таких высказываний. На самом деле язык во все, что человек делает своим, проник и только некоторые гениальные философы, как Гегель, выявляют это все и в чистом виде нам подают.

Итак, всякое нечто мы должны рассматривать как единство в-себе-бытия и бытия-для-иного, как единство этих двух моментов, равенства с собой и неравенства с собой. **Нечто, которое равно самому себе и не равно самому себе, взятое как единство двух момен-**

тов, равенства с собой и неравенства с собой, называется изменяющимся нечто.

Исторический материал таков, что все время меняется. Как может быть не диалектик историком? Нет, быть-то может, но каким историком? Гегель интересное дает понятие, что такое дурной человек. Дурной человек — это человек, не соответствующий понятию человека. Дурной историк — этот тот, который не соответствует понятию историка. Дурной философ — это тот философ, который не соответствует понятию философа. Человек по своей природе — развивающееся нечто, изменяется. Если человек перестал изменяться, ему осталось только физически закончить свой путь, а умственно он уже полностью его завершил.

Кстати, лекции, которые я уже прочитал, вы можете посмотреть в интернете, если хотите. В том числе по тем вопросам, которые у нас еще впереди будут. Лекции такие: «Классы», «Классовые противоречия», «Политика (классовая борьба)», «Государство» и «Ленин в современном мире». В прошлом году наши ученые и студенты затеяли, наши, я имею в виду в том числе и Санкт-Петербургского университета, большой проект по созданию образовательного видеопортала, который с учетом того, что образование не всем доступно, мог бы дать возможность познакомиться с лекциями тем, кто на них не присутствует. С лета и осени 2009 года начали вывешивать лекции, в частности, и мои лекции вывешены в разделе «Политическая социология», «Политология». А адрес этого видеопортала такой: univertv.ru. Лекции вывешены также на сайте Фонда Рабочей Академии по адресу grw.ru в разделе «Библиотека»

5. ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ

Мы с вами рассматривали сначала наличное бытие, потом его определенность как качество, качество брали как реальность и отрицание, потом различие было снято, и мы пришли к нечто. Попробуем из этих философских выводов сделать некоторые выводы для истории.

Некоторым выводом для истории из философии будет тот, что когда вы рассматриваете наличное бытие, то вы его берете как нечто простое и спокойное, в котором нужно найти его определенность. Та определенность, которая называется качеством, — непростая, это определенность, которая неотделима от наличного бытия. Это что означает? Что если ее нет, то нет и наличного бытия. Значит, это не просто некое дополнительное украшение.

Приведу исторический пример. Советы в России были созданы по инициативе рабочих Иваново-Вознесенска в 1905 году. В 1905 году было 11 городов, где городские советы по существу осуществляли власть. И когда нам рассказывают про великое значение Парижской коммуны, мы соглашаемся, но можем сказать, что у нас в России подобных коммун было 11 в 1905 году. Причем коммун не таких, что депутатов избирали по территории, а таких, куда посылали представителей заводских и фабричных коллективов. По своему рождению и по самой своей сути Советы — это органы, формируемые на фабриках и заводах трудовыми коллективами, а не на улицах и площадях, в отличие от того, что было в Париже. Затем эти Советы исчезли и вновь появились в 1917 году. Что характерно? Характерно, что ни один политический деятель или теоретик не может сказать, что он придумал Советы, и ни одна политическая партия не может сказать, что это результат ее деятельности, хотя разные политические партии участвовали в их организации, пытались входить в их работу и т.д.

В частности, в 1917 году в феврале первый Петроградский Совет кто возглавлял? Керенский. Есть такая книга «140 бесед с Молотовым» Феликса Чуева, и в ней есть следующий эпизод. Молотов со Шляпниковым, два члена Русского бюро ЦК большевиков в феврале 1917 года бродят по Петербургу и не понимают, что творится, что происходит. И приходят к Алексею Максимовичу Горькому. Горький наверняка знает, и Горький действительно знал. Он им говорит, что в Петрограде создан Совет рабочих уполномоченных, рабочих депутатов. А где он? А он заседает в Таврическом дворце. Тогда Шляпников и Молотов отправились в Таврический дворец. Подходят к Таврическому дворцу, огни горят, стоит охрана. Просят доложить, что прибыли члены Русского бюро ЦК большевиков, доложите о нас. Кто Совет возглавляет? Возглавляет Керенский. Доложили, Керенский вышел, поприветствовал членов Русского бюро ЦК большевиков и провел их в президиум. И они стали членами Петроградского Совета.

Это к вопросу о том, что никогда в чистом виде, кроме как изначально, Советы не избирались только от коллективов, хотя принцип их формирования именно таков. Поэтому, когда в свое время Горбачев придумал Съезд народных депутатов, депутаты были от друзей кино, от филателистов, от партии и т.д., то это уже была не новость, потому что если сейчас попытаться выяснить, а с каких же заводов были депутаты в Петроградском совете, то это будет непросто. Я знаю, что в фильме «Депутат Балтики» есть персонаж, прообразом которого является Тимирязев, и вот он был депутатом от Балтийского флота, избранным по тому принципу, по которому формируется Совет как Совет. Был в нашем городе трамвайный парк имени Блохина по имени депутата, который был избран от коллектива этого трампарка. По тому принципу, по которому формируется Совет. А что ка-

сается таких товарищей, как Троцкий, неясно, был ли он, как и некоторые другие деятели, избран от какого-нибудь завода.

Получается, что принцип выборов по производственным округам, который был положен в основу самим рабочим классом России, нарушался, начиная с 1917 года. И все же этот принцип, при всех нарушениях, в целом был основополагающим, и в городах Советы формировались по коллективам. Например, в Петроградском городском совете от Кировского завода было четыре депутата. Это означало, что в любой момент Кировский завод мог собрать конференцию коллектива, имеющихся депутатов отозвать и вместо этих четырех избрать других. Поэтому никакой проблемы с отзывом депутатов не было. Ну, а Ленин говорил, что право отзыва — это самое главное демократическое право. То есть если вы можете только послать в какой-либо орган своих депутатов, а отозвать их оттуда не можете, то это никакая не демократия. Потому что наобещают вам с три короба, а потом выполнять обещания не будут. А судить надо по делам, а не по словам, а выбирают ведь только по словам. Парламентская система вообще не предусматривает механизма отзыва депутатов, хотя формально такое право где-то могут и записать, но практически при избрании депутатов по территории осуществить его невозможно.

До какого времени просуществовали такие органы — Советы, определенностью или качеством которых было то, что они избираются через трудовые коллективы и трудовыми коллективами в любой момент отзываются? До какого момента это качество сохранялось? В течение какого периода в истории нашей страны? Это сохранялось до 1936 года, до того, как была принята, как говорят, самая демократическая конституция. Эта демократическая конституция убрала системообразующее качество Советов, и органы под тем же названием Советы стали избираться по территориям. Спрашива-

ется, они остались Советами или нет? Вот здесь мы должны применить то, о чем говорили в прошлый раз. Качество — это то, что неотделимо от бытия. Качество избрания Советов по трудовым коллективам, — это такое качество, которое неотделимо от их бытия. Если они избираются не по трудовым коллективам, это не Советы, как бы они при этом ни назывались. Еще Козьма Прутков писал, что если на клетке слона написано «буйвол» — не верь глазам своим. У нас есть ученый совет, например, на факультете, и у вас есть ученый совет на факультете, у нас есть университетский совет. Я могу давать вам советы, вы мне можете давать советы, мы вообще страна советов, все друг другу могут советы давать. Не это же имеется в виду, когда говорят «Советы». Имеется в виду, что является Советами в точном историко-политическом смысле. Так вот *Советами являются органы, которые избираются по коллективам*. С этим связана и ступенчатая система формирования Советской власти. Избрали городской Совет по представительству от производственных коллективов города, а дальше городской Совет посылает кого-то из своих членов на Съезд Советов, и каждая ступень власти при этом доступна для предыдущей. Если кого-то отозвали из городского Совета, то он «улетел» и со Съезда Советов и из избранного Съездом Исполнительного комитета. Завтра решили отозвать на Кировском заводе кого-то, собрали конференцию и всё — до свидания.

Начиная с 1936 года, практически никого нельзя было отозвать, никого и не отзывали. Мне попались данные, что по Нижегородской области в 1935 году было отозвано порядка трехсот депутатов разных уровней, а с 1936 года никого и ниоткуда не отзывали, потому что это практически *неосуществимо*. Именно из-за того, что было введено восхваляемое ныне прямое представительство. Вот представьте себе, если один депутат избран от полутора миллионов человек, эти полто-

ра миллиона могут по инициативе снизу собраться и отозвать депутата? Да никогда!

Значит, кто-то должен отзыв организовать: или правящая политическая партия или прямо государство. Скажем, кто, начиная с 1936 года, занимался подбором депутатов, чтобы было в представительных органах столько-то рабочих, столько-то крестьян, столько-то интеллигентов, столько-то девушек, столько-то юношей, молодежи. Соответствующий орготдел. То, что делал раньше коллектив трудовой, целиком взяла на себя партия. А взяв на себя ту функцию, которую должен был осуществлять трудовой коллектив, она стала вырождаться, поскольку, кроме хороших качеств, государственная власть всегда порождает и другие, негативные: бюрократизм, карьеризм и т.д. И если 50 лет никого не отзывать из этой номенклатуры, так что с ней будет за период с 1936 года по 1986-ой? И вот в 1986 году пришел Горбачев, плод этой системы, и таких маленьких и побольше горбачевых было полно на каждом уровне.

На «Авроре» все осматривают носовую пушку: из нее, одни говорят, стреляли, другие говорят, — не стреляли. Но есть место, в машинном отделении, где собирался Совет «Авроры» и там висит приказ №1 Петроградского Совета: на всех кораблях, заводах, фабриках создать Советы и направить представителей в городской Совет, то есть видно, что городской Совет был создан вначале из представителей некоторых крупнейших предприятий и воинских коллективов, а потом он пополнялся и расширялся.

Это пример качества, и мы должны понимать, что дело не в названии, а в том, что если это качество есть — то это Совет, а если этого качества нет — это не Совет, а название «совет» может оставаться. Скажем, Верховный Совет, в котором Ельцин был председателем, ввел все приватизационные законы, и поэтому та битва, кото-

рая была в 1993 году, это не была битва за Советы или против Советов. Настоящая битва за Советы или против Советов была очень тихой. Она прошла в 1936 году и проиграна была сначала в головах — на практике никто не бился. Потому что, похоже, никто этого не понимал, а если понимал — то помалкивал. Никаких следов политических дискуссий на эту тему мы не имеем — наоборот, бравурные марши по поводу того, что у нас теперь такая демократическая конституция. И Советы, избираемые по коллективам, пропали. Ну, а если нет Советов, то нет и власти Советов, то есть Советской власти. Поэтому, оставшись несомненно социалистической, власть перестала быть Советской. Какой же она должна была стать после этого со временем? Она должна была стать буржуазной, парламентской. Она и стала со временем «демократической». Или, как сейчас говорят, что такое «демократическая власть»? Это власть «демократов», диктатура буржуазии.

Вот это я специально поискал пример, чтобы он был не какой-то маленький, не пустяковый, а очень крупный, связанный с целой страной и целой эпохой, и с революцией. Мы с вами уже знаем, что категория становления отражает в истории открытую борьбу или войну, которая есть вооруженная борьба классов, наций или государств. Продолжавшийся у нас с ноября 1917 года до начала тридцатых годов переходный период от капитализма к коммунизму — это был период, в котором решалось, кто кого, и решилось, кто кого. По окончании переходного периода мы получили наличное бытие коммунизма в России. Но мы-то с вами знаем, что результат снятия становления — наличное бытие — содержит в себе становление, поэтому борьба по принципу: «кто кого» просто не налицо, но эта борьба продолжается, сохраняется, и вот в данном случае та сторона, которая ранее была побежденной, взяла власть.

Реставрация свергнутых порядков — не редкость в истории. Например, во Франции буржуазная революция проходила так: сначала победила буржуазная революция, потом она проиграла феодалам, потом она снова победила. У нас было не так. Через несколько месяцев после того, как помещиков победила буржуазия, рабочий класс ее прогнал и установил диктатуру пролетариата в форме Советской власти. Но зато он проиграл позже, уже после победы социализма. Вот такая любопытная картина, ничего подобного нигде ведь не было, ни в одной стране.

Иногда начинают искать русскую идею — и до сих пор ищут. Мне всегда казалось это странным, ведь идея обычно характеризуется прежде всего не тем, чья она, а тем, в чем она состоит, в чем смысл-то идеи. Нет, ищут русскую идею. Ну, если все же так поставить вопрос, то по содержанию воистину русской идеей является идея создания Советов и установления Советской власти. Действительно, русский рабочий класс Советы создал, он их изобрел, это инициатива историческая именно его, никто другой даже не претендует на эту инициативу. Повторить ее попытались, во-первых, в Баварии и, во-вторых, в Венгрии. Но неудачно: там задушили эти Советы. А в России Советская власть продержалась довольно-таки долго. Можно сказать, что и после 1936 года власть рабочего класса сохранялась, но уже не в форме Советов, не в той форме, которая, как у Ленина говорится, является организационной формой диктатуры пролетариата.

Самое интересное, что ведь в Программе партии, которую не меняли до 1961 года, до XXII съезда КПСС, было записано, что основной избирательной единицей и основной ячейкой государства является завод, фабрика. И выходит, что несмотря на то, что никто эту Программу не ревизовал, никто ее не отвергал, так произошло, что

Советов уже в середине тридцатых годов не стало. А в 1961 году из Программы партии было выброшено не только положение о том, что основной ячейкой государственного строительства и основной избирательной единицей является не территориальный округ, а завод, фабрика. Выброшен был и составляющий главное в марксизме тезис о диктатуре пролетариата. И тогда уже пошло движение к ликвидации социализма, прикрываемое всякими ревизионистскими выдумками вроде общенародного государства и развитого социализма.

Понять это все можно, если овладевать диалектической логикой, поскольку каждое логическое движение, хотя оно выглядит совершенно абстрактно, есть исправленное историческое движение. Исправленное в том смысле, что в истории есть и движение вспять, а в логическом рассмотрении — движение только вперед. Только благодаря этому логическому рассмотрению мы можем определить, где прогресс, где регресс. Если движение идет назад, скажем, от наличного бытия коммунизма в переходный период, то это движение вспять, или если в переходный период преобладающим является не возникновение, а прехождение коммунизма — это контрреволюция, и мы перешли снова в буржуазный строй.

Разве для историков является какой-то новостью, что сначала буржуазный политический строй возник, потом исчез, а затем снова возник? Для историков это никак не может быть новостью, чем-то таким удивительным. А разве бывает, чтобы что-то сразу стало и прочно держалось? Не бывает. Не исключено, что кто-то из тех, кто будет экзамен сдавать, с первого раза его не сдаст. Тоже может быть. Ничего страшного я в этом не вижу, он посидит, подумает, подойдет и тут же через полчаса сдаст. Я от этого оценку понижать не буду, потому что человек подумал. Мало ли что человек скажет сгоряча, сгоряча это сущее, а мы наличное бытие должны брать.

Итак, на каком логическом звене мы остановились? Какую сакраментальную фразу мы записали? Что *иное иного есть иное*. И отсюда чисто логически выводится, что на самом деле в этой фразе содержится два утверждения. Что иное иного есть иное же, и иное иного есть иное, другое, не такое. Следовательно, тут есть два момента в ином, момент равенства иного с собой и момент неравенства иного с собой. Но иное — это тоже нечто, мы на этом останавливались, отмечали, что безразлично, что брать за нечто, что брать за иное. Если я — нечто, то вы — иное, если вы — нечто, то я — иное и т.д. То есть что брать за нечто, что брать за иное, — это определяется внешним образом. Вот именно поэтому тот логический вывод, который мы сделали, не просто относится к иному как к какому-то виду нечто, а к нечто как к таковому. Всякое нечто изменяется, в том числе всякое историческое нечто, то есть всякое определенное наличное бытие, всякое налично сущее, если оно живое, если оно историческое, если оно не мертвое какое-то, просто фотография или просто какой-то осколок или черепок, хотя и черепок тоже или кости, они же тоже находятся в процессе становления — возникновения и прехождения. Иногда мы видим хорошо сохранившиеся останки цивилизации, иногда видим плохо сохранившиеся останки цивилизации, но они находятся в процессе своего прехождения естественно. Следовательно, каждое историческое нечто имеет момент равенства с собой и момент неравенства с собой.

Например, если где-то когда-то построили социализм, скажем, на Кубе, то несмотря на то, что страной руководил Фидель Кастро, такой пламенный и воистину гениальный вождь, мы все равно можем сказать, что перед законами диалектики не властны никакие отдельные личности. На Кубе наряду с моментами развития социализма есть моменты его деградации.

То же самое вы можете наблюдать и в Северной Корее. Я там был в 1992 году, должен сказать, что очень интересно там побывать, и северокорейцы колоссальные достижения имеют. А ведь они находятся в состоянии войны с 17-ю государствами, мирный договор не подписан. Я был в пограничном Панмыньджоне, обходил вокруг стола мирных переговоров, где с одной стороны стола стоит флажок Корейской Народно-Демократической Республики, а с другой стороны — 17 флажков воюющих с ней государств, в том числе флажок Соединенных Штатов Америки. Без учета этого трудно понять поведение северокорейцев, дескать, что это они там готовятся к войне. Но война-то у них не закончилась, потому и готовятся, потому что в любой момент могут быть начаты военные действия. В то же время и противники понимают, что легкой прогулки никак не получится. Все знают, какая была ожесточенная корейская война, там были китайские добровольцы, наши летчики.

Я пытался найти там нечто подобное Советам, спрашивал, интересовался, с нами руководители общались. Там интересная есть одна форма работы: каждый освобожденный руководитель партийный, на каком бы высоком посту он ни стоял, чтобы не отрываться от народа, один месяц в году должен отработать неосвобожденным секретарем партийной организации на каком-нибудь промышленном предприятии или в колхозе, или в совхозе. С нами встречался секретарь ЦК Трудовой партии Кореи и говорит: вы извините, что я с вами раньше встречаюсь, еще с вами завотдела не встретился по субординации, но я завтра уйду в колхоз неосвобожденным секретарем парторганизации и буду там этим заниматься. Такой порядок в какой-то мере удерживает от перерождения, но Советов как Советов я там не нашел.

Неизвестно, есть ли Советы в Китае. Революционные комитеты были на Кубе, но они какой-то прочности как орган власти и устой-

чивости, которая могла бы быть, если бы они формировались по производственному принципу, не получили. Во время поездки в КНДР меня лично не покидало такое чувство, что придет корейский Хрущев — и на этом закончится социализм в Корее, или корейский Горбачев, выбор тут есть. То есть при отсутствии Советов, избираемых через трудовые коллективы, слишком велика роль той личности, которая стоит во главе, очень много от нее зависит, нет устойчивости. Сталин, конечно, великий человек. Но, с другой стороны, он создал систему, которая рассчитана на то, что во главе уже стоит умный и порядочный человек, а как сделать, чтобы наверх поднимались именно такие люди — без отзыва снизу, со стороны трудовых коллективов это сделать невозможно.

Давайте зафиксируем то, что получили. Вот тот вывод, который мы получили: изменяющееся нечто, всякое историческое нечто, то есть всякое определенное наличное бытие, которое мы обнаруживаем в истории, является изменяющимся, а изменяющееся нечто — это нечто, которое является единством двух моментов: равенства с собой и неравенства с собой. Момент равенства с собой в диалектике, в «Науке логики» Гегеля называется *в-себе-бытие*. Момент неравенства с собой называется *бытие-для-иного*.

Насколько хороши эти названия? Право на то, чтобы давать названия категориям, получает тот, кто занимается систематизацией науки, кто строит здание науки от простого к сложному. Поэтому некоторых категорий не было до того, как их предложил Гегель.

Ну, вот *в-себе-бытие* — хорошее название или плохое? Оно вполне воспринимаемо. Например, если говорят, что человек сегодня не в себе, это что значит? Не равен себе. Или говорят: вышел из себя. Что значит вышел из себя? Стал неравным себе. Был нормальный человек, спокойно разговаривал и вдруг начал кричать на студентов.

Ясно, что человек стал не равен себе. Поэтому в-себе-бытие и понимается как равенство с собой.

А что значит *бытие-для-иного*, в иное же нечто не превратилось? Потому что оно одновременно и равно самому себе, но оно бытие-для-иного, то есть момент превращения в иное, который превращением в иное не завершается и нечто остается все же равным самому себе. Вот, скажем, компрадорская буржуазия — это местная буржуазия, не иностранная буржуазия, а своя, но такая, которая свою прибыль получает не от развития отечественного производства, а от его разрушения и насаждения господства иностранных монополий. Можно сказать, что сегодняшний день в России характеризуется тем, что компрадорская буржуазия во многом взяла верх. Куда идут деньги, которые поступают от производства, в том числе от продажи нефти и газа? Сначала эти деньги фиксируются в прибыли, в нее попадает примерно 90% от той зарплаты, которую надо бы платить, исходя из того, что зарплата — это цена рабочей силы и должна соответствовать ее стоимости. В прибыль перекачивается и до 90% амортизационных отчислений, которые, как и зарплата, должны входить в издержки производства, а не искусственно переноситься в прибыль. Что такое амортизация? Буквально — неумирание. Вот у нас 73,5 триллионов рублей — это стоимость основных производственных фондов на начало 2010 года. Чтобы они амортизировались, надо примерно за 10 лет их все заменить. Для этого что нужно делать? Ежегодно в издержки производства, в себестоимость закладывать десятую часть стоимости фондов. Десятая часть от 73,5 триллионов сколько? Это 7 триллионов 350 миллиардов рублей. В один год откладывается такая сумма, во второй год, через 5 лет уже свыше 36 триллионов рублей — и половину парка оборудования можно заменить на новейшее, современное, то есть модернизировать. А что у нас сегодня под модерни-

зацией понимается? Куда мы нанотехнологии приделаем, если кругом старая техника, выпущенная полсотни лет назад? Так вот компрадорская буржуазия получает свои средства и свой доход от разрушения отечественного производства и от перекачивания денег за границу. Куда идут деньги после уплаты налогов на прибыль, в которой содержится 90% нормальной зарплаты и 90% амортизационных отчислений? Уплатили налоги, налоговые инспекции довольны, потому что большая прибыль, а дальше деньги куда пошли? По месту регистрации. А где регистрируются наши крупнейшие компании? В основном в оффшорах. То есть деньги не просто выводятся из экономики, они выводятся из страны. Эти деньги там, оттуда уже не вернешь.

Поэтому, когда вам говорят, что денег нет — это правда. Денег нет на образование, на медицину, на лечение, потому что эти деньги уведены из страны. А вы посмотрите, на каких машинах ездят государственные служащие, государственная почта — они все иностранные. Вот наши предприятия сделали скоростной поезд «Сокол», у которого для обеспечения безопасности в передней и задней части каждого вагона была сминаемая часть на случай, если он при большой скорости врежется во что-нибудь. Убрали «Сокол», купили немецкий «Сапсан», чтобы обеспечить работой производителей Германии. Если вы пойдете по улице, будете смотреть, то увидите в основном иностранные автомобили. На какие деньги они приобретены? На те деньги, которые не направлены на развитие отечественного производства.

Вот что мы увидим, если будем рассматривать такой маленький логический поворот: *бытие-в-себе* и *бытие-для-иного*. Ну, как может подняться наше производство, если все деньги вкладывать в развитие иного. А надо вкладывать деньги прежде всего в свое производство, а не в иное, не в иностранное. Нет, мы купим там. А раз мы купим там,

значит, мы не вложим деньги сюда. Кто это делает? Ну, если говорить научно, то компрадорская буржуазия. Не надо путать компрадорскую буржуазию с ориентированной на развитие отечественного производства национальной буржуазией. Наряду с обычной классово-вой борьбой, когда рабочий класс и буржуазия борются между собой, мы имеем дело и с такой борьбой, фронт которой проходит внутри буржуазии во многом. Или человек, например, живет здесь и говорит про свою страну: «в этой стране». Одни говорят: «в нашей стране», другие говорят «в этой стране». Они, как бы пролетая по миру, временно остановились в чуждой им этой стране. И вот у нас есть люди, которые будут всю жизнь в России жить и все время будут говорить, что они живут в этой стране, не в нашей стране, что ничего никогда в России хорошего не было, нет, не будет и не может быть. И вы будете им доказывать на фактах исторических, сколько было всего хорошего в России — не поверят, потому что они бытие-для-иного. И «туда» ведь не поедут. Здесь выгодно и удобно в мутной воде ловить рыбу, получать большие доходы, жить очень хорошо и все время говорить, как здесь плохо.

Я думаю, что изучение диалектической логики сделает ваше ухо более тонко воспринимающим эти нюансы, потому что иначе незаметно как-то так происходит: было так, а потом стало совсем не так, хотя поначалу вроде бы пошло хорошо.

В 2008-ом году 17 ноября правительством России было принято решение утвердить Концепцию социально-экономического развития России до 2020 года. Согласно ей в 2012 году производительность труда должна вырасти на 30% по сравнению с нынешней, и это действительно была бы модернизация. Как обеспечивается рост производительности труда? За счет таких станков, которые экономят труд людей. Теперь уже сообщили, что согласно новому прогнозу мини-

стерства экономического развития до 2012 года рост производительности труда составит 3%. Зато нам много расскажут про модернизацию. Ну что это за модернизация, если рост производительности труда составит 3%?

Некоторые наши товарищи, граждане, которые не очень глубоко проникли в содержание экономических процессов, печалются по поводу падения курса доллара. Если печалются те, у кого много долларов, то это понятно, так как с падением доллара у них становится меньше денег. Но американские предприниматели, работающие на экспорт, не печалются. Дело в том, что рост производительности труда в Соединенных Штатах составляет примерно 4% в год, а в европейских странах около 2% в год. Значит, за счет повышения производительности труда Соединенные Штаты могут понизить стоимость своих товаров. Тогда понижая покупательную способность доллара американцы тем самым понижают цены сразу на все американские товары и, следовательно, завоевывают мировой рынок. Значит, плакать надо тем, у кого «укрепляется» денежная единица.

Или, например, если у вас не обыкновенная акция, а привилегированная. Привилегированные акции — это те, которые не голосуют, а обыкновенные — это те, которые голосуют. Маленький терминологический обман. Для простаков дают такие названия, и простаки на них покупаются.

Вы найдете таких примеров еще больше, потому что это дело и историков, посмотреть, как, в каких конкретных формах в обществе проявляют себя всеобщие категории. Точно так же люди, которые занимаются физикой, могут увидеть, как всеобщее проявляется в физике, химики — в химии, механики — в механике. Например, что такое в механике движение? Двигаться — значит, находиться в этой точке и не находиться в ней, вот противоречие. Если только я в этой точке

нахожусь, значит, я не двигаюсь, а если я через эту точку не прохожу, значит, я тоже не двигаюсь. Поэтому понять механическое движение без диалектики нельзя. Противоречие механического движения состоит в том, чтобы находиться в этой точке и не находиться в ней, и это означает, что совершается движение.

Может показаться, что мы с вами вроде бы до конца изучили историческое нечто или просто нечто. Это изменяющееся нечто. И тут, когда мы хотели друг друга поздравить, вдруг мы вспоминаем, что это же определенное наличное бытие. Значит все, что мы выяснили и сформулировали про бытие, равное — не равное, равенство с собой, неравенство с собой, — все это относится и к определенности наличного бытия.

С этой истиной, как и вообще с истиной, вовсе не все хотят считаться. Говорят, например, что народ наш сражался в Великую Отечественную войну, а главнокомандующий, который ведь есть определенность армии, никуда не годился. И мы победили, дескать, вопреки главнокомандующему. Это какой-то детский лепет, но это же пишут всерьез, говорят по телевидению. За недостаток хотят выдать достоинство. Хотя у Сталина есть и недостатки. Я на один такой недостаток указывал, очень крупный — Советы при Сталине исчезли. Но из этого не следует, что он не был замечательным главнокомандующим и не сыграл выдающейся роли в победе нашего народа в Великой Отечественной войне. Нельзя так изображать людей без противоречий.

То, что мы обнаружили относительно наличного бытия нечто, надо в силу его единства и неразрывности с определенностью отнести и к определенности наличного бытия. Но прежде нам еще один момент надо рассмотреть. У нас есть бытие-в-себе и бытие-для-иного. Эти два момента неразрывны, а раз они неразрывны, значит. они в

единстве, значит во в-себе-бытии есть бытие-для-иного. Как раньше говорили, поскреби записного коммуниста и найдешь в нем мещанина. Поскреби в-себе-бытие и найдешь в нем бытие-для-иного. Давайте теперь возьмем в-себе-бытие с отрицанием вот этого бытия-для-иного во в-себе-бытии. Еще один раз очистим это в-себе-бытие от бытия-для-иного. Вот этот момент утверждения в-себе-бытия через отрицание в нем бытия-для-иного дает еще один момент — *в-нем-бытие* или просто *в*. Кстати, если присмотреться к мысли о внутреннем или о *в*, то выясняется, что никаким образом нельзя объяснить, что такое *в*, кроме как обращением к тому, что *вовне*. Если в бочке, значит не снаружи этой бочки. Если в кастрюле, значит не вне ее. А как вы еще объясните *в*? То есть *в* противостоит тому, что выходит во вне. Вот это вот противостоящее тому, что выходит во вне во в-себе-бытии называется *в-нем-бытие* или просто *в*.

Вам, может, покажется мало того, что я сказал, и надо будет взять «Науку Логике», книгу первую «Учение о бытии», дойти до соответствующего места и почитать. Я кое-что сделал для того, чтобы было ясно, что это полезная вещь и дальше нужно самостоятельно разбираться. Мы не можем бесконечно останавливаться, мы должны двигаться вперед.

Итого мы имеем три момента нечто: в-себе-бытие, бытие-для-иного и в-нем-бытие. В-нем-бытие берется как в-себе-бытие с отрицанием в нем бытия-для-иного. Попробуем привести пример. Вот в каждом из нас есть бытие-в-себе и бытие-для-иного. Каждый здесь присутствующий хочет стать специалистом, а сейчас-то он еще не специалист, поэтому его бытие-для-иного вовсе не следует понимать в чисто негативном плане. Применительно к обучающемуся это имеет тот позитивный смысл, что студент не должен оставаться равным самому себе, он должен быть и бытием-для-иного, то

есть он должен превращаться в специалиста. Поэтому равенство студента с собой включает во в-себе-бытие и бытие-для-иного как равенство с собой, противостоящее своему неравенству с собой, и потому есть в-нем-бытие.

Вот теперь нам то же самое надо просто буквально, именно в силу неотделимости качества от наличного бытия в определенном наличном бытии, то есть в нечто, пересказать для определенности. Мы обнаруживаем *качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто — в-нем-бытием*, это есть **определение**.

Где-нибудь вы, кроме как в «Науке логики» Гегеля читали научное диалектическое определение определения? Если вы откроете какой-нибудь словарь, там написано, что определение — это совокупность свойств, признаков, и этот мешок свойств и признаков называется определением. А в диалектике что в качестве определения берется? Медленно будем разбирать, что это означает. Качество, которое есть в себе — это такое качество, которое при всех изменениях сохраняется. Вот у нас были коммунисты, сидели в парткомах и т.д., сменилась власть — и они тут же перестали быть коммунистами, перекрасились и стали демократами, придут либералы, и бывшие коммунисты станут либералами и т.д. Значит, у них качество коммунистов было, но оно не принадлежало к их в-себе-бытию, не принадлежало к их определению, они коммунисты были не по определению, а по внешнему виду. Вот когда во Вторую мировую войну на нашу землю пришли фашисты, то настоящие коммунисты пошли в подполье и стали создавать партизанские отряды, а комсомольцы, то есть молодые коммунисты, стали создавать «Молодую гвардию». А некоторые записные комсомольцы конца 80-х годов стали создавать некие центры НТТМ, и из них вышел Ходорковский. Поэтому, когда

мы говорим об определении, надо брать такое качество, которое в изменениях не улетучивается, а сохраняется. Как это записывается логически? Качество, которое есть *в себе* в простом нечто и, кроме того, находится в единстве с другим моментом этого нечто — с в-нем-бытием. Что значит в единстве с в-нем-бытием? Значит, выходит во вне. Раз я отрицаю бытие-для-иного, то через отрицание я во вне и выхожу, то есть берется не просто качество, которое есть, но которое в изменениях противится переходу в иное. Если человек считается порядочным, но при изменившихся условиях он тут же свою порядочность теряет, не говоря уже о том, чтобы противодействовать непорядочности, значит, эта порядочность не принадлежала к его определению. То есть хорошо, пока все тихо-мирно, но как только все изменилось и когда как раз нужно проявить свою порядочность, тут ее и нет.

Поэтому, в частности, Гегель и говорит, что одно и то же нравственное изречение имеет разную смысловую глубину в устах ребенка и в устах зрелого человека, подвергавшегося в жизни различным испытаниям и противостоявшего им.

Качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто, с в нем бытием — вот что такое **определение**. К определению нечто принадлежит не такое качество, которое сразу исчезает, как только что-то меняется, а то, которое сохраняет себя во всех изменениях и противодействует этим изменениям.

Ну вот, мы с вами знаем, что такое определение, это большая редкость. Я думаю, что помимо «Науки логики» Гегеля вы вряд ли увидите в каких-то книгах определение определения, не говоря уже о различении определенности и определения.

Давайте поставим вопрос о том, что есть определение человека. Гегель определял человека как мыслящий разум. И отмечал, что определенностью человека, которой он отличается от всех других животных, является наличие мочки на ушах, ибо больше нет таких животных, у которых есть мочка на ушах. Ну, а если кто-либо в аварии потеряет ушные раковины, что он перестанет быть человеком? Значит, наличие мочки на ушах не есть то качество человека, которое сохраняется в изменениях. Поэтому оно не годится как определение. Поэтому можно сказать, что человек — это животное, у которого есть мочки на ушах, серьги можно носить, но это не определение человека. А вот то определение человека, которое в развитие гегелевского определения дал Энгельс: *человек — это животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное*. Но надо, чтобы к этому определению был исторический подход. Люди появились из человекообразных стадных обезьян через труд, труд требовал сигналов, т.е. требовал речи, и далее мышления, которое проявляется только в языке, так мы приходим к тому, что человек есть постигающий в понятиях.

К определению человека, как и ко всяким определениям надо подходить с большим вниманием, потому что это очень серьезные вещи в науке. Если мы не знаем определений, о чем мы дальше можем говорить? Насчет войны мы выяснили. Что такое война? Это вооруженная борьба классов, наций и государств: если вооруженная борьба классов — то это гражданская война, если наций — национальная война, если государств — обычная война между государствами.

Мы теперь знаем, что такое определение. А определенность, которая есть лишь бытие-для-иного, называется характером или свойством, в разных изданиях «Науки логики» — разный перевод. Слово характер дано в собрании сочинений Гегеля, изданном в тридцатых

годах прошлого века большим тиражом и имеющемся во всех крупных библиотеках. В вышедшем в 1937 году пятом томе этого собрания — «Объективная логика», в «Учении о бытии» определенность, которая есть лишь бытие-для-иного, переводится как характер. А во всех сравнительно недавних изданиях переводится как свойство.

Определение и характер находятся в единстве друг с другом, поскольку составляют одну и ту же определенность и, следовательно, через характер (или через свойство) определение проявляет себя во вне, а с другой стороны, через характер можно проникнуть в определение и изменить его.

Мы на своем историческом опыте убедились, что реформирование, которое вроде бы не затрагивает существа, может служить формой контрреволюции. Поэтому, хоть я и говорил, что определение — устойчивое, прочное, но оно такое устойчивое и прочное, которое все же может быть подвергнуто отрицанию через характер или свойство. То есть такого прочного, которое ничем никак нельзя изменить, — к сожалению, такого нет. Хоть и были твердокаменные большевики, которых называли ленинской гвардией, но если начнем эту гвардию смотреть, то увидим Троцкого, Зиновьева, Каменева. Какая это гвардия? Или Дзержинского возьмем, это действительно гвардия, но Дзержинский на VII съезде партии выступал против Ленина, когда стоял вопрос о Брестском мире. Всяко бывает. Это не делает из Дзержинского менее выдающегося революционера, он действительно крупный деятель, но, к сожалению, нельзя его нарисовать без недостатков. Ну, а Маркс, ведь он сначала был идеалистом, а потом стал материалистом и основоположником исторического материализма. Вы можете взять 6-й том Полного собрания сочинений Ленина и обнаружить там, что когда Ленин был членом комиссии по разработке Программы партии, принятой на II съезде РСДРП, он проявлял неко-

торые колебания по вопросу о диктатуре пролетариата. Председателем комиссии был товарищ Плеханов. И вот Плеханов подготовил текст, в котором было написано, что государство должно быть государством диктатуры пролетариата. Он большой марксист был, грамотный. Ленин пишет замечания на первый проект Программы: зачем нам, дескать, диктатура пролетариата? Хватит нам и руководящей роли рабочего класса. Плеханов был большой ученый, он взял и выкинул эту диктатуру из проекта, поставив руководящую роль. Смотрим замечания Ленина на второй проект Программы Плеханова. У Плеханова уже стоит там руководящая роль рабочего класса. А Ленин почитал к этому времени Критику Готской программы К.Маркса, Критику Эрфуртской программы Ф.Энгельса и пишет: помнится, здесь стояло положение о диктатуре пролетариата, которое Маркс и Энгельс сугубо подчеркивают, надо вернуть. Плеханов был большой ученый и обратно диктатуру пролетариата поставил. И большевики стали первой рабочей партией, у которой в Программе стоял тезис о диктатуре пролетариата. Выбросил этот тезис из Программы на XXII съезде КПСС величавший себя верным ленинцем ревизионист и ренегат Хрущев. Зачем это нам, дескать, диктатура пролетариата? А как Ленин определял ее в книге «Детская болезнь левизны в коммунизме»? Он писал, что диктатура пролетариата — это упорная борьба, кровавая и бескровная, военная и хозяйственная, насильственная и мирная, педагогическая и администраторская против сил и традиций старого общества.

Таким образом, определение и характер или определение и свойство — каждое из них есть, поэтому каждое из них есть определенное наличное бытие, то есть есть два нечто, которые находятся в единстве, и они противоположны, потому что одно есть определение, а другое характер и это, говорит Гегель, *качественное инобытие*.

Следовательно, нечто теперь *положено* как единство, как становление, моментами которого выступают два качественно иных по отношению друг к другу нечто. Одно нечто — это качество как определение, а другое нечто — это лишь определенность как характер. То есть теперь становление положено, и Гегель призывает различать между тем, что есть в себе, и тем, что положено. Вот Маркс изучал в «Капитале» капитализм. Ну, живет человек при капитализме, пишет человек «Капитал», ссылается на буржуазных экономистов Адама Смита, Рикардо и других и на основе исследования противоречий капитализма, опираясь на гегелевскую диалектическую логику, делает вывод, что капитализм в себе содержит свое отрицание, то есть содержит в себе коммунизм. А что был уже коммунизм? Маркс жил при коммунизме? Нет. А как он, не будучи человеком, который жил при коммунизме, так вот смог вывести, что будет коммунизм? Да потому что капитализм есть в себе коммунизм. Но он не положен. А как это будет происходить? Энгельс говорил по этому поводу так, что в будущем будут жить люди не глупее нас с вами, и они разберутся. То есть Энгельс на все эти попытки разрисовать переход в это будущее общество в деталях, откликнулся очень негативно, в отличие от социалистов-утопистов, которые все расписали, как будет нам хорошо. Кампанелла, Томас Мор, Фурье делали именно так. А Сен-Симон вообще каждый день в 12 часов сидел дома и ждал, что придет человек, который даст деньги на реализацию вот этих вот замечательных проектов, которые у него уже сделаны. Если выражаться незатейливым современным языком, ждал спонсора. Но спонсор не пришел. А новый строй пришел не через спонсора, другим путем. И коммунизм, который был лишь в себе при капитализме, в СССР стал тем, что положено.

И вот теперь мы наличное бытие как определенное наличное бытие разработали до конца. То есть мы его не только рассмотрели как наличное бытие, но и как *определенное* наличное бытие, оно положено как становление и теперь есть качественное инобытие. При этом одна и та же определенность соединяет и разделяет два нечто. А как называется такая определенность, которая соединяет и разделяет два нечто? *Одна и та же определенность, которая соединяет и разделяет два нечто, есть граница этих нечто.* Вот два государства, их соединяет и разделяет нейтральная полоса. Она кому принадлежит? И тому, и другому, и не тому, и не другому. Одна и та же определенность, которая соединяет и разделяет два нечто. Или берем другой пример: одна страна, один и тот же народ, но одни люди принадлежат одному классу, а другие — другому классу. А где граница между рабочим классом и буржуазией? Есть. Давайте строго определим буржуазию. Это кто такие? Буржуазия — это люди, которые имеют средства производства в товарном хозяйстве, нанимают, покупают рабочую силу у тех, у кого, кроме рабочей силы, ничего нет. Кто такие рабочие? Это те, которые продают свою рабочую силу, они свободные совершенно, в отличие от капиталистов. У них ничего нет, а кушать хочется. Не возьмете меня на работу? Если возьмете, я буду рабочий. А если я имею свое дело, то есть у меня есть клочок земли, я сам сажаю, у меня есть лопата, у меня даже есть вилы и я сено могу заготавливать и я все, что создал, за исключением того, что со своей семьей потребляю, выношу на рынок. Я мелкий хозяйчик, работающий на рынок. Я вроде и рабочий, с одной стороны, но у меня и средства производства есть, как у капиталистов, я капиталист, потому что я возьму и кого-нибудь из вас на время найму. Вот я и буду та определенность, которая соединяет и разделяет два нечто, название этой определенности — *мелкая буржуазия.*

6. ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ИСТОРИИ

На самой первой лекции я вас спрашивал, что мы изучаем — философию или историю. Вы правильно сказали, что философию. Изучили мы не так уж и мало по меркам количественным. Что мы изучили? Чистое бытие, чистое ничто, становление, моменты становления, снятие становления, наличное бытие, определенность этого наличного бытия, качество, реальность, отрицание, снятие различия реальности и отрицания и наличного бытия и определенности, нечто, изменяющееся нечто, которое в себе есть становление, определение, характер и, наконец, качественное инобытие, становление нечто, моментами которого являются два нечто. Вот коротко, что мы с вами прошли. При этом мы в соответствии с тем, что это не вообще философия, а философия истории, пытались демонстрировать, показывать, применять диалектический метод на том уровне, на котором мы его изучили, по отношению к тому предмету, который является предметом исторического исследования.

Изученные категории диалектики позволяют показать на историческом материале свою ценность. Возьмем, например, наличное бытие. В нем, как мы с вами знаем, налицо бытие, то есть это нечто *спокойное*, в котором становление *не* налицо. Но оно есть *в* наличном бытии, а в становлении, в свою очередь, есть ничто и вот это ничто, то есть ничто, которое в наличном бытии, называется *небытием*.

Что означает этот вывод применительно к историческим предметам? Он позволяет сказать, что когда мы имеем что-нибудь одностороннее, когда налицо какое-нибудь простое бытие или что-то положительное, односторонне положительное, то отрицательное в нем все же есть, но оно *в нем*. Просто оно не налицо, его не видно и, следовательно, надо не успокаиваться, что все хорошо, что у нас все положительно, а надо попытаться найти это самое небытие.

Вот мы все люди и каждый есть бытие, положительное, хорошие люди, но в каждом есть его небытие, его отрицание как его недостаток. Но, я думаю, что этот вывод интересен не только по отношению к нам с вами, а по отношению к историческим личностям, к каким-то крупным историческим фигурам, если, конечно, мы их не обожествляем. Ну, вот, наиболее спорной на сегодняшний день в России исторической фигурой является фигура Сталина. Из того, что мы с вами знаем, из философии, достаточно ясно, что надо, во-первых, определить: это фигура положительная или отрицательная, то есть это бытие или небытие. И, во-вторых, если это положительная фигура, то найти в ней отрицательный момент или указать на него, а если отрицательная, указать на положительный момент. Не бывает таких положительных фигур, которые не несли бы в себе отрицательных качеств, точно так же, как не бывает отрицательных фигур, которые не несли бы некоего положительного момента в своей деятельности. Но поскольку речь идет об исторической фигуре, в данном случае о руководителе партии, то начать надо не со Сталина, как многие неправильно начинают и даже не с Центрального Комитета партии. Ведь Центральный Комитет партии можно понять, если понять саму партию. А партию можно понять, только если знать, что такое партия. Что такое партия? Партия — это сознательный авангард класса или, короче, авангард класса. Что такое авангард класса? Передовой отряд класса в переводе на русский язык. Это такая организация класса, которая должна осознать интересы этого класса, внести в класс сознание его интересов, поскольку класс в целом может и не осознавать свои объективные интересы, и организовать класс для борьбы за осуществление его интересов. А то, что каждый класс стремится к политической власти, об этом можно специально и не говорить, это само собой разумеется. Вы знаете такие классы, которые не хотели

бы получить политическую власть? Таких классов нет. Партия — это такая группа людей, за которой класс идет. Если какая-либо группа людей называется партией, у нее есть программа, устав, но за ней класс не идет, то это не партия.

В понятие авангарда обязательно входит то, что эта организация, эта группа людей, которая осознает интересы класса, вносит в класс сознание объективных интересов класса. Например, в книге «Что делать?» Ленин объяснял, что рабочий класс самостоятельно не может выработать пролетарской идеологии. В силу того, что по условиям жизни и в силу отсутствия необходимого свободного времени это невозможно или возможно лишь для отдельных единиц. Например, кожевник Иосиф Дицген был одним из тех рабочих, кто самостоятельно пришел к диалектическому материализму, и Ленин в Философских тетрадях (том 29 Полного собрания сочинений Ленина) на его философские работы ссылался.

Партия организует класс для борьбы за его интересы. Ясно, что это не маленькая должна быть организация, чтобы класс организовать, потому что класс — это большая группа людей, по размерам сравнимая с обществом. Значит, если есть организация в 15 человек, то этого может быть вполне достаточно, чтобы осознать интересы класса, для этого может быть достаточно и одного человека. Но, чтобы вносить в сознание класса сознание его интересов, надо очень много пропагандистов, потому что пропаганда состоит в том, чтобы глубокие истины вносить в класс. А уж для того, чтобы организовать класс, надо очень много агитаторов, потому что агитация в отличие от пропаганды — это призыв к непосредственному действию. Вот нельзя, например, писать листовку, на которой будет написано понятие становления, потому что это относится к пропаганде, а агитация — это когда надо кого-то призвать к немедленному действию. Да и агитацией дело организа-

ции отнюдь не исчерпывается. Партия — это такая группа людей, за которой класс идет. А если вы собрали группу людей и написали, что это партия, оформили все документы и ее зарегистрировали, а за ней класс не идет, это не партия в научном смысле слова.

Иногда определяют партию как часть класса, но уже из пункта первого следует, что если мы возьмем просто часть класса, скажем рабочего, из рабочего класса выделим лучших, возможно, никто и не осознает интересы рабочего класса в силу того положения, в котором находится рабочий класс. Ведь под рабочими понимаются не бывшие рабочие, а действующие, действительные. У нас много разных людей вышло из народа, как, например, Горбачев, известный как разрушитель Советского Союза, как лучший немец и худший русский, так вот Горбачев был помощником комбайнера, из рабочих вышел. Слово «выходец» имеет два смысла: вышел для того, чтобы сохранить базовые ценности, которые имели значение для этого класса, и вышел для того, чтобы навсегда расстаться с классом, став его врагом. Есть даже такая поговорка «Из грязи в князи». Дескать, вышел из низшего класса для того, чтобы презирать этот класс, не служить ему, а служить эксплуататорскому классу.

Из пункта первого характеристик партии следует, что в партии обязательно есть люди, которые научно изучают объективное положение класса и выясняют, что ему выгодно, то есть изучают его экономические интересы. А экономические интересы — это такая характеристика положения людей, которая показывает, что им в силу этого экономического положения объективно выгодно и в какой мере. Поэтому представлять себе дело так, что партия состоит только из членов класса, неправильно. Как правило, в верхушке любой партии вы найдете интеллигентов, носителей знаний. Одни интеллигенты выражают интересы рабочего класса и входят в партию рабочего класса,

другие интеллигенты выражают интересы буржуазии и входят в буржуазные партии, третьи интеллигенты выражают интересы мелкой буржуазии и вот эти третьи входят в мелкобуржуазные партии и особенно путаются, потому что они выражают и интересы трудящихся, и интересы буржуазии, поскольку мелкая буржуазия это и собственники, и трудящиеся, мелкие хозяйчики, работающие на рынок.

Сказанное надо иметь в виду для глубокого и правильного понимания положения о том, что партия — это авангард класса, его передовой отряд, его лучшая часть. Партия есть ум, честь и совесть класса. И если класс действительно выражает данную эпоху, тогда и эпохи.

На этом экскурс в понятие партии заканчиваем и возвращаемся к вопросу, который был поставлен, — о личности Сталина. Он возглавлял Центральный Комитет партии рабочего класса. А партия — это авангард класса, значит, надо решение поставленного нами вопроса начать с класса. Класс же определяется по положению в производстве, то есть мы начинаем с очень прочного и надежного — с экономического бытия. Нам же хочется не еще какое-то мнение сформировать, а получить *знание*. Почему понятие класса прочное? Потому что класс — понятие, определяемое, во-первых, не независимо от других классов, нет определения класса, как нет определения одной «ножницы», а есть определение ножниц. Есть определение *классов* — это большие группы людей, отличающихся по положению в производстве, то есть по месту в исторически определенной системе общественного производства, по роли в общественной организации труда, по отношению к средствам производства, по большей части закрепленному и оформленному в законах, по размерам и способам получения той доли общественного богатства, которой они располагают. Это развернутое определение классов, оно у Ленина дано в «Великом почине», но нам вполне достаточно того, что это группы,

определяемые положением в производстве, потому что это сжатое, свернутое определение классов. Мы должны уметь в своем сознании свернуть и держать в свернутом виде все длинные высказывания и длинные пассажи, сводить это к весьма коротким, лаконичным утверждениям, которые легко запомнить.

Рабочий класс, как известно, — это передовой класс современной эпохи, как доказано в Коммунистическом манифесте, и опора на рабочий класс отличает научный социализм от всех других «социализмов». Научный социализм не просто говорит о том, что капитализм плохой строй — таких течений социалистических, то есть таких, которые отрицают или критикуют капиталистический строй, много.

Во-первых, это феодальный социализм, который, кроме всего прочего, говорит, что огурчики и грибочки при феодализме были лучше, чем при капитализме. В этом плане капитализм точно хуже феодализма, и вот те партии, которые так считают, точнее соответствующие им идейные течения, определяются в Коммунистическом манифесте как феодальный социализм.

Есть мелкобуржуазный социализм. Мелкая буржуазия, ее идеологи осознали, что мелкому хозяйчику, за редчайшим исключением, предстоит опуститься в ряды пролетариата, сколько бы он, мелкий хозяйчик, ни требовал, чтобы его поддержали. Поддержите-де мелкий бизнес! А кто его поддержит? Рабочий класс не поддержит, так как ему самому не хватает зарплаты на пропитание, а буржуазия не будет поддерживать мелкий бизнес в силу законов конкуренции. Вы боритесь, и если станете крупнее, чем я, то вы и будете победителем; раз у нас были равные условия, но вы проиграли, то вы — неудачник, а неудачник и должен плакать. Вы же свободу хотели, вот вам свобода, пожалуйста, боритесь. Так вот мелкобуржуазный социализм сильно критикует капитализм, он возмущен тем, как душат мелкий бизнес.

Есть и буржуазный социализм. Нет такого капиталиста, которому бы нравился капитализм в том виде, в котором он сейчас есть, он его бы переделал, тем более у него и деньги есть и, соответственно, влияние. Эта борьба с капитализмом, которую ведут капиталисты, для них тоже может быть опасной. Если вы возьмете учебник по новейшей истории под редакцией Филиппова, Уткина и Данилова, то в этой книжке найдете раздел о том, как в новейшее время решался вопрос об олигархах и государственной власти буржуазии. Рассматривается провозглашенный В.В.Путиным принцип равноудаленности олигархов от власти.

Какие еще бывают «социализмы» как идейное отражение положения классов в системе общественного производства? В «Коммунистическом манифесте» они обозначены. Ясно, что положения рабочего класса не выражают ни утопический, ни клерикальный или религиозный социализм, еще есть и утопический социализм. Утопический социализм даже прогрессивен. Социалисты-утописты представили свое видение того, как будут жить люди при коммунизме. Сен Симон в 12 часов дня каждый день сидел и ждал, чтобы пришел человек и дал денег на его замечательные социальные преобразования, выражаясь нынешними словами, ждал спонсора. Спонсор не пришел, из-за этого не удалось построить это прекрасное общество.

И последний социализм, который Маркс с Энгельсом рассматривают, — это социализм научный. Научный — не тот, который всякие мечты или протесты превращает в учение о социализме и рисует красивые картины будущего мира, а тот, который указывает материальную силу, призванную сломать данный общественный строй и привести общество к другому общественному строю, к коммунизму. Как на такую силу Маркс и Энгельс указывают на рабочий класс, который является революционным, передовым классом современной эпохи.

Рабочий класс — передовой, самый прогрессивный, поскольку он наиболее заинтересован в движении общества вперед, он наиболее заинтересован в совершении прогрессивных общественных преобразований, потому что его положение улучшится в максимальной степени, у всех трудящихся улучшится, но у рабочих улучшится в наибольшей мере. Это, во-первых. Во-вторых, он не может улучшить свое положение, не улучшив положение всех трудящихся. Ну, мыслимо ли такое, что рабочий класс будет улучшать свое положение, а положение, например, преподавателей не улучшится. Ведь у рабочих дети есть, им же учить их надо, так что рабочий класс, став экономически и политически господствующим, не может не улучшить положение педагогов. Или, скажем, он что — без науки и техники может обеспечить развитие общества? Значит, ему надо поднимать науку, научно-технический прогресс, улучшать положение ученых, он без этого не обойдется. А вот тот или иной отдельный капиталист запросто обойдется, купит на Западе научно-технические разработки, да и дело в шляпе. Рабочему классу нужно и медицинским работникам улучшать условия жизни, если он хочет, чтобы его и детей его лечили, и причем не так лечили, чтобы за все брали бешеные деньги. Безусловно, рабочий класс передовой по своему положению и интересам, он не может улучшить своего положения, не улучшив положения всех людей труда.

Но разве из сказанного следует, что в наличном бытии рабочего класса нет небытия? То, что сказано выше про рабочий класс, это правильно, но это еще не истинно. С точки зрения диалектики истинно лишь то, что берется в единстве со своим отрицанием. Неистинно то, что берется лишь односторонне, то есть абстрактно. Разве в наличном бытии нет небытия? Маяковский писал: «Класс — он тоже выпить не дурак», вот первый недостаток. Ну, и как же класс, кото-

рый выпить не дурак, будет решать свои задачи? Вот мы уже нашли небытие. Не будем также обольщаться в отношении грамотности рабочего класса, овладения духовной культурой. Каждый студент, я думаю, в среднем больше знает, чем средний рабочий. Например, Плеханов писал в своей книге о Чернышевском, что, конечно, каждый интеллигент больше знает, чем средний рабочий, но мы говорим не о знании, а о сознании, и положение рабочего класса больше предопределяет его действия, чем положение интеллигенции. Куда интеллигент свои знания употребит — это вопрос. Интеллигент может продать это свое знание, как некоторые продают сейчас, но всегда в науке были люди, среди интеллигенции, которые служение истине ставили выше любых денег. В то же время разве нет таких рабочих, которые стараются дать обществу поменьше и похуже, а взять от него побольше и получше? Да их и при социализме было полно. Ленин прямо говорил, что много таких мерзавцев даже среди наборщиков партийных типографий, которых бы надо посадить в тюрьму, и пусть они там исправляют то, что они набрали, и только когда исправят,— выпустить. Это что за настроения: дать обществу поменьше и похуже, а взять от него побольше и получше? Это мелкобуржуазные настроения. Есть ли мелкобуржуазные настроения в рабочем классе? Да, есть, к сожалению, такие, какие были характерны для мелкого собственника, работающего на рынок: не то важно, что я делаю, а то важно, что я с этого буду иметь. Для мелкого буржуа это типично, поскольку он работает на обмен, на продажу и для него это совершенно естественно. В рабочем классе такие настроения тоже существуют, существовали и в социалистический период развития России и будут существовать, если вновь будет социализм построен. Но, естественно, к этому нельзя стремиться, целью ставить, надо поставить светлые цели, но у движения к этим светлым целям есть темная сторона, которая обязательно себя проявит.

Таким образом, в рабочем классе есть, кроме определяющего позитивного начала, и негативное. И если теперь мы возьмем его авангард, то есть лучших из лучших, то и в нем будет не только позитивное начало присутствовать, но и негативное, отрицательное. И вместе с тем верно, что при Ленине и Сталине партия была умом, честью и совестью класса. Это потом, при Хрущеве и Горбачеве, у большинства работников партийного аппарата совесть стала мелкобуржуазной и буржуазной. Совесть ведь тоже разная бывает. Это внутренний нравственный закон, и у разных людей внутренние нравственные законы могут быть и бывают разными. Совесть Чубайса, например, не помешала ему, злоупотребив доверием, выдать всем билетки под видом того, что все сейчас станут настоящими собственниками. Бравшие эти билетки люди в своем большинстве не понимали, что у них отнимают общую собственность на все недра, на всю землю в Советском Союзе, на все средства производства, а дают билетик, говоря, мошеннически утверждая, что на ваучер вы сможете купить машину «Волга». Совесть помешала это делать Чубайсу? Нет. В итоге что предполагалось, то и сделано, после этого людям по полтора года не выплачивали зарплату, потому что в оффшорах уже были ваши зарплаты, как и сейчас не хотят повышать зарплату, хотят вам выдать потребительский кредит, чтобы вы свою зарплату в виде кредита получили и потом отдали с процентами. Так планировалось, что когда люди полтора года посидят без зарплаты и когда у них кончатся все запасы и наберутся долги, тогда они с радостью за бесценок продадут свои ваучеры и акции новым хозяевам, что, собственно, и произошло. Люди продали ваучеры тем, кто занимался ваучерной приватизацией, кто с мешками этих ваучеров приходил и скупал такие гиганты индустрии, как Уралмаш или Балтийский завод. Те, кто скупал, это были единицы. Они теперь скажут, а что мы тако-

го плохого делали? Вы продали, мы купили, все честно по меркам рынка. Мы же на рынок пришли, вы же тоже хотели на рынок идти, среди рабочих разве мало было таких, которые кричали: «Даешь рынок!» Даже было много. Все по совести. Ибо совесть — это внутренний нравственный закон, согласно Гегелю. У вас один закон, а у кого-то другой закон. У вас одна совесть, она не позволяет это сделать, а кое у кого — другая совесть, она позволяет это сделать.

Если есть какой-то лозунг, то что мы с ним делаем в логическом исследовании? Мы берем и начинаем его обдумывать, то есть мы делаем то, что делал Гегель. Он обдумывал мысли. Не по такому принципу, что если я одну мысль высказал, то затем начал излагать никак не связанную с ней другую мысль. Как ребенок, взял куклу, поиграл, бросил, следующую куклу взял, поиграл, бросил, поскольку не может сосредоточиться на одной, так и человек, если он уже в возрасте, но не может остановиться на мысли, сосредоточиться на ней, обдумать ее, он остается младенцем, точно так же, как человек, который не знает своей истории, тоже остается младенцем.

В связи с вышесказанным, я думаю, вы согласитесь, что некоторые черты рабочего класса, не только позитивные, но и негативные, проявились и не могли не проявляться и в деятельности партии. То есть партия тоже имела недостатки. Но слово недостаток — это мягкое слово. Что такое недостаток? Он проявляется в действиях, противоположных природе того, недостатком чего он является. Скажем, если партия — это передовой отряд рабочего класса, то недостатки партии — это то, что противоположно целям, задачам партии, форме ее организации и то, что враждебно классовой природе данной партии. Если это коммунистическая партия, то недостаток — это антикоммунистическая деятельность со стороны коммунистов. И ее не может не быть в известных пределах со стороны некоторых комму-

нистов. Поэтому партия все время себя очищает, но означает ли, что если она себя очищает, то в один прекрасный момент она очистится полностью и навсегда? Нет, не означает. Потому что и социализм в целом как низшая фаза коммунизма до завершения его развития в полный коммунизм не может очиститься полностью от отпечатка своего выхождения из капитализма или, точнее, весь период социализма — это период очищения его от родимых пятен капитализма, причем очиститься можно не механически, а лишь на основе развития производительных сил, увеличения свободного времени и перехода на такой уровень, когда ликвидируется деление общества на классы. Отсюда и всякого рода уклоны в партии, с которыми партия боролась, очищала себя, а они себя все же проявляли.

Сказанное относится к партии в целом. А если мы берем Центральный комитет, куда входили вожди партии или ленинская гвардия, как иногда говорят? А кого ленинской гвардией называют? Зиновьева, который вместе с Лениным был в Разливе, а потом вместе с Каменевым выступил против вооруженного восстания? Каменева? Именно Каменев и Зиновьев выступали против вооруженного восстания, но они же входили в Центральный Комитет партии большевиков. А Лев Давидович Троцкий, разве он не входил в Центральный Комитет партии большевиков, хотя он большевиком стал в одночасье? Приехал из Америки в 17-ом году, вместе с межрайонцами вступил в большевистскую партию — и сразу в руководство. И сейчас такое происходит. Так что такие ситуации у нас бывают, тогда были, никакие партии от этого не свободны, и это было неизбежно тогда, видимо неизбежно и сейчас. Надо укрепить руководство — укрепили Троцким, можно сказать, пополнили ленинскую гвардию создателем антипартийного августовского блока. Ленин не зря его в свое время называл иудушкой, с которым большевики боролись, после того, как

они уже почти не боролись с меньшевиками, они боролись как раз с антипартийным блоком Троцкого. Небольшевизм Троцкого Ленин отмечал и в одном из своих последних писем к съезду партии. А вроде бы гвардия. В этой гвардии были люди, которые в те или иные моменты, а в известные моменты достаточно систематически, выступали против того, что было генеральной линией партии, будучи в ее Центральном Комитете.

И, наконец, берем генерального секретаря Центрального Комитета партии. Мы сейчас говорим о Сталине, но со всеми индивидуальными особенностями любой генеральный секретарь, какой бы он ни был и о какой бы партии ни шла речь, обязательно является носителем не только позитивных, но и негативных моментов. Нет таких партий, нет таких центральных комитетов и нет таких генеральных секретарей, в целом позитивных, у которых бы не присутствовали бы какие-то негативные моменты. Поэтому, если мы хотим с этой точки зрения взять Сталина как представителя и активного проводника генеральной линии партии, той авангардной функции, которую партия выполняла по отношению к классу, осуществляющему свою диктатуру, а диктатура господствующего класса, между прочим, — это сущность государства, то с диалектической точки зрения мы должны признать, что трудящиеся нашей страны пришли к правильному выводу, что Сталин в целом — позитивная фигура. Но это вовсе не исключает анализа тех негативных моментов, которые могут быть отнесены непосредственно к нему как генеральному секретарю Центрального Комитета партии.

Я уже один крупный негативный момент называл в отношении Советов, ведь товарищ Сталин не заметил, как Советы перестали быть Советами в смысле их определения как органов, избираемых трудовыми коллективами по фабрикам и заводам, а не по территории

альным округам. Но далеко не один Сталин этого не заметил. Вот я и про себя могу сказать, оценивая этот недостаток с теоретической и политической точки зрения как очень большой, что несмотря на то, что я Полное собрание сочинений В.И.Ленина целиком прочитал, определяющей характеристики Советов как органов, избираемых по фабрикам и заводам, тоже не заметил и к правильному пониманию Советов как организационной формы диктатуры пролетариата пришел благодаря профессору А.А.Сергееву, профессору В.Я.Ельмееву и профессору В.Г.Долгову. Это подтверждает, что известное еще не есть оттого познанное, меньше всего люди обдумывают известное. Точно так же, как отмечал Гегель, изучение истории, казалось бы, должно было людей научить тому, как правильно следует действовать, но история больше всего учит тому, что из истории ничему не учатся, уроки не извлекаются.

Итак, мы пришли к выводу, что Сталин как исторический деятель есть фигура положительная, позитивная, хотя в его деятельности есть, конечно, и негативные моменты. Я бы как негативные отметил следующие. Карл Маркс, как известно, доказал в своем «Капитале», что закон стоимости есть основной закон капитализма. Тот, кто диалектику непосредственно по Гегелю не изучал, не знает, что это такое, он думает, что это — главный. Неправильно. Главный закон капитализма — закон прибавочной стоимости, а основной — это тот, который лежит в основе, на основе которого развивается капитализм и возникает его главный закон как закон движения капиталистического производства. Диалектическое определение капитализма — это не такое, что капитализм есть общество эксплуатации собственниками средств производства наемных рабочих, хотя это безусловно так и есть. Определение капитализма диалектическое такое: **это товарное хозяйство на том этапе его развития, когда и рабочая сила стано-**

вится товаром, это всеобщее товарное хозяйство, в котором, даже если все продается и покупается по стоимости, на основе закона стоимости неизбежно возникает и развивается капиталистическая эксплуатация. Тот, кто эту диалектику понимает, никогда бы не сказал, что закон стоимости может быть законом социализма. У Сталина же, увы, в прекрасной в целом работе «Экономические проблемы социализма в СССР» записано, что закон стоимости является законом социализма. Ну, как может основной закон капитализма быть законом социализма! Возможно, это результат того, что Сталин изучал диалектику не по первоисточнику. Сталин изучал диалектику, но не по Гегелю, то есть по Марксу, по Ленину и т.д. и вообще это не вина, а беда партии. В письме к съезду партии Ленин отмечал, например, что один из самых способных членов Центрального Комитета Бухарин, который ходит в любимцах партии, законно считается теоретиком партии, но никогда не учился и никогда не понимал вполне диалектики, поэтому его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским. То есть партия находилась в таком состоянии при Ленине, что тот человек, который никогда не изучал диалектики и теоретические воззрения которого с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, был любимцем партии и считался теоретиком партии. Вот и у Сталина вы можете прочитать в «Экономических проблемах социализма в СССР», что средства производства — не товары, что правильно, а предметы потребления — товары, что неверно. Ведь товар — это продукт, производимый для обмена, и если государство производит *товар* и обменивается с работниками, то что могут дать работники в обмен? Те денежные знаки, которые им выдали в виде зарплаты, через магазин от них снова перешли государству. А какой товар государству дали работники? Они могут дать только рабочую силу.

Но товарное хозяйство на том этапе развития, когда рабочая сила становится товаром, называется капитализмом. Поэтому с виду неожиданное пришествие капитализма в СССР с этой точки зрения имеет не только политический и экономический, но и теоретический аспект. Если у нас такие марксисты преобладали, которые не по Гегелю учили диалектику, удивляться, что мы пришли к такой ситуации, не приходится.

Известно, что есть три источника марксизма: английская политэкономия, немецкая классическая философия и французский социализм. Грубо говоря, сохранение и развитие социализма основаны на марксизме, который есть табуретка о трех ножках. Табуретка упала, во-первых, потому, что диалектику учили не по Гегелю, во-вторых, потому, что, как говорил Ленин в Конспекте «Науки логики» Гегеля, нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его первой главы, не поняв и не проштудировав всей логики Гегеля, поэтому никто из марксистов не понял Маркса и полвека спустя. Так что двух ножек у табуретки, считай, нет. Остался научный социализм. От этой ножки отнимите слово научный, потому что научным социализм без философии и политэкономии быть не может. Ножка, следовательно, хромая. Да и вообще на одной ножке табуретка долго простоять не может.

В процессе изучения диалектики мы выяснили, что нечто, изменяющееся нечто, есть единство нечто и иного, причем как становление, моменты которого суть два нечто. Налицо два качественно иные по отношению друг к другу нечто, то есть имеет место качественное инобытие. И одна и та же определенность, которая выступает как определение и как характер, одна и та же определенность, которая соединяет и разделяет два нечто, называется границей этих нечто. В истории так бывало, что рабовладение и феодализм присутствовали в

одной и той же стране. Когда капитализм в недрах феодализма зарождался, их тоже соединяла и разделяла граница. Самое подробное этому объяснение, самая обстоятельная книга о движении этой границы — это составляющая третий том Полного собрания сочинений В.И.Ленина работа «Развитие капитализма в России». Ленин на большом статистическом материале показал, как постепенно рынок разлагал сельское хозяйство, появлялись батраки, то есть сельскохозяйственные рабочие, кулаки, то есть сельскохозяйственные буржуа, и мелкая буржуазия, которая составляла основную часть сельскохозяйственного населения. После этой книги Ленина дискуссия о том, есть капитализм в России или нет, завершилась. Книга была издана за подписью В.Ильин. Этот Ильин всех убедил.

Спрашивается, что в это время в России считать за нечто и что за иное? Нечто — феодализм, а иное — капитализм с учетом того, что до буржуазной революции в России общественный строй выступал как феодальный. Известно, что крепостное право в России отменили в 1861 году, а до 1861 года что — не было никаких буржуазных отношений в России? Каждый может сделать вывод, что, если бы их не было, царь бы не отменил крепостное право, поскольку чтобы его отменить, надо, чтобы созрели для этого условия. Какие? Феодальная экономика разложилась до такой степени, что некоторые помещики сами превращали своих крепостных в наемных рабочих, отпускали их и предлагали идти к ним работать в качестве сельскохозяйственных рабочих.

А государство какое было после того, как крепостное право уже отменили, и, следовательно, как могли дальше идти события? Только таким образом, что быстро развивались буржуазные отношения, а крепостного права уже как такового не было. Да и что это за феодализм без крепостного права? Феодализм без феодалов и без крепост-

ных крестьян, что это за феодализм? Поэтому у нас с этого времени поначалу все довольно мирно проходило в России. У нас не мирно было, когда в 1825 году дворяне, представители господствующего класса, которые вперед смотрели и осознали, что будет капитализм и что феодализм сдерживает развитие производительных сил России, вышли на Сенатскую площадь потребовать освобождения от крепостничества. После этого прошло всего 36 лет, и крепостное право в России было отменено. И что после этого было? Восстание возмущенных помещиков, которые пытались убить царя Александра II, отменившего крепостное право? Отнюдь. Во-первых, декабристы были правы. Так часто в истории бывает: тот, кто первый истину изречет, того не столько хвалят, сколько подвергают всяким наказаниям. Декабристы заявили, что надо освободить народ, крепостное право уничтожить. Их подвергли гражданской казни, лишили дворянских званий, часть повесили, а другую часть отправили в ссылку. Но социальные изменения шли постоянно, и развитие капитализма до такой степени дошло, что сами помещики были вынуждены отпускать крестьян. Поэтому когда царь провозгласил ликвидацию крепостного права, это произошло довольно спокойно. Точно так же, когда у нас уже сильно развился капитализм к февралю 1917-ого года и представители буржуазии предложили Николаю II оставить свой престол, опять все сравнительно мирно прошло. Разве был спор или Николай II потребовал пришедших повесить или в тюрьму заключить?

Потом опять довольно мирно прошла социалистическая революция в том же 1917-ом году. Советы были уже политической силой. Временное правительство издает приказ вывести войска из города, а Совет Петроградский издает приказ не выводить и вообще все решения Временного правительства считать действительными лишь постольку, поскольку они подтверждены Петроградским Советом. И

что сделало правительство? Ничего не сделало. У него уже почти никого не было. Опять все произошло в целом мирно.

Ну, а дальше, после революции 17-ого года, когда рабочий класс установил свою диктатуру, была ситуация единства нечто и иного? Была. Скажите, пожалуйста, 1 декабря 1917 года какой строй был в России? Буржуазный. Правительство-то было Советское, государство социалистическое, а экономика какая была? Какая до революции была, такая и осталась, ничего с ней поначалу не случилось. До национализации она продолжала быть капиталистической. Когда национализация решающих средств производства прошла, в каком году? В 1917-ом или в 1918-ом? В 1918-ом. Значит, до января 1918 года капитализм был в России, а что было после января 1918-ого года? Переходный период, в котором было два борющихся нечто, социалистическое и капиталистическое и еще три уклада, всего пять укладов. Первый, социалистический, уклад составляли те национализированные предприятия, которые планомерно направлялись в интересах общества, их поначалу очень мало было. Второй уклад — государственный капитализм, который составляют предприятия государственные, но работающие по старому, по капиталистически, только прибыль идет государству. Третий уклад — частнохозяйственный капитализм, поскольку не все средства производства, не все предприятия национализированы. Четвертый уклад — мелкобуржуазный или мелкотоварный, все крестьянство туда попадало целиком почти, за исключением батраков и кулаков, которые находились в буржуазных отношениях. Пятый уклад — патриархальный уклад, работник свою продукцию на рынок не выносит, он сам ею кормится и этим живет.

А как различаются понятия «социалистическая страна» и «страна, построившая социализм»? Социалистической страной называется страна, совершившая социалистическую революцию, а до того, как

страна станет социалистической по экономическому устройству, очень долгий срок проходит. В каком году в России закончился переходный период от капитализма к коммунизму или, что то же, к социализму, поскольку социализм — это низшая фаза коммунизма? В начале 30-х годов, когда собственность на все средства производства стала общественной не только в городе, но и в деревне после создания колхозов, когда образовалось две формы *одной* общественной собственности — государственная и кооперативно-колхозная. А коммунизм (от слова «коммунис» — общий) означает общий труд с помощью общих средств производства и распределение произведенных непосредственно общественных продуктов в общих интересах, — это строй, основанный на общественной собственности.

Приведенные примеры подтверждают, что для правильного понимания движения истории необходимо владение диалектической логикой, в том числе и правильное применение уже изученных категорий нечто, иное, в-себе-бытие, бытие-для-иного. Применение диалектической логики имеет основополагающее значение для понимания движения, чтобы мы это движение, которое есть в истории, изображали именно как движение, а не как мертвечину.

А теперь дадим еще одно определение: нечто, взятое со своей имманентной границей, есть, как вы думаете, что? То есть нечто, взятое со своей определенностью, которая отделяет это нечто от другого нечто и соединяет это нечто с другим нечто, благодаря которой (определенности) нечто восходит к другому нечто, а, с другой стороны, оно оберегается, отталкивается от другого нечто, вот это вот *нечто*, *взятое со своей имманентной границей, называется конечным*. Ясно, что конечное нас не удовлетворит. Эта неудовлетворенность заставит нас идти далее к *бесконечному*.

7. КОНЕЧНОЕ И БЕСКОНЕЧНОЕ В ИСТОРИИ

Мы с вами рассматриваем историческое нечто как единство двух нечто, качественно иных по отношению друг к другу, как качественное инобытие, при этом одно бытие и другое бытие связаны неразрывно в одно становление, поэтому можно их назвать *событием*. Теперь достаточно переставить ударение и будет событие. Нужно исследовать, в чем состоит событие, не просто же бытие и не просто определенное бытие, и не просто нечто, а событие. Когда речь идет о событии, то, следовательно, речь идет о том, что неразрывно связано с другим, причем связано с другим как становление. Можно сразу сказать, что революция — это историческое событие, поскольку она есть становление одной общественно-экономической формации из другой. А если мы просто два факта исторических возьмем, которые относятся к одному и тому же времени, то можно ли их считать событиями в том смысле, что одно тесно связано с другим, одно переходит в другое, одно превращается в другое и возможно превращение другого снова в первое? А вот революция, конечно, историческое событие, и весьма нередко вслед за революцией идет контрреволюция, когда иное, которое уже становилось небытием, вновь превращается в нечто, а становившееся определенное наличное бытие или нечто становится небытием.

Вот в этом плане, если, скажем, рассмотреть Великую Октябрьскую социалистическую революцию как событие, то какие два нечто мы можем выявить? Во-первых, это общество капиталистическое, то нечто, которое было, и общество социалистическое, которое становится. Причем становление этого общества, как вы знаете, охватывает целую эпоху, и развитие его включает три этапа. Первый этап — переходный период. Начинается переходный период с установления диктатуры пролетариата, которая означает власть рабочего класса, и вот этот исторический момент и фиксирует начало переходного пе-

риода от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической общественно-экономической формации. Но можно ли сказать, что как только политическая власть рабочего класса установилась, уже построено или создано коммунистическое общество? Нет. Но социалистическая революция считается свершившейся в политической области, поскольку имеется необходимое условие, а именно, политическая власть рабочего класса. Диктатура рабочего класса, исходя из экономических интересов класса, которые сложились в предыдущем обществе, осуществляет движение к новому обществу. Какому? Коммунистическому. Дальше идет первая фаза коммунистического общества или, лучше сказать, коммунистическое общество в первой фазе. Как называется коммунистическое общество в первой своей фазе? Социализмом. Это такое коммунистическое общество, которое вышло из старого строя, капиталистического, и во всех отношениях — в экономическом, нравственном и умственном еще несет отпечаток того строя, из которого оно вышло. И если бы даже оно не носило отпечатка в нравственном и умственном отношении, но поскольку оно имеет отпечаток в экономическом плане, в экономическом отношении, постольку ясно, что на этой почве неизбежно возникают тенденции и явления, коренящиеся в отрицании коммунизма и являющиеся отрицанием коммунизма. Где? В коммунизме. И вот такой коммунизм, который содержит отрицание, связанное с выходом из капитализма, называется социализмом. Соответственно, на вопрос о том, с какого времени в России люди жили при коммунизме, можно было бы дать очень простой ответ — с начала 30-х годов. Поэтому на вопрос, когда мы будем жить при коммунизме, Н.С.Хрущев отвечал неправильно, говоря, что нынешнее поколение советских людей *будет* жить при коммунизме, тогда как то поколение, к которому он принадлежал, уже жило при коммунизме. Из

этого видно, что Хрущев не знал, что такое коммунизм и как определяется социализм. А его рассуждения о том, что высшая фаза коммунизма наступит через 20 лет, — это просто историческое шарлатанство, поскольку ни один серьезный ученый, политик никогда не скажет, когда произойдет революция, начнется война или когда состоится переход одной фазы общественно-экономической формации в другую, потому что этот переход связан с развитием производительных сил, длительной борьбой с родимыми пятнами предыдущего строя. Тем более что нет абсолютной гарантии, что коммунизм поборет свое отрицание, а не отрицание поборет коммунизм? Такой гарантии нет и быть не может. И вот мы как раз наблюдаем в истории России такую ситуацию, когда верх взяла не коммунистическая природа социализма, а отрицание коммунизма в коммунизме, совершились реставрация и контрреволюция в точном политическом смысле этих слов.

Чтобы закрепить сказанное, зададимся следующим вопросом. Социализм — это классовое общество или бесклассовое общество? Раз это первая фаза бесклассового общества, то социализм — это бесклассовое общество, в котором классы полностью еще не уничтожены, нельзя сказать, что этот процесс не идет, он идет, и уже уничтожены антагонистические классы, но пока полностью деление на классы не уничтожено. А как тогда сказать про социализм, чтобы это не противоречило пониманию социализма как коммунизма? Это могут сделать люди, которые изучали «Науку логики» Гегеля. Ленин, например, читал и конспектировал. В 29 томе полного собрания его сочинений опубликован конспект «Науки логики» Гегеля, и не случайно высказывания В.И.Ленина являются очень точными и логически выверенными. Вы можете открыть работу Ленина «Великий почин», в которой дается определение классов и определение диктатуры пролетариата, и в этой работе прочитать, что *социализм*

есть уничтожение классов. То есть либо социализм уничтожит деление общества на классы, либо деление общества на классы уничтожит социализм. В этой формуле, в этом высказывании верно выражено противоречие социализма, чего нет в ошибочной формуле, что социализм есть будто бы классовое общество. В этой ошибочной формуле вместо уничтожения классов содержится ликвидация социализма, уничтожение, потому что как фаза бесклассового общества социализм есть бесклассовое общество, а в рассматриваемой ошибочной формуле слева стоит социализм, а справа то, к чему его толкают — к классовому обществу. В самом социализме как его момент содержится его уничтожение, потому что если социализм есть уничтожение классов, то развитие деления на классы есть уничтожение социализма — капитализм. Он пришел в Россию при помощи тех, кто повторял, что социализм — классовое общество, вот мы классовое общество и получили.

То же самое бывает и с более конкретными событиями. Вот, например, референдум 17 марта 1991 года. Многие говорят, что люди проголосовали 17 марта 1991 года за Советский Союз. А какой был вопрос на референдуме? Такой: Вы за обновленный Союз Советских Социалистических Республик как Союз суверенных государств? А что значит превратить Советский Союз в союз суверенных государств? Уничтожить Советский Союз. В вопросе слева — Советский союз, а справа то, во что его хотели превратить те, кто формулировал вопрос, — Союз суверенных государств. Вот теперь у нас на постсоветском пространстве и есть союз суверенных государств. Казахстан суверенный, Украина суверенная, Россия суверенная... Когда государства соединяются в единое целое, получается экономия, сотрудничество, кооперация, повышается эффект совокупной деятельности. А что получается от разделения, от раскола — разрушение, резкое

снижение результатов социально-экономической деятельности. Мы все это знаем, все это на себе прочувствовали, у нас падение производства произошло в два раза.

Надо сказать, люди весьма часто невнимательны к понятиям, к движению мысли, соответственно, они невнимательны и при голосовании, что и используют всякие политические проходимцы. Вот, например, конституция, которая сейчас действует, ее принимали или нет? Был референдум. Разве на нем был поставлен вопрос о том, за какой из имеющихся проектов вы голосуете? Не было такого вопроса. Вопрос был о том, признаете ли Вы Конституцию Российской Федерации. А кто на этот вопрос ответит отрицательно? Никто. Но положительный ответ на этот вопрос вовсе не означает голосования за какой-либо из имеющихся проектов.

Это еще раз подтверждает то, о чем уже говорилось в связи с рассматриваемыми проблемами: диалектика учит, что известное еще не есть оттого познанное. Парадоксально, что самым непознанным оказывается то, с чем все постоянно имеют дело или в чем все участвуют. Возьмем, например, рублевую монету. Что на монете нарисовано? Какая картинка? На одной стороне герб, а на другой? Стоит цифра и что? Там вьюнок, сорнячок, а не снопы хлеба, которые являются символом богатства и благополучия. Ну, что есть, то есть. И не надо долго рассказывать, сколько у нас незасеянных земель, заболоченных, заросших кустарником и сорняками.

Так вот, возвращаясь к вопросу о принятии Конституции, смею вам доложить, поскольку я был членом Конституционного совещания, на этом Совещании были представлены пять проектов конституции. Один проект — это проект комиссии Верховного Совета, секретарем которой был Румянцев, а председателем Ельцин. Второй проект — проект Ельцина, который фигурирует сейчас в качестве

ныне действующей Конституции. Был проект Слободкина, в разработке которого я тоже принимал участие. Был проект Собчака, ну и был проект Жириновского, который он раздавал всем участникам Конституционного совещания. По закону для принятия Конституции за ее проект должны были проголосовать не просто те, кто пришел. Сейчас у нас на выборах нет никаких ограничений, сейчас демократия, власть большинства, поэтому неважно придет большинство на выборы или нет. Вот если придет 5 человек на выборы, выборы состоятся или нет? Состоятся. Дескать, мы право большинству предоставили, а его дело — ходить или нет. Так вот, Конституция может считаться принятой лишь при условии, если за нее проголосовало более половины граждан, имеющих право голоса, а не более половины пришедших. Этого не было. Но это момент, связанный с организацией голосования, а сам-то вопрос какой был?

Не было вопроса о том, за какой проект вы голосуете, за тот или за этот, а было ведь пять проектов, и граждан не просили поставить птичку напротив того проекта, за который вы голосуете. И вот тот проект, который собрал бы не простое большинство, не просто больше, чем за любой другой проект, а большинство голосов граждан, имеющих право голоса в России, вот этот проект тогда стал бы Конституцией. А какой был вопрос на референдуме? Признаете ли Вы Конституцию Российской Федерации? Ну, если я не признаю Конституцию Российской Федерации, что со мной сделают? Тем более, что незадолго до этого велась стрельба из танковых орудий по законодательному органу России. Вот такой референдум...

История говорит о том, что если где-то совершается переворот и после этого проводится референдум, то побеждает всегда тот, кто совершил переворот, а не тот, кто стал его жертвой. То есть если одна группа перестреляла другую группу и потом проводит референдум,

то она и выигрывает на этом референдуме. А в советское время не было вообще референдумов, потому что это на самом деле не тот инструмент, с помощью которого можно что-то всерьез решать. Кто формулирует вопрос, тот и выигрывает.

Итак, мы можем, конечно, слово событие применять вообще к любому историческому факту и явлению, но вот в точном, высоком смысле слова событие имеет место тогда, когда есть два явления, которые находятся в соотношении друг с другом как становление, чем всегда характеризуются действительно крупные исторические события. Война, например, в которой есть противники, и либо одни могут победить, либо другие. Есть одна сторона, есть другая и какая-то из сторон должна взять вверх в войне, так же, как и в революции.

Таким образом, с событием мы разобрались и выяснили, что это слово либо можно употреблять в обыденном смысле, либо в более высоком смысле. В связи с этим вспомним данное ранее определение границы. *Граница — это одна и та же определенность, которая соединяет и разделяет два нечто.* Граница имеется в нечто, которое положено как становление, моментами которого являются два нечто, а границей — их общая определенность. Вот, скажем, применительно к событию, которое называется социалистической революцией, такой определенностью является рабочий класс. Рабочий класс является отрицанием капитализма, но наличие рабочего класса в условиях социализма противоречит бесклассовой природе этого общества, поэтому рабочий класс берет власть не для того, чтобы навечно оставаться классом, а для того, чтобы уничтожить деление общества на классы. Рабочий класс есть и при капитализме, и при социализме. Но в капиталистическом обществе рабочий класс — пролетариат, а после того, как он установил свою власть и произвел национализацию решающих средств производства, он уже не пролетариат. Пролетарий

— это лишенный собственности, но этого уже нельзя сказать про рабочий класс в условиях, когда собственность на решающие средства производства перешла в руки государства рабочего класса. Таким образом, в лице рабочего класса мы видим одну и ту же определенность, которая соединяет и разделяет два нечто. А это соответствует общему определению границы.

Нечто, взятое со своей имманентной границей, есть конечное. Это применимо к явлениям истории. Как мы ограничиваем французскую буржуазную революцию? Чем? Не только временем, время всегда можно указать, но бывает, что в этом времени вперед идут события, бывают — идут назад. Что ее границей является? Завершение буржуазной революции в чем состоит? В переходе власти от феодалов к буржуазии. Ну, а если феодалы снова сместили буржуазных революционеров, то, значит, буржуазная революция превратилась в феодальную контрреволюцию, перешла в феодальную реставрацию.

Граница какого-нибудь события делает его конечным. По отношению к любому конечному историческому событию — будь то восстание, завоевание, образование государства, становление какой-либо церкви — к любому этому событию применимо положение о том, что каждое конечное предполагает два противоположных утверждения: первое — нечто есть в своей границе, потому что благодаря своей границе оно сохраняет себя, и противоположное утверждение: в своей границе нечто нет, поскольку благодаря своей границе оно конечно, идет к своему концу, прекращается в своей границе. Можно сказать, что граница ограничивает нечто и тем самым, с одной стороны, отделяет его от иного, а, с другой стороны, соединяет его с ним. Если есть два события или два явления, то граница и отделяет одно от другого, и соединяет одно с другим.

Таким образом, верны два противоположных утверждения: нечто переходит в иное благодаря своей границе, и нечто не переходит в иное, остается тем, что оно есть, благодаря своей границе. С данным противоречием связаны две категории, которые нам хорошо известны, но от этого еще не познаны — долженствование и предел.

Один момент нечто состоит в том, чтобы быть тем, что нечто не есть, то есть переходить в иное. *Такой момент конечного, который состоит в том, чтобы быть тем, что конечное не есть, называется долженствованием.* Долженствование является выражением того, что нечто благодаря своей границе выходит к иному, переходит через границу, становится иным, тем, что оно не есть. Так со всеми живыми историческими явлениями, со всеми историческими событиями, конечные исторические события через свою границу нередко переходят к иному, должны становиться другими. Но из этого совершенно не следует, что долженствование тождественно переходу, поскольку нечто еще и сохраняется в своей границе. Вот нам очень много рассказывали, например, что товарищ Сталин должен был точно сказать, какого числа будет нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, причем никто еще в истории, ни один человек, никогда, ни про одну войну такого не сказал, а, видимо, Сталин имеет такой безграничный авторитет, особенно у тех, кто к нему относится отрицательно, что они обвиняют его в том, что он не сказал, какого числа Гитлер нападет на Советский Союз. Вот то, что американцы не узнали, когда японцы нападут на Перл-Харбор, это, дескать, дело понятное, то, что французы не узнали, когда на них нападут, это тоже понятно, но вот товарищ Сталин все должен знать. Он должен был быть тем, что он не есть. Это смешно, но факт есть, об этом все время пишут.

А в качестве какого момента выступает в конечном граница? Нечто через эту границу конечного выходит, переходит, переступает,

выходя к иному. С одной стороны, она была той границей, которая сохраняет нечто, а получается, что должна служить для выхода к иному. И как вы думаете, как называется та граница, которую переступают, переходят? *Предел*. Это не соответствует тому, что имеет место в обыденном сознании. Обыденное сознание говорит мне, что если я дошел до предела, то всё. Что значит все? Ведь что такое предел? *Предел это граница, которую переходят*. Как это доказать логически? Возьмем на какой-либо поверхности разграничительную линию. Когда я двигаюсь к этой линии, но пока еще не дошел до этой границы, она для меня предел или нет? Нет, могу еще двигаться. А когда уже перешел? Она для меня предел или нет? Нет. Получаем логическую задачу, причем формально логическую: пока я двигаюсь к границе, она для меня еще не предел, когда я перешел границу, она для меня уже не предел, когда же она предел? Только тогда, когда я ее переступаю. *Предел — это граница, которую переступают*. Тот, кто ограничивает себя своим пределом, тот ограниченный человек. А нам нужны ограниченные люди или люди, которые безгранично развиваются?

Мы должны истинное определение предела очень хорошо запомнить, потому что оно снимает замок ограничений, когда человеку кажется что, дойдя до предела, больше он уже ничего не может, а на самом он уже переступает свой предел.

Итак, предел и долженствование — два момента конечного. В каждом конечном явлении, в каждом событии мы должны определить его долженствование и предел. Предел должен ограничивать конечное, но благодаря долженствованию конечное выходит за свой предел. И вот оно вышло за свой предел и куда попало? В иное. Это опять конечное. Ну, а конечное в силу долженствования снова выходит за свой предел и попадает еще в одно конечное. И что мы тогда получаем? Бесконечную цепь конечных.

Как называется эта бесконечная цепь конечных? Эта бесконечность, которая получается, не соответствует понятию бесконечного. Если взять бесконечно много конечных, это будет бесконечное? Будет, но как говорит Гегель, — это дурная бесконечность. По Гегелю дурной человек — это тот, который не соответствует своему понятию, он человек, но не соответствует понятию человека. Дурная бесконечность понятию бесконечности не соответствует, ведь истинное бесконечное — это не конечное, а тут получается просто много конечных. Но истинная бесконечность, взятая не негативно как отрицание конечного, а как позитивное, не отделена от конечного, а включает в себя конечное. И вот тут мы наблюдаем переход в противоположность, как и в самом начале, когда мы брали бытие и оно превращалось в ничто, определилось как отрицание. Мы рассматривали конечное как бытие и пришли к бесконечному как бытию, которое по отношению к конечному является лишь его отрицанием. Бесконечное как отрицание конечного. На самом деле, как выясняется, нет ничего конечного, конечное есть лишь как отрицание бесконечного, а то, что есть, есть бесконечное.

Вот человек — это конечное или бесконечное? Каждый конкретный человек, каждый индивидуум — это конечное в бесконечном. То есть человек как человек-вид бесконечен и вечен, а каждый конкретный человек-индивид конечен и в этом смысле не вечен. Но поскольку бесконечность человека-вида выражается в индивидах, то каждый человек не только конечен, но прежде всего бесконечен. В каждом есть бесконечность. Отсюда, например, такое понятие как гений. Кто такой гений? Во-первых, не будем путать его с талантом, потому что талантливыми, то есть очень способными, бывают люди и такие, которые двигают историю вспять. Скажем, Гитлер — талантливый человек, книжку написал. Вы написали книжку? Нет. Картины

рисовал. Вы нарисовали картину? А Гитлер нарисовал. Талантливый человек? Талантливый. Но когда речь идет о гении, это не просто талантливый человек, это такой талантливый человек, который продвинул человечество вперед. Это же выражается в формуле: гений и злодейство несовместимы. По определению, по понятию гения. Гений — это тот, кто продвинул человечество вперед, а тот, кто не продвинул, — тот не гений. Но каждый человек, если он что-то положительное делает в истории, продвигает человечество вперед, поэтому такие люди обыкновенные от гениев не отделены непереходимой гранью или границей.

Как диалектически правильно понимать конечное? Конечное как выражение бесконечного и проявление бесконечного, такое конечное, которое является моментом бесконечного. Возьмем, например, изумительные по красоте скульптуры из Летнего сада, которые сейчас реставрируют и больше не поставят в Летний сад, туда копии поставят, а подлинники поставят в Русский музей, чтобы они не разрушались. Почему? В музей, потому что как выражение человеческого гения они бесконечны, а как мраморные статуи они конечны и под открытым небом быстрее разрушаются. Вот эти статуи — они конечны или бесконечны? Это бесконечное в конечном, т.е. бесконечный человеческий дух воплотился в этих конечных статуях, и они поэтому считаются идеальными. Соответственно, вы найдете в первом томе «Науки логики» — «Учении о бытии» — понятие идеального. Идеальное не в том смысле, что это в голове. У Гегеля для идеального как того, что относится к индивидуальному или общественному сознанию, употребляется одно немецкое слово — *ideal*, а для идеального в смысле конечного выражения бесконечного в бесконечном другое — *ideel*. Соответственно мы должны понимать бесконечное развитие человека как развитие в то же время и конечных людей. Не отделять

человечество от людей. Так и истина, будучи бесконечной, неотделима от конечной, а конечное нужно рассматривать просто как реальность бесконечного.

Бесконечность выражается только как конечность, она есть, но она выступает как конечное, выступает, проступает, на самом деле она бесконечна. Опираясь на такое понимание соотношения конечного и бесконечного, можно понять мысль Маркса, которая легла в основу исторического материализма, о том, что люди приходят в этот мир, принимают те производительные силы, которые есть, развивают их дальше, и так образуется связь в человеческой истории. Вот мы пришли в этот мир, здесь есть уже производительные силы, мы повлияли на них, будем надеяться, в лучшую сторону, и тем самым сделали себя бесконечными, вечными, жизнь прожили не зря. Так и культуру мы понимаем как выражение общественного богатства, вечного, бесконечного, почему сохранение материальных и духовных ценностей тоже вечно. И даже вечность не может стереть то, что постоянно воспроизводится и развивается.

Вот к такой категории бесконечного, в которой есть и конечное, то есть к такой, которая вбирает в себя всё, применим термин «в-себе-для-себя-бытие». Почему в себе? Потому что равно самому себе. Почему для себя? Потому что нет никакого иного помимо того, что содержится в нем. Вот отсюда следуют такие известные формулы, как превращение рабочего класса из класса в себе в класс для себя и о создании им такого общества, в котором развитие каждого является условием развития всех.

Дальнейшая логика такова. Получается, что как бы все одно, есть только одно и тогда встает вопрос об одном и многом, совершается переход качества в количество. Количество — это безразличная граница. Иногда спрашивают, почему Абрамович, имея столько мил-

лиардов долларов, хочет еще получить? Зачем ему это нужно? Люди не понимают, что абстрактное богатство как количество, деньги, капитал — это самовозрастающая стоимость, и к ней не применим потребительский подход. Вот вам нужна квартира, а у человека сто квартир, так если 100 можно, то можно и 150 и 200, и 300, капитал, вложенный в недвижимость, растет. Есть граница здесь? Есть, но она безразлична. Чем выше, чем больше, тем лучше, самовозрастающая стоимость. Или, как говорят, денег много не бывает, их всегда мало, особенно мало этих денег тем, у кого их слишком много.

Однако выясняется, что все-таки с изменением количества определенного качества меняется не только количество — есть предел, за которым скачком меняется качество. Известно, что количественные изменения приводят к качественному изменению. Это все слышали, все знают, количество переходит в качество. Но уже не в такое качество, которое только едино с бытием, а в такое качество, в котором в известных пределах тоже возможно изменение количества без изменения качества. И вот количество меняется, меняется и вдруг происходит скачок, переход в другое качество.

На уровне физическом нам это с вами объясняли еще в школе, что вот если вы поставите чайник и будете сидеть и смотреть на него, а он будет нагреваться, то вдруг услышите, что чайник вскипел. Что значит вскипел чайник? Сначала шумит. Что значит шумит? Это значит, что образуются пузырьки пара, поскольку вода еще холодная, они, поднимаясь вверх, лопаются, и когда образуется очень много пузырьков, вода закипает и после большого шума превращается в пар, идет интенсивное кипение, совершается качественный скачок.

Однако скачок скачку рознь. Историки, когда их спрашивают, что такое революция, нередко говорят, что это качественный скачок. Это правильно, но это не определение революции. Что, превращение

воды в пар — это революция? А в лед? Это контрреволюция? «Слушайте, у нас контрреволюция, замерзла вода!». То есть нельзя сводить определения просто к суждениям. Роза есть растение — это суждение о розе, но не ее определение. Особенно много полезного на эту тему можно почерпнуть в третьей книге «Науки логики» — Учении о понятии. Суждения: студент есть гражданин, студент есть человек — это все правильные высказывания, но не определения. Или, как некоторые думают, что если сказал Ленин, что коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны, то это определение коммунизма. И тогда можно сделать смешной вывод, что коммунизм минус электрификация — это будет Советская власть. Это если путать суждение с определением. Поэтому не будем путать, особенно в историческом исследовании, качественные скачки, которых может быть очень много, с революцией, которая есть переворот во всем базисе и надстройке, а не просто качественный скачок. Конечно, революции — это качественные скачки, и если мы посмотрим с вами те формации, которые имеются в истории, то мы увидим, что переход общества из одной формации в другую, конечно, — качественный скачок.

Если мы возьмем теперь эту линию изменения количества данного качества и потом скачок — переход к следующему качеству, снова изменение количества, скачок — переход к следующему качеству и так далее, то получим линию, которая называется *узловой линией отношений меры*, поскольку *окачественное количество или количество, характеризующее изменение без изменения определенного качества, называется мерой*. Как говорил Гегель, «Народы боготворят меру».

Применительно к развитию истории мы наблюдаем, что производительные силы все время развиваются, то есть количественные изменения происходят постоянно, в производительных силах, конечно, происходят внутренние скачки, но в обществе сохраняется тип

производственных отношений, сохраняется способ производства, но затем на основе произошедших количественных изменений нарастает изменение настроений в обществе, взглядов, мнений, позиций, противоречий, создается революционная ситуация, и происходит не просто скачок — переворот, переход в новую формацию. Так рабовладельческая формация перешла в феодальную. Затем продолжалось развитие производительных сил, производительные силы количественно нарастали, производительные силы позволяли все большее количество продуктов производить за меньшее время или за то же самое время производить больше продуктов и потом совершился новый скачок-переворот — буржуазная революция и так далее.

То есть это рассмотрение движения истории как движения через формации. При этом надо иметь в виду, что если я отнес какую-то страну к определенной формации, это не значит, что я все об этой стране сказал, отнюдь нет. То есть это недостаточно для понимания конкретной страны. Нужно еще изучить историю, культуру, в том числе и действия исторических личностей и т.п. Но верно и обратное: прежде чем заниматься этими более конкретными вопросами, нужно сначала определить тип, к которому относится данная страна, исторический тип. Почему говорят формация? Потому что берут не просто являющуюся форму общества, а форму, базирующуюся на определенном типе производственных отношений. Общественно-экономических формаций всего пять. В движении общественно-экономических формаций от одной к другой мы наблюдаем историческую узловую линию отношения меры.

А что стоит за этими скачками, что продолжается в этом изменении, когда качество меняется, потом еще раз меняется и количество нарастает? Есть что-то такое неизменное, что составляет внутреннюю причину и основу всех этих изменений, которые проявляются как узловая линия отношений меры. Берем первую книгу «Науки логики»

Гегеля — «Учение о бытии». Там с точки зрения рубрикации все очень просто: качество, количество, мера. Всего три раздела. Точно так же, как в «Науке логики» всего три книги — «Учение о бытии», «Учение о сущности» и «Учение о понятии». И каждое последнее — третье является синтезом первых двух триады: бытие, отрицание и снятие этого отрицания, возвращение к этому первоначальному, но как к бесконечному отрицанию своего отрицания.

Так что же стоит за вот этой самой узловой линией отношений меры? Если отрицается бытие каждый раз и совершается переход к другому бытию, то получается дурное отрицание, поскольку бытие как бытие не отрицается. Но мы уже знаем, как отличается бесконечное от дурного бесконечного, и здесь должны уже быть готовы к восприятию истинного отрицания бытия. Отрицания не данного конкретного бытия, а отрицания бытия вообще, отрицания всей сферы бытия.

А что такое отрицание бытия вообще? Отрицание бытия вообще есть *сущность*. Если смотреть на эту категорию с точки зрения теории познания, то когда мы что-нибудь познаем, мы не ограничиваем систему знаний об объекте лишь его бытием, а пытаемся проникнуть в объект глубже, не удовлетворяясь знанием только о том, что объект есть.

Изучая первый том «Науки логики», мы все выше, выше поднимаемся, а потом выясняется, что мы не можем быть удовлетворены, потому что это *лишь* бытие, а этого недостаточно. Были по этому поводу большие философские споры, которые довольно известны. Вот Кант ввел такое понятие, как вещь в себе. Дескать, мы не можем познать, что в этой вещи, мы видим лишь вещь в себе, вот то, что вы видите, это и все, что вы можете познать. То есть, критикуя разум, Кант этот разум ограничил бытием. Если стоять на кантовской позиции, то, соответственно, нельзя познать историю, просто смотрите, записывайте, давайте описание. А разве в этом суть?

История как наука должна проникать в сущность движения общества. А как можно изучать сущность? Только на основе того, что имело место. А как еще мы собираемся проникнуть в сущность? Я же не могу сейчас изучать будущее как бытие. Но я могу предсказывать будущее на основе анализа всего предшествующего развития. Смысл исторического исследования в том, чтобы пройти через добытые исторические факты к сущности истории. Историческое исследование — это движение от бытия к сущности. Поэтому вопрос, который перед нами стоит, — это вопрос о том, в чем сущность истории.

Сложность вопроса о сущности в том, что как только вы выразите так или иначе сущность и это будет написано, это уже будет бытие, и вопрос о движении к сущности встанет снова, поскольку отрицание бытия, непосредственного составляет определение сущности.

С точки зрения тех, кто не знает диалектики, не понимает бесконечности движения к сущности, Пушкин и Толстой, — слабые поэт и писатель, поскольку они многократно переделывали варианты своих произведений — напишут, зачеркнут, опять переписывают. Но великие поэты и великие писатели понимают, что невозможно сразу прийти к совершенству. Поэтому, написав один вариант, они его критически прочитывают и перерабатывают, все больше приближаясь к сущности. Так создаются великие произведения. Есть люди, которые вслед за Кантом говорят о непознаваемости вещи в себе, говорят о ней с особым уважением, как будто это что-то изысканное. На самом деле они ошибаются. Гегель разделался с этой вещью в себе очень просто: мы очень хорошо знаем, что такое вещь в себе, это то, про что ничего нельзя узнать, у чего нет никаких определений, у чего нет никакой глубины, поэтому это есть пустая неживая абстракция. На этом теория вещи в себе бесславно закончила свой недолгий путь в науке, и возобладало гегелевское диалектическое учение о сущности.

8. СУЩНОСТЬ ИСТОРИИ

Сущность — это снятое бытие. С категорией снятия мы познакомились, когда рассматривали становление. Результатом снятия становления явилось наличное бытие. А здесь речь идет не о снятии какого-то определенного наличного бытия, а о снятии бытия вообще. То есть сущность — это небытие, отрицание бытия, но отрицание не конкретного бытия, когда вместо одного берется другое, вместо одного исторического факта берется другой или когда эти два факта находятся в одном изменяющемся нечто, моментами которого являются два нечто. В последнем случае одно нечто является отрицанием другого нечто, это два разных определенных наличных бытия, но снятие, отрицание одного не является отрицанием бытия вообще, а есть просто переход к другому бытию. Переход конечного бытия к бесконечному бытию — это тоже переход от бытия к бытию. Когда мы с вами говорим об отрицании бытия вообще, — только тогда речь идет о сущности. Сущность есть не снятие какого-то бытия, а отрицание, снятие бытия вообще. Следовательно, если мы что-то видим или находим на поверхности, — это не сущность. То есть сущность непосредственно не дана.

И вот все, кто изучает «Науку логики» Гегеля, дойдя до Учения о сущности, находятся обычно в затруднении, потому что движения и переходы в сфере сущности непривычны, мы с ними в обыденной жизни не имеем никогда дела, потому что в жизни обыденной мы имеем дело с тем, что есть, а то, что есть — это то, что перед нами, то, что непосредственно, а сущность не дана непосредственно, к сущности надо еще прийти через снятие бытия, только тогда мы можем говорить о сущности.

Вот мы смотрим друг на друга. Означает ли это, что мы видим сущность собеседника? Сущность нельзя так просто увидеть, до нее

надо пройти через отрицание непосредственного. Если вы возьмете ленинский конспект «Науки логики», то можете увидеть, что и Ленин испытывал затруднения при освоении Учения о сущности. Гегель пишет, что в сфере бытия идет движения от бытия к ничто, от ничто к бытию и от бытия к бытию, а в сфере сущности идет движение от одной сущности к другой сущности, а сущность есть отрицание бытия или, другими словами, ничто бытия, поэтому движение в сфере сущности — это движение от ничто к ничто. И вот по этому поводу Ленин пишет, что, пожалуй, этого не может быть, движения от ничто к ничто, но со словом «пожалуй». Это вопрос очень не простой, очень трудный и для того, чтобы его понять, надо очень хорошо осознать, что такое сущность — не отрицание какого-то бытия, а отрицание сферы бытия вообще, и если вы движетесь от сущности к сущности, значит, вы от одного отрицания двигаетесь к другому отрицанию. Отрицание — это ничто, поэтому можно сказать, что вы движетесь от ничто к ничто. И вот для всей сферы сущности характерно движение от ничто к ничто.

А чем занимается наука, только бытием или и сущностью? Мы говорили, что наука добывает истину. Истина — это соответствие понятия объекту. То, что мы изучаем, — это предмет нашего изучения, а этот предмет может быть и стороной какого-то объекта. Но разве у объекта мы изучаем только внешнюю сторону его проявления? Или мы изучаем сущность, пытаемся докопаться до сути, пытаемся найти сущность какого-то явления, и это движение к сущности бесконечно. Всегда, как только вы докопались, казалось бы, до самой сущности, она выступает уже не как сущность, поскольку вы про нее уже сказали, написали, она уже стала непосредственным, стала бытием, и надо копнуть еще глубже. Можно еще глубже копнуть и так далее.

А какова сущность истории? Вот если я в итоге изучения истории человечества выясню всеобщее, то это всеобщее могу применять в настоящем и в будущем, а если я изучаю только бытие, то я это применяю к тому индивидуальному бытию, которое изучил. Вот, допустим, я вас хорошо изучил, можно это применить к другим людям? Каждый человек индивидуален, и поэтому как можно то, что относится к одному, применять к другим? Применять к другим можно то, что относится не к какому-то отдельному человеку или отдельному субъекту, а то, что является или особенным, или всеобщим. Но мы с вами и говорили, что философия занимается всеобщими законами, которые являются законами и природы, и общества, и мышления. И эти законы природы, общества и мышления, раз они всеобщие для тех, кто занимается обществом, являются законами общества, для тех, кто занимается природой, — законами природы, для тех, кто занимается собственно мышлением, они являются логикой или законами мышления. То есть это не отсутствие содержания, а всеобщее содержание, такое содержание, которое является как бы непреходящим, передаваемым из поколения в поколение, которое является устойчивым, спокойным в движении явлений. В Учении о сущности вы найдете понятие закона, данное Гегелем. Что такое закон? *Спокойное в явлении* — вот что есть закон. Закон и сущность — категории однопорядковые.

А что такое сущность истории? Сущность истории — это не просто какие-то факты, которые можно изучать бесконечно, потому что каждый факт можно тоже изучать бесконечно, потому что даже электрон неисчерпаем, а сколько электронов в людях, которые делают историю. Можно всю жизнь потратить на изучение какого-то исторического факта и до сущности не дойти, потому что мы все время будем находиться в сфере бытия. Почему не дойти? Потому что сущ-

ность есть отрицание бытия. Надо отрицать внешнюю оболочку, отрицать — это не значит ее отбросить, не это имеется в виду, просто надо выяснить, а что под этим бытием, и снова потом вернуться от закона, от сущности к поверхности. А если я вернусь от сущности к поверхности, что это будет? Это будет *явление*. Потому что слово «явление», вообще говоря, требует какого-то добавления. Хочется спросить, а чего явление? Вот есть явление Христа народу, это понятно, или явление президента гражданам, которые его избрали. А когда мы говорим вообще о явлениях, разве можно его отпустить, это явление, без указания того, явлением чего это является? Так вот, когда говорят просто о явлении, то это, значит, говорят о явлении закона или явлении сущности.

Когда сущность является как бытие, она может оказываться в этом бытии противоположной другому моменту этого же самого бытия. Потому что в явлении, кроме проявления сущности есть то, что противоположно этой сущности, про что мы иногда говорим, что это — лишь кажимость, видимость. Но кажимость сущности есть тоже одно из проявлений сущности. А сущность противоречива или нет? Все противоречиво, а сущность не противоречива, может такое быть? Сущность тоже противоречива, поэтому в явлении проявляет себя и то, что выражает сущность, и то, что ей противоположно. И вот когда мы как историки начинаем изучать исторические факты, так мы для себя должны сделать вывод, какие факты или какие стороны этих фактов, какие моменты исторического движения, исторического развития являются выражением сущности, а какие — противоположны этой сущности в самой же сущности, теперь уже на уровне бытия, то есть в явлении.

То есть мы с вами попадаем в такую проблематику, которая не является широко распространенной. Мы ставим перед собой гранди-

озный вопрос: сущность истории. Грандиозный, потому что его даже страшно поставить, но и не просто на него ответить. С другой стороны, мы с вами знаем, как на него отвечать, если знаем, что такое сущность, движение в которой должно быть движением от ничто к ничто, а не таким, как в сфере бытия, движение от бытия к бытию, когда мы дошли до определенного наличного бытия, до нечто.

Давайте сначала возьмем в истории период первобытнообщинного коммунизма, в котором общественная сущность человека совпала с внешней формой его бытия. По сути человек — это общественное животное? Животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное. И внешняя форма, форма проявления экономики первобытнообщинного коммунизма совпала в этом смысле с сущностью, тоже выступала как выражение общего, внешняя форма выражала это общее непосредственно. Коммунизм означает общий. Что мы хотим сказать словом «коммунизм»? Общая собственность, общий труд и общее распределение.

А вот когда производство стало рабовладельческим, на поверхности оно каким выступало? Общественным или частным во внешних формах бытия? На поверхности, конечно, — это частное производство. Отдельные рабовладельцы с помощью принадлежащим им на правах собственности рабов, с которыми они могли делать все, что угодно, не только их наказывать плетью, но и убивать, и которых они рассматривали как говорящее орудие, осуществляли производство, которое лежало в основе рабовладельческого общества, и в это время уже имелся достаточный прибавочный продукт для того, чтобы содержать тех, кто непосредственно не работал, не занимался производительным трудом, а занимался чем-нибудь другим, например, общением с богами, как жрецы, или искусством, или военным делом, наукой и так далее.

А что является отрицанием частной формы производства, в данном случае рабовладельческой? Общественное производство. И если мы поставим вопрос в таком плане, то мы легко выясним, что и при рабовладении, во-первых, строились такие сооружения, которые не могут быть делом отдельных частных рабовладельцев. Никто еще не говорил, что вот те богатства, которые сохранились с того времени, со времен Древней Греции или со времен Древнего Рима, что это создание такого-то рабовладельца, хотя бы с помощью только его рабов. То есть, во-первых, были сооружения и памятники, которые непосредственно являлись делом рук громадного количества людей. Во-вторых, а сам труд, если мы возьмем труд рабов одного рабовладельца, как может быть выражен? Он похож на то, что сейчас называют производством на рынок? Возможно такое, чтобы рабовладельцы потребовали от управляющего рабами, чтобы он в мясные продукты добавлял бы соевый белок? Не поздоровилось бы такому управляющему, не сносить бы ему головы. А в чем дело? Производство было на основе обмена или на основе кооперации? На основе кооперации. Буквальный перевод слова кооперация с иностранного русского на русский русский язык: ко — это со, операция — это действие, кооперация — это совместное действие. А экономическое определение кооперации звучит так: *кооперация — это такая форма труда, при которой много лиц планомерно работают в одном или связанных между собой процессах производства.*

И вот если мы посмотрим на этом уровне, на уровне отрицания внешней формы производства, что происходило при переходе от рабовладения к феодализму, от феодализма к капитализму, то мы видим, что в основе производства лежала все та же кооперация. Только если вы при феодализме возьмете крупное производство помещика, а не мелкое производство крестьянина, все-таки помещичье производ-

ство было основой производства, так вот крупное производство помещика основано на кооперации. И тогда движение от рабовладельческого производства к производству феодальному будет понято как движение от ничто к ничто, от одного общественного производства к другому общественному производству. Производство при рабовладении имело общественный характер или нет? Но не непосредственно общественный характер, то есть по внешней форме оно частное, но по сути-то оно общественный характер носило. А при феодализме производство носило частный или общественный характер? Также по внешней форме частный, а по сущности — общественный характер, то есть не непосредственно общественный характер, а общественный. А непосредственно оно было частным, то есть сущность и бытие друг друга отрицали. В сфере сущности получилось движение от общественного характера рабовладельческого производства к общественному характеру феодального производства.

Ну а с чего начинается капиталистическое производство? С мануфактуры, а мануфактура есть форма кооперации. Правда нам сейчас рассказывают, что все пришли на рынок, но рынок — это сфера обмена, а не сфера производства. И дело не во внешней форме, а в сути дела, а суть дела такова, что капитализм начинается с мануфактуры, это первое капиталистическое производство. В мануфактуру набирает капиталист работников, покупая их рабочую силу. Сначала он их покупает на рынке рабочей силы, а потом ведет за собой дубить их шкуру, получать прибавочную стоимость от их труда в мануфактуре. А мануфактура с развитием машинного производства во что превращается? В фабрику. Значит, от одного общественного характера производства к другому общественному характеру производства.

А если имеется движение от одного и того же к тому же самому, но с усложнением, *движение от низшего к высшему и от простого к*

сложному с сохранением природы того, что движется — это что такое? Какой категорией это выражается? ***Развитие — движение от низшего к высшему, от простого к сложному.*** Что мы обнаруживаем, переходя через столетия, через века, переходя от рабовладельческого производства к феодальному производству, от феодального производства к капиталистическому — развитие общественного характера производства.

Вывод, который мы получили, естественен. Ведь человечество по своей природе, по сущности общественное. Сущность человека в общественных отношениях. Конечно, каждый человек один, а все равно его сущность общественная. Если мы хотим какого-то человека изучить по сущности, надо не просто смотреть, какая у него прическа, что он носит, куда ходит, а надо еще знать, каков его внутренний мир, надо знать, как на него другие люди влияют и как он влияет на других людей. Поэтому Маркс говорил, что человек есть продукт обстоятельств и воспитания. Нельзя, например, какого-то представителя класса объявлять идеологом *данного* класса на том основании, что он принадлежит этому классу. Так мы будем делать сплошные исторические ошибки. Скажите, идеолог рабочего класса Ф.Энгельс к какому классу принадлежал? Папа у него был фабрикант, а когда папа умер, Фридрих Энгельс, получив в собственность фабрику, тоже стал фабрикантом.

Таким образом, посредством частнособственнических производств — частнособственнического рабовладельческого производства, частнособственнического феодального производства, частнособственнического капиталистического производства совершается развитие общественного характера производства. Это то, что является сущностью как бы первого порядка, до которой можно дойти через отрицание внешней формы. Все великие произведения материальной

или духовной культуры — вещи, которые созданы раз навсегда, принадлежат человечеству, носят общественный характер. Маркс говорил, что история славит как самого счастливого того, кто принес счастье наибольшему количеству людей, все гениальные люди в этом смысле — счастливые, независимо от того, как сложилась их конкретная персональная жизнь. Ну, конечно, какое может быть счастье у Чернышевского! Ленин говорил, что про Чернышевского темный человек скажет: всю жизнь боролся, ничего не добился и потом под конец жизни угодил на каторгу. Вот так можно изложить с внешней стороны жизнь Чернышевского. Но если бы не Чернышевский, не было бы последующих революционеров, не было бы затем и революции. Обратите внимание: это подход сущностный, он предполагает как бы постоянный уход от внешней формы. Ведь те производства, которые мы с вами рассматривали, они непосредственно общественными не являются, за исключением первобытнообщинного коммунизма. И когда проходит через все частнособственнические формации отрицание отрицания, то, наконец, эта сущность вновь является и проявляется после социалистической революции и переходного периода к коммунизму как непосредственно общественное производство первой фазы коммунистической общественно-экономической формации — социализма.

Таким образом, коммунистическое производство и в первой своей фазе, при социализме, является непосредственно общественным. Люди, которые не вполне глубоко изучили диалектику, путаются в этом вопросе и путались очень много в нашей стране. Даже такие крупные фигуры, как товарищ Сталин. Вот у Ленина никакой путаницы нет. В 1921 году он указывал в «Наказе от Совета Труда и Обороны местным советским учреждениям», что государственный продукт, продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестья-

янское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром. О том же идет речь в Замечаниях Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода», которые благодаря Н.С.Хрущеву не попали в Полное собрание сочинений В.И.Ленина. Выходит, если написано «полное собрание», значит, оно не полное, а действительно полным собранием являются Ленинские сборники. Полное собрание делали люди, которые решали, что туда включить, а что не включить. Замечания Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода», которые есть в 11-ом Ленинском сборнике и еще раз в 40-ом Ленинском сборнике, в Полное собрание сочинений не включены не случайно, поскольку в них антирыночная позиция Ленина выражена резко и определенно. Что там говорится? Там, где Бухарин пишет, что при капитализме производится товар, а при социализме — продукт. Ленин замечает: не точно, надо написать продукт, идущий в потребление *не через рынок*. Между прочим, конспект переписки Маркса и Энгельса, занимающий целый том, в Полное собрание сочинений Ленина тоже не включили, видимо, потому что он весь посвящен вопросу о понимании Марксом и Энгельсом гегелевской диалектики. Точно так же не включен в Полное собрание сочинений В.И.Ленина обмен записками между Лениным и Бухариным по поводу богдановской тектологии, которую Богданов выдавал за всеобщую организационную науку, где Ленин пишет Бухарину, что Богданов вас обманул, потому что это есть эмпириомонизм. В дальнейшем на роль всеобщей методологии вместо диалектики вслед за Богдановым многие стали протаскивать так называемый системно-структурный анализ или просто некий системный подход. Но система системе рознь. Так называемый системный подход свелся к игнорированию противоречий и самодвижения системы, ограничившись

плоским утверждением, что в каждой системе есть элементы и структура. Никакие противоречия не рассматриваются, а берутся лишь элементы и структура, то есть части со связями, да еще внешняя среда, больше ничего. Хотя, конечно, надо применять системный подход, еще бы не хватало бессистемный! Общие слова представляют в виде некоего метода. Однако что такое метод? Осознание формы внутреннего самодвижения содержания исследуемого предмета. Это значит, что надо проникнуть в глубину, понять каковы противоречия самодвижения и постараться это осознать, то есть выразить в понятиях, что очень сложно, а не хочется этой сложности, а хочется быстро что-то получить. Но не все быстро получается.

У Сталина динамика преодоления товарного производства в целом правильно описана в «Экономических проблемах социализма в СССР», подчеркивается, что идет переход от товарного производства к нетоварному, и говорится, что средства производства у нас — не товары, но предметы потребления якобы — товары. Однако если предположить, что предмет потребления — товар и принять во внимание, что товар — это продукт, производимый для обмена, получится, что на государственных предприятиях производятся продукты для обмена с гражданами, с работниками. А если это обмен, значит, работник должен тоже что-то дать в обмен. А что он может дать? Рабочую силу. Тогда получается, что рабочая сила — товар. А товарное производство на том этапе развития, когда рабочая сила становится товаром, называется капитализмом. Следовательно, утверждение о том, что предмет потребления при социализме — товар, может послужить в дальнейшем источником дальнейших антисоциалистических учений или течений. В «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталина говорится о том, что закон стоимости якобы может быть законом социалистической экономики. А что та-

кое закон стоимости? Согласно Марксу, закон стоимости — это основной закон всякого товарного хозяйства, а, следовательно, и его высшей формы — капитализма. Но может ли основной закон капитализма быть законом социализма? С точки зрения диалектики, основной закон означает, что если вы посадите товар как семя, как первичную клеточку, из него вначале вырастут деньги, потом капитал, а вместе с ним и капитализм. Если вы прибавите к слову товар слово «социалистический», это ничего не меняет. Если вы заложили в социализм товар, да еще и закон стоимости, на основе закона стоимости из товара будет расти капитализм. В горбачевский период говорили: мы «на рынок» идем, а откуда вы на рынок идете, из производства? Ведь рынок — это же сфера обмена. В это время на Западе уже «с рынка» шли. Ведется работа на заказ, что противоположно работе на свободный и неизвестный рынок. Тем самым при монополистическом капитализме совершается подрыв товарного хозяйства, что является выражением дальнейшего развития общественного характера производства в условиях капитализма.

Таким образом, мы обнаружили и проследили движение, которое сразу не видно, которое не на поверхности. Это движение к развитию общественного характера производства. Можно сказать, что мы тем самым дошли до сущности. Развитие общественного характера производства — это основа развития общества. И с этой точки зрения коммунизм не есть какой-то особый строй, а возвращение через отрицание отрицания к непосредственно общественному производству, но на основе развития общественного характера производства, которое происходило в частной форме.

Давайте теперь рассмотрим тенденцию развития общественного характера производства, сделаем предметом изучения направленность этого движения, выявим, к чему ведет движение к разви-

тию общественного характера производства, как это отражается на жизни людей.

Можно ли сказать, что с ростом общественного характера производства, несмотря на различия в способах производства и формах общественной жизни и даже несмотря на эксплуататорский характер ряда способов производства, движение через противоречия и зигзаги, через преодоление противоположной тенденции все же идет к росту благосостояния и развитию всех членов общества? Есть такое движение или нет?

Можно сказать, что плоды общественного развития достаются не только эксплуататорским классам. Действительно, если при первобытнообщинном коммунизме представителей другого племени, попавших в плен, убивали, то это было потому, что по экономическим причинам их бессмысленно было заставлять работать. Прибавочный продукт был такой маленький, что он не позволял прокормить другого человека. То есть вопрос о возможности рабовладения связан с размером прибавочного продукта. Вот как только раб или несколько рабов смогут содержать, кроме самих себя, и эксплуататоров, то есть людей, которые живут чужим трудом, то возможным становится рабство, не как отдельный элемент, а как некая система производства. Вместе с этим становится возможным, чтобы попавших в плен противников не убивали, а лишь превращали в рабов. То есть можно все-таки констатировать, что с переходом к рабовладению благосостояние людей стало лучше, во всяком случае люди меньше стали друг друга убивать. Рабовладельческое общество, конечно, богаче, чем общество первобытнообщинного коммунизма, богатства при этом достаются в основном рабовладельцам, но и рабы, наверное, имели возможность более систематически питаться, чем свободные граждане первобытнообщинного коммунизма, не говоря уже о том,

что они не были в положении тех, кто может быть не сегодня, так завтра умерщвлен. То есть раба могли умертвить, но дальнейшее развитие рабовладельческого общества вело к тому, что, хотя право на то, чтобы умертвить раба, оставалось, смысла в этом не было, поскольку раб с развитием производства приносил хозяину все больше богатств. И чем дальше, тем больше. А осознанием этого, историческим признанием этого фактически было то, что крепостничество отменило такую правовую норму, при которой можно было убить работника. Крепостного можно было купить и заставить работать под угрозой телесных наказаний, но убить было нельзя. То есть движение имело место к обеспечению благосостояния. Давайте поставим и другой вопрос, а когда работник перестал быть рабом и стал крепостным, обеспечение благосостояния не только помещиков, но и крепостных продвигалось вперед или нет? Вообще, очень медленно, особенно на фоне купающихся в роскоши помещиков. И все же крепостной крестьянин с развитием производства и появлением возможности продавать часть произведенного продукта на рынке становился более свободным, хотя и скованным тисками крепостничества. Крестьянин, отработав на барщине, сам решает, что сеять, когда сеять, как убирать, какие культуры, как организовывать труд. У него в подчинении большая семья, трудом которой надо управлять, самому управляться со всем хозяйством. С развитием производства средний крестьянин жил лучше, но значительная часть разорялась и вынуждена была уезжать на заработки в города. Теперь если вы возьмете книгу Ленина «Развитие капитализма в России», то в ней на цифрах и фактах убедительно доказано, что рабочий в городах жил лучше, чем крестьянин в деревне, наемный рабочий, эксплуатируемый пролетарий жил лучше, чем крепостной, потому что крепостной все время был в нуж-

де, от которой не спасало товарное производство, поскольку цену устанавливал не тот, кто продает, а тот, кто покупает

Таким образом, мы можем констатировать, что с развитием общественного характера производства при переходе от одной формации к другой и в рамках одной формации действует тенденция к росту обеспечения благосостояния людей не только в высших классах, но и в низших. Все понимают, что с ростом благосостояния совсем не обязательно идет развитие людей. Но с развитием общественного характера производства идет и развитие главной производительной силы всего человечества — рабочего, трудящегося. Ясное дело, что нынешние рабочие — более образованные, более грамотные, чем в 1917-ом году, Ведь в 1917 году рабочий день был 11,5 часов. Сейчас, правда, снова хотят сделать 11,5, но не получается. Да и крепостничество бы сделали, да не получается. Дворян бы нашли, царя бы нашли, но никто не хочет идти крепостными.

Следовательно, ход истории таков, что развитие идет не только эксплуататорских классов, хотя развитие идет, можно сказать в извращенной форме, когда больше оно касается классов эксплуататорских. Но хотя создание прекрасных архитектурных, музыкальных и других творений организовывали и поддерживали эксплуататорские классы, они разве служат только эксплуататорским классам и их развитию? Нет. Правда, заплатить надо деньги немаленькие, чтобы пойти с детьми в Эрмитаж или Русский музей. Ясное дело, что вы не будете собственником картины, вы не купите ее, как некоторые представители эксплуататорских классов, но вы можете на нее посмотреть. А оттого, что он ее купил, он что — стал умнее или лучше знает искусство? Нет. Поэтому, в силу общественного характера производства и в силу того, что человек есть общественный человек, и в этом сущность человека, с развитием человека как человека, то

есть человеческого общества, имеет место все более не только обеспечение полного благосостояния, но и развития. Развитие только одностороннее, только в труде или всестороннее развитие? Тенденция ко всестороннему развитию пробивается очень медленно, но пробивается, как всякая прогрессивная тенденция. Все прогрессивные тенденции пробиваются с трудом. А можно сказать, что оно свободное, это развитие?

Для того, чтобы сказать, что развитие свободное, надо знать, что такое свобода. Формулу Энгельса, что свобода есть осознанная необходимость, не следует понимать как определение свободы. Это лишь правильное суждение о свободе. Ну, вот, представьте ситуацию, человек украл большую сумму денег и его посадили на семь лет. Он первый год сидел — недоволен был страшно тем, что его посадили, а на второй год, когда посидел и обдумал все, понял, что правильно его посадили, что воровать нехорошо, и осознал, что правильно, что ему дали семь лет, и теперь уже имеет место осознанная необходимость того, что надо было за воровство дать семь лет. И что, после этого он еще пять лет сидит или находится на свободе? Так вот Маркс давал другое определение свободы: *свобода есть господство над обстоятельствами со знанием дела*. А если обстоятельства над вами господствуют, то что бы у вас ни было в голове, вы не свободны. Другое дело, что господство над обстоятельствами со знанием дела предполагает понимание того, каковы законы, что возможно, что невозможно, что допустимо, что недопустимо — это более богатое, более развитое суждение, которое является определением свободы. Поэтому господства над обстоятельствами со знанием дела не может быть у людей необразованных, только образованные люди могут быть свободны. Поэтому первое, что делают после революции, — это учат

людей и, наоборот, первое, что делают после контрреволюции — это губят образование.

В итоге нашего с вами рассмотрения мы можем сказать, что история движется в направлении обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества через противоречия, через преодоление противоположной тенденции и иногда тенденция противоположная берет верх на известных этапах и имеет место движение вспять, но в целом, если мы берем сущность истории, история движется к обеспечению полного благосостояния и свободному всестороннему развитию всех членов общества. И усмотреть сущность истории, глядя только на поверхность исторических явлений, на бытие, невозможно. Но, проникнув в сущность, можно затем вернуться к этой самой поверхности, и тогда мы уже увидим в явлении то, что непосредственно не бросается в глаза, но и в явлении должно проявляться. И вот то в явлении, что соответствует сущности, — есть действительное, а то в явлении, что не соответствует сущности, — есть недействительное. Поэтому не все, что есть, — действительно. Не надо все, что есть, развивать, это не разумно, а вот развивать следует то, что действительно, Вот Гегель так сказал: что действительно, то разумно, а что разумно, то действительно. И это многие люди не понимают, потому что действительным называют просто то, что сейчас есть, но действительно и то, что разумно, что с необходимостью появится, поскольку эта необходимость уже познана, оно появится, если оно соответствует прогрессивной тенденции, появится в явлении, хотя сначала выступает разумной целью. А когда какая-то цель как идея овладевает массами, она становится материальной силой, что приводит к общему развитию.

9. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Материал прошлой лекции не охватывает исчерпывающе очень большой, сложный и принципиальный вопрос о сущности истории. Это, можно сказать, наш первый приступ применения к исторической проблематике той методологии, которая раскрыта в Учении о сущности во втором томе «Науке логики» Гегеля. Там много разных тем: сущность и форма, форма и материя, форма и содержание, существование, явление и закон этого явления, действительность, — то есть там, можно сказать, целый букет очень важных категорий, которые, конечно, будучи изученными, а это достаточно непросто, могут оказать большую помощь в исследовании исторической действительности и в *истинном* изображении ее, поскольку истина есть соответствие понятия объекту. Если мы берем несоответствующие понятия или не совсем те понятия, нельзя сказать, что мы не приближаемся к истине, но мы не приближаемся к истине с той полнотой, с которой возможно. Поэтому нельзя говорить, что если я этими категориями не владею, то я прямо совсем ничего и не знаю, так нельзя сказать. Но если мы хотим двигаться все ближе и ближе к истине, а в этом цель научного познания, то мы должны владеть всем арсеналом средств, и поэтому как люди, коих интересует истина, историки должны овладевать самым передовым научным аппаратом, который есть — диалектикой.

К сущности надо идти с ясным пониманием того, что такое сущность. Сущность — это отрицание непосредственного, причем отрицание не такое, которое дает другое непосредственное, не такое отрицание, что вместо одного бытия мы получаем иное, другое бытие, а отрицание бытия вообще. То есть если мы имеем дело с каким-то бытием, мы сразу говорим — это не сущность, значит, надо отрицать эту поверхность, которая теперь рассматривается как поверхность, и пойти глубже и искать в глубине. Так, мы установили, что несмотря на то,

что общество — это общество людей, а люди — это животные общественные, трудящиеся, говорящие и разумные, несмотря на это в рамках частнособственнических формаций эта общественная природа людей, общественная сущность людей на поверхности не выражена. Наоборот, здесь как бы все частное, начиная с рабовладения, которое является строем, прогрессивным по сравнению с первобытнообщинным коммунизмом, затем идут феодализм и капитализм. Все они на поверхности представляются как общества, в которых царят частные интересы, царит частная собственность и непосредственно не проявляет себя общественный характер тех отношений, которые лежат в основе, скрыта общественная природа производства и самого общества. Несмотря на то, что это противоречит общественной природе общества. Тем не менее, это имеет место, но это поверхность. А если мы возьмем и будем рассматривать отрицание этой поверхности, то обнаружим сущность, а сущность такова, что и в рамках частнособственнических общественно-экономических формаций подспудно идет движение к обеспечению полного благосостояния и свободному всестороннему развитию всех членов общества. Можно говорить, что медленно идет, можно говорить, что оно идет зигзагообразно, можно говорить, что оно идет с торможениями, можно говорить, что не сразу и не у всех это идет, но идет. Идет несмотря на то, что отдельные индивиды пытаются общественными богатствами завладеть безраздельно и захватить в свою собственность столько, сколько никак не соизмеряется с нормальными потребностями развития, потому что это значительно больше разумных потребностей и соизмеряется лишь со стремлением к абстрактному богатству.

Маркс доказывал в «Капитале», что стоимость — это такая величина, у которой граница есть, но это безразличная количественная граница. Капитал — это самовозрастающая стоимость, не может быть

много стоимости, стоимости всегда мало, то есть всегда может быть еще больше. С точки зрения потребителя, когда он смотрит на какой-то огромный дом, принадлежащий одному владельцу или на сто домов в Москве, которые принадлежат одному владельцу, непонятно, зачем ему столько домов. Но для капиталиста это — не дома, это — капитал, недвижимость, с ростом цен на которую автоматически растет богатство этого человека, причем он вкладывает не в банк, который может лопнуть, и тем более не держит эти деньги наличными дома, где у него их могут украсть, а вкладывает в недвижимость и богатеет, не прилагая никаких усилий. В этом смысле он даже лучше поступает, чем рантье, который положил деньги в банк и живет на проценты. На поверхности экономической жизни мы видим весьма впечатляющие картины. Член Совета Федерации Пугачев получил за 2009 год 2 миллиарда рублей дохода. Или вот губернатор Самарской области Артяков, бывший генеральный директор АвтоВАЗа, о котором он вроде бы очень печется, получил за 2006 год один миллиард четыреста тысяч рублей и теперь, видите ли, думает, как спасти АвтоВАЗ.

И тем не менее в противоположность этим кричащим фактам проявляет себя в борьбе организованных в профсоюзы работников движение к обеспечению полного благосостояния и свободному всестороннему развитию *всех* членов общества.

На этом мы в прошлый раз остановились достаточно обстоятельно, я это констатирую, чтобы пойти дальше и понять с этой точки зрения обострение необходимости отрицания частнособственнических формаций, то есть необходимости второго отрицания и возвращения тем самым к коммунизму, но уже на базе тех производительных сил, которые развились в рамках рабовладения, феодализма и капитализма. Это отрицание продвигает нас к коммунизму, но уже не к первобытнообщинному коммунизму. В буквальном смысле слово

«коммунист» означает общий: общая земля, общие средства производства, общий труд, общее распределение — вот что такое коммунизм. Другое дело — исторические формы коммунизма, выходящего из капитализма. Например, социализм — это коммунизм, но лишь в первой фазе, неполный коммунизм, неразвитый, незрелый, а кто любит что-нибудь незрелое, неполное, неразвитое? Поэтому от социализма — либо вперед к полному коммунизму, либо назад к капитализму. И если нет движения вперед, осуществляется движение назад.

Правда, иногда у нас говорят, что назад мы не пойдём. Это говорят те, кто идет только назад. И вообще не так просто определить, что есть вперед, а что есть назад. А вот как раз теория общественно-экономических формаций позволяет все время иметь ясное понимание того, в каком направлении развиваются исторические события в данной стране.

Возьмем упоминавшееся уже положение Гегеля «Что разумно, то действительно». Ход истории его подтверждает. Прежде, чем появился коммунизм в первой фазе, появилась партия рабочего класса, сформулировавшая цели общества, которое рабочий класс призван создать. Это движение к созданию коммунизма представляется реализованным витком гегелевской философии, похожим на абсолютный идеализм: сначала идея, а потом ее реализация. Диалектический же материализм подчеркивает, что эта идея коренится в экономических отношениях прежнего общества и вытекающих из них интересах рабочего класса. Но если мы на время забудем о том, из чего вытекает и на чем основывается идея коммунизма, и будем рассматривать процесс ее практической реализации, то мы обнаружим следующее. Сначала появилась марксистская идея, идея коммунизма, которая как идея научного коммунизма или научного социализма связывала коммунизм не с какими-то фантазиями, как у Сен-Симона, Фурье и Оу-

эна, а с определенным классом, историческим могильщиком старого строя и созидателем нового, коммунистического общества — с рабочим классом. Затем эта идея овладевала массами благодаря деятельности Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Эта идея овладела массами, а когда какая-нибудь идея овладевает массами, она становится материальной силой. То есть возникла историческая материальная преобразующая сила. Без этой материальной силы, конечно, нельзя было бы говорить ни о какой революции, потому что революция есть ниспровержение существующего строя и замена его другим, более передовым. Эта материальная сила приобрела определенную форму, а именно форму Советов. Рабочий класс создал Советы, ни один идеолог не придумал советы, ни Ленин, ни другие большевики не могут сказать, что они придумали Советы. Советы создал рабочий класс России в 1905 году в Иваново-Вознесенске. И в 1917-ом году они снова возродились. И тогда замечательным образом осуществилось то, о чем говорили Маркс и Энгельс, что нужно сломать буржуазный государственный аппарат, поскольку он не может быть пущен в ход для новых коммунистических целей, не может быть пущен для целей рабочего класса, он может служить только тому классу, который его создал. В России напрямую буржуазный государственный аппарат никто вроде бы и не ломал, но по сути он был сломан, поскольку рядом был создан другой государственный аппарат — советский, и чиновники из старого аппарата привлекались к работе в новом аппарате. То есть созидательно, творчески, конструктивно произошла ломка старого аппарата. Он как бы умер, этот старый аппарат, разбитый полновластием Советов. Если мы обратимся к написанному Марксом и Энгельсом по этому вопросу, Лениным в книге «Государство и революция», мы увидим, что ими особо подчеркивается, что надо обязательно сломать, разбить

старый буржуазный государственный аппарат, а у нас в России было показано, как это надо делать. Специально вроде бы никто ничего не разбивал, не ломал, но старый государственный аппарат погиб под натиском нового, советского. Старый умер, потому что создали и вооруженной рукой утвердили новый. Так русский, российский рабочий класс показал образец созидательного творчества, создав Советы как организационную форму диктатуры пролетариата.

Как же понимали большевики цель социалистического производства, которое стремились создать? Что по этому вопросу было записано в Программе партии? Давайте остановимся на этом в связи с нашей проблематикой. Возьмем первый вариант Программы РСДРП, который разработал Георгий Валентинович Плеханов. Там было написано, что при социализме будет производство для нужд общества, или другими словами можно сказать для удовлетворения потребностей. Обратите внимание у нас с вами рассматривается сущность истории как движение к обеспечению полного благосостояния и свободному всестороннему развитию всех членов общества, а тут — для удовлетворения всего лишь нужд, а нужды — потребности. По этому поводу В.И. Ленин как член комиссии по разработки Программы написал, что этого недостаточно, такую-то организацию общества еще и тресты могут дать, и это действительно подтвердилось. То есть утверждать, что капиталистическое производство не удовлетворяет общественные потребности, неверно, другое дело, что при капитализме это не является целью производства. Цель производства капиталистического непосредственно, то есть на поверхности, — прибыль, но тот, кто хочет получить прибыль, должен какие-то общественные потребности удовлетворять или навязать нам какие-нибудь потребности, иначе он не продаст свою продукцию. И вот по настоянию Ленина в качестве важнейшей задачи победившего рабочего класса в Программе РСДРП бы-

ло записано введение планомерной организации общественно производительного процесса *«для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества»*. Эта формулировка перекочевала затем без изменений в Программу РКП(б), которая была принята после установления Советской власти на VIII съезде большевистской партии в 1919 году¹. Таким образом, та формулировка, которой выражено, что является целью производства при социализме, в соответствии с тем, что социализм действительно выражает сущность исторического развития, была заложена во вторую Программу партии, и эта Программа просуществовала у нас до 1961 года.

За судьбой этой формулировки очень интересно проследить, потому что мы тогда можем видеть, как отношение к цели производства и изменение формулировки цели производства увязаны с разложением социализма, которое стало происходить. До 1961-го года стояла указанная выше цель в Программе партии и в общем и целом она осуществлялась. В общем и целом, потому что не может в бытии все соответствовать сущности, то есть не может быть на поверхности явлений все в том самом виде, в каком оно заключено в самой сущности этого строя, наоборот, при социализме, именно потому, что это такой коммунизм, который еще только вышел из старого строя и во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном несет отпечаток того строя, из которого он вышел, очень много есть противоречий и много противоположного тому, что составляет природу коммунизма.

Ниоткуда, кстати, не следует, что именно коммунизм должен победить содержащееся в нем его отрицание, а не вот эти противоположные ему моменты, которые могут взять верх. Правда, если себя убеждать, что социализм победил не только полностью, но и окончательно, то уже можно ничего не делать, объявить развитой социализм

---

¹ См. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 419.

и не замечать, как социализм разваливается. Потому что, если считать, что он сам по себе окончательно победил, то ничего не нужно предпринимать для борьбы с противоположными тенденциями, противоположные тенденции тогда не видны, хотя и действуют, то есть мы становимся слепыми, по крайней мере, на один глаз или на оба, и тогда тенденции разрушения социализма берут верх.

Как же формулировалась цель социалистического производства в «обновленной» программе партии, которую приняли в 1961 году при Хрущеве. Как? Ведь при Сталине вообще партийная Программа не менялась. Он занимался не изменением Программы, не реформированием, а организацией выполнения того, что в Программе намечено. Поэтому никакого изменения в Программе не было, а зачем ее менять? Программу надо выполнить, тогда естественно встает вопрос о следующей Программе, о том, что дальше будем делать. Но есть такой способ скрыть, не показать, что Программу не выполняют, — взять и поменять эту Программу. Когда менялась партийная Программа, не будучи выполненной? При Хрущеве и при Горбачеве. И умерла КПСС с новехонькой ревизионистской программой.

Ну, а как, вы думаете, была записана цель социалистического производства в третьей Программе партии? Цель была записана так: все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Выходит, что если есть потребность в алкоголе, она растет, потому что ее все более полно удовлетворяют, так давайте ее удовлетворять еще полнее, чтобы обеспечить ее еще больший рост. И это стало происходить. Между тем, все развитые человеческие потребности приобретены благодаря тому, что сначала человека воспитывают таким образом, что он начинает что-то потреблять или чем-то заниматься, потом это становится его потребностью, то есть человек испытывает это как нужду, а иначе у него дан-

ной нужды нет. Удовлетворение потребностей может быть записано как обеспечение благосостояния. Но обеспечение благосостояния — это создание возможностей для всестороннего развития. Однако недостаточно только обеспечить условия для всестороннего развития. Человек может иметь условия для развития, но если не сделать целью само это развитие, то развития может и не быть. Так что же поэтому должно являться целью производства? Не только обеспечение благосостояния, но и всестороннее развитие всех членов общества, а не отдельных личностей.

Если вы откроете первый том Сочинений Сталина и найдете там статью «Анархизм и социализм», то сможете увидеть, как Сталин ставил вопрос о цели. Сталин пишет, что анархисты говорят: освободим личность, тогда будет свободна и масса, а мы говорим: освободим массу, тогда будет свободна и каждая личность. Проблема цели движения поставлена в плане противоположности марксистской и анархистской позиций. Если вы возьмете формулировку Ленина: «обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества», то убедитесь, что она делает ударение на развитии именно *всех* членов общества. Чтобы не пропустили, не забыли, отметили, подчеркнули для себя, усвоили: *всех*, а не только некоторых членов общества. ***Всех членов общества*** означает, что не должно дело сводиться к развитию одних за счет других. Вот о чем идет речь.

А отдельные личности всегда, при любом строе развивались. Скажем, в Древней Греции шло развитие искусств, ремесла цвели, но не все развивались, а большинство членов общества было на положении говорящих орудий. Там была демократия. Это что, была власть большинства или власть меньшинства? Меньшинства, потому что большинство — рабы — вообще за людей не считались. Феодализм в этом смысле — более прозрачный строй, там никто в демократию не

играл, никакой демократии не было, никто про демократию не говорил, там было дворянство, которое осуществляло свое господство политическое и экономическое, и никого не обманывало, там было все просто и понятно — аристократия. И вот наступило время буржуазии. Ну, и сколько у нас рабочих в Думе? Нисколько. А крестьян? Ну, крестьян у нас просто нет. А вот в Думе царской была целая рабочая курия, и туда большевики провели своих сторонников и эту рабочую курию полностью завоевали. Нет сейчас такой курии. То есть царская Дума в этом смысле была более демократична с точки зрения приобщения народа к власти, чем та, которую мы наблюдаем сегодня. Пролетарская демократия была властью большинства, а нынешняя демократия — это власть меньшинства или, как шутят, это власть демократов. В эксплуататорских обществах демократия — это власть меньшинства, а при социализме пролетарская демократия — это власть большинства и именно поэтому означает отмирающее государство. По мере исчезновения отпечатков капитализма это государство отмирает, а поскольку при социализме нет таких классов, которых надо систематически подавлять, постольку пролетарская демократия в этом смысле является полугосударством — это еще классовое насилие, но уже с отрицанием этого насилия.

В результате построения социализма в СССР мы получили общество, в котором цель, которая была выставлена просто как разумная цель, — обеспечение благосостояния и всестороннее развитие всех членов общества, как цель, которая сформулирована на основе изучения сущности истории, эта цель была поставлена как цель производства нового общества, и, следовательно, мы получили общество, в котором эта сущностная цель стала и непосредственно реализуемой целью. Это может быть рассмотрено как пример того, как то, что разумно, становится действительным. И это имело место, по крайней мере, до

хрущевского периода. Ну а то, что все новое на первых порах очень часто не выдерживает натиска старого, это мы с вами знаем.

Остановимся немножко на диалектики борьбы нового со старым, через которую идет всякое развитие. Ведь то движение, о котором мы с вами говорили, что оно совершается с торможениями, с возвратами и так далее, идет через борьбу противоположностей. Скажите, пожалуйста, можно ли считать усвоенным, что всякое развитие, то есть движение от низшего к высшему, от простого к сложному, идет через борьбу противоположностей, то есть через борьбу нового передового со старым отживающим? Скажите, новое, когда рождается, сильнее старого или слабее? Слабее. Скажите, пожалуйста, в борьбе побеждает, выигрывает сильнейший или слабейший? Сильнейший. Значит, кто будет выигрывать, когда родится новое? Старое. Значит, старое будет душить, давить это новое. А какие дальнейшие движения? К чему это приведет? Раз это новое — передовое, то оно в этих поражениях крепнет и, наконец наступает такой момент, когда это окрепшее новое начинает на равных бороться со старым и затем теснить старое, начинает победоносно вести себя по отношению к старому. Но тут появляется новое, по отношению к которому наше новое, которое стало крепким и сильным, является старым, поэтому бывшее новое, которое теперь уже старое, наносит поражения новому новому, но не может уничтожить его, поскольку новое — передовое, и процесс повторяется сначала.

На примере с формулировкой цели социалистического производства можно увидеть, какая на самом деле идеологическая борьба разворачивается вокруг понятий. Приведенная нами формулировка не вызвала никаких возражений. Но точно так же могла не вызвать возражений и другая формулировка, сводящая дело к удовлетворению потребностей человека или личности. На самом же деле целью

является, во-первых, обеспечение благосостояния и, во-вторых, уже не просто и не только *обеспечение* всестороннего развития всех членов общества, а *само это развитие*. Сущность истории проявляет себя в тенденции исторического развития, которая в коммунистической формации осуществляется благодаря сознательному планомерному движению к соответствующей этой тенденции цели. И, следовательно, на поверхность выступает то, что соответствует сущности. Сущность *выявляет* себя и становится поэтому *действительностью*. То, что на поверхности, в бытии или в сфере существования, отвечает сущности, есть действительное. А то, что этому действительному, тоже на поверхности явлений, противоположно, противоположно и сущности. Это всякого рода реакционные тенденции, факты, действия и их идейные проявления — реакционные мысли и идеи, которые вступают с действительным в борьбу. Поэтому они есть, но они не действительны.

С одной стороны, мы говорили, что бытие не надо принижать, а, с другой стороны, Учение о сущности Гегеля посвящено как раз изложению причин, по которым не надо особенно и возвышать сферу бытия. Если мы имеем дело просто с бытием и оно ничем не обусловлено, не находится ни в каких связях, отношениях, оно очень легко превращается в прехождение. А как назвать такое бытие, которое не просто есть, а есть в связях, в отношениях, обусловлено, имеет основание, по отношению к которому является основанным, а не просто выскочило неизвестно откуда, как такое бытие назвать? *Существующее*.

В Учении о сущности Гегеля сначала рассматривается вопрос о движении поверхности, которая называется видимостью. Вот мы посмотрели на бытие в сфере сущности и выяснили, что это не бытие, а лишь видимость. С одной стороны, видимость — это то, что противоречит сущности, а, с другой стороны, поскольку противо-

положительное утверждение должно быть взято одновременно с первым, постольку видимость есть и выражение, видимость самой сущности. То есть видимость есть и выражение сущности, с одной стороны, и есть то, что противоположно сущности, с другой стороны. И поэтому от этой видимости надо оттолкнуться, то есть отрицать ее, все-таки идти снова к сущности и тогда это есть уже погружение в некое основание. А тогда то, что в видимости соответствует сущности, — это основанное. Иногда употребляют слово основа или фундамент. Основа — это нечто безразличное, — говорит Гегель. То есть две категории парные — это *основание и основанное*. Мы должны различать в истории, что на чем основано.

Сущность есть снятие, отрицание бытия, но когда мы эту сущность начинаем рассматривать, когда мы на нее смотрим, изучаем, исследуем, она как бы для нас снова становится бытием. И вот сущность, взятая как бытие, внешним образом, — это есть условия. То есть сущность, которая берется как бытие, это лишь условие. По этому поводу у Гегеля в конце первого раздела учения о сущности стоит такая сакраментальная фраза, что *когда для какой-нибудь сути дела созданы все условия, она вступает в существование*.

Если не созданы условия и предпосылки для революции, может она совершиться? А если созданы такие предпосылки и есть такая предпосылка, как наличие революционной партии, которая способна возглавить борьбу своего класса за завоевание власти, если эти все предпосылки и условия созданы, то суть дела вступает в существование. Здесь мы можем опираться на содержание соответствующего раздела Учения о сущности, который так и называется: **переход сути дела в существование**. То есть применительно к тому, что мы исследуем в истории, мы должны, взяв событие или явление, рассмотреть, откуда оно взялось, какие были предпосылки и условия для того, чтобы оно

появилось. Вот каковы были исторические предпосылки к созданию такого могучего государства, как Советский Союз с такой территорией, которая в сильно урезанном виде досталась теперь России? Какова в этом деле роль великого русского народа и русского государства?

А если нет предпосылок и условий для революции, чем заканчиваются восстания? Были предпосылки, чтобы победили восстания Пугачева или Степана Разина? Были предпосылки для победы? Восстания были, они расшатывали феодальный строй и тем самым послужили предпосылками для победы революции

Сложно и интересно выяснять, есть ли предпосылки и условия для того, что еще не произошло. Что значит предпосылки и условия? То есть надо выделить не какие-то посторонние факты, а те, которые проявят себя в этой сущности, но во внешней форме выступают пока просто как предпосылки и условия, а потом они будут проявлением сущности того, что стало. Например, Советы изначально были просто формой организации рабочих, а затем Советы стали формой власти, сущность которой — диктатура рабочего класса. То есть классовая борьба за полновластие Советов привела к возникновению новой сущности, и выяснилось, что Советская власть — это организационная форма диктатуры пролетариата. Сколько времени просуществовала эта организационная форма? До 1936-го года Советы избирались в трудовых коллективах, а это составляет суть Советов. Но когда они превратились в органы, которые избираются по территориям, то оказались в общем-то парламентской формой, примененной для осуществления власти рабочего класса при условии, что правящая партия была партией рабочего класса. А в результате ревизионистского изменения Программы КПСС на XXII съезде партия была объявлена не классовой, а общенародной, и государство — не классовым, а общенародным. Это в конечном счете привело к изменению классовой природы и партии, и государства.

Мы должны различать бытие и существование. То, что существует, то, следовательно, есть. А если мы сказали просто, что что-то есть, то, значит, мы абстрагировались от всех связей, от опосредствования, от отношений, от всего, что обуславливает это бытие. То есть если вам нужно сказать про что-то только то, что оно *есть*, не надо говорить *существует*. Если мы о каком-то событии говорим, что оно существует, тогда это на нас откладывает определенные обязательства в плане выяснения того, благодаря чему оно существует, в силу каких обстоятельств, в силу каких причин, на основании чего оно существует, чем обусловлено, потому что в этих предпосылках эта же самая сущность выражена только внешним образом. Потому что на самом деле сущность не оторвана от внешнего бытия, потому что сущность с внешним находится в единстве. И вот сущность как она себя выявляет на поверхности, это — явление. К примеру, все политические деятели являются представителями класса. Петр I является представителем класса дворян, и сила Петра I являлась выражением силы дворянского класса. По сущности Петр I был представителем и выразителем интересов этого дворянского класса, а не просто царем. Вон Павел был царем, взяли ему голову открутили и поставили Екатерину II — дворянский класс поставил. Екатерина II стала править. Ну, а было время после смутного времени, когда царя выбирали демократически после польских набегов. Первый Романов был избранным царем, а уже потом дальше цари передавали свою власть снова по наследству.

Когда мы идем от сущности к ее внешнему бытию, мы обнаруживаем явление этой сущности. Явления одной и той же сущности могут быть многообразны. Капитализм есть и в Европе, и в Америке, и в Африке. Но капитализм-то разный. Некоторые деятели, которые совершали контрреволюцию у нас в России в 1991 году, думали, что они будут жить, как в Америке, а с чего вы взяли, что будете жить, как в Америке? Там есть люди, которые думают, как бы наше производство

удушить и нас удушить, чтобы лучше самим жить. Почему они должны обязательно заботиться при капитализме о нашем благополучии? Конкуренция! Если две страны выпускают одну и ту же продукцию, производители в каждой стране думают, как разорить конкурента, и это вполне естественно, тут ничего нет такого непонятного.

Когда мы от сущности поднимаемся к поверхности, к бытию, получается явление, а если мы углубляемся в явление, что мы пытаемся найти? Вот явление, оно пульсирует, оно живое, а спокойное в явлении есть что-то? Во всем этом изменении, в бесконечных многообразиях что-то есть спокойное, устойчивое, повторяющееся, что бы можно было тем не менее зафиксировать в том, что совершенно не зафиксировано, а все меняется, все изменяется, все течет. Как называется спокойное в явлении? *Спокойное в явлении называется законом.* Закон явления. Например, закон стоимости как мы понимаем? Есть поверхностный закон спроса и предложения: чем больше цена, тем ниже спрос, чем ниже цена, тем выше спрос. Цены практически никогда не стоят на уровне стоимости, они все время колеблются вверх и вниз, но есть какой-то центр колебаний? Вот этот центр Маркс и нашел. Для капитализма свободной конкуренции это величина стоимости, которая определяется общественно необходимыми затратами труда на производство товара, а для капитализма уже более развитого, который исследуется в третьем томе «Капитала» вы можете прочитать, что центром колебания цен в силу разности органического строения капитала в разных отраслях, для того, чтобы обеспечить братство капиталистов, чтобы им было не важно, куда вкладывать капитал, чтобы везде была одинаковая прибыль на вложенный капитал, формой реализации вот этого принципа равенства прибыли на вложенный капитал является установление цен на уровне цен производства, которые исчисляются как издержки производства плюс средняя прибыль. Цены производства — вот центр колебания цен. Вот что выступает в виде рыночной

стоимости. То есть в одном случае — ниже стоимости, в другом случае — выше стоимость, но на уровне цен производства, равных издержкам производства плюс средняя прибыль.

Это был пример экономический. Ну, а если мы будем говорить о разных странах и государствах, то если это страны и государства буржуазные, то государство, как правило, имеет парламентскую систему, политические партии и всем объясняет, что здесь меньшинство подчиняется большинству, хотя на самом деле в парламентах в основном заседают представители правящего меньшинства. Вот это уже спокойное в явлении. Есть где-нибудь такое буржуазное государство, чтобы там в парламенте сидели по преимуществу рабочие и крестьяне?

Так мы пришли к понятию закона. И вот, если вы откроете в «Науке логики» соответствующий раздел Учения о сущности, вы обнаружите там, что за главой о явлении и законе, в которой говорится о том, что надо познавать не только беспокойный мир явлений, но и спокойный мир законов, идет рассмотрение категории действительного. Действительное — самая, можно сказать, нераспространенная категория. А ведь не только про билеты можно сказать, что ваш билет действительный или не действительный. Вообще в научных исследованиях обычно анализируют. Это что значит — анализировать? Разлагать. А почему вы не синтезируете? Только разлагаете, а надо синтезировать еще. То есть надо разбираться в нашем существовании, выяснять, что существует и соответствует сущности или прогрессу, а что существует и противоречит прогрессу, является выражением реакции, является выражением регресса. То есть на поверхности исторических явлений есть разные факты и действия, и не все, которые есть и существуют, должны быть признаны действительными. Вот то, что действительно, то разумно. А если вы видите что-то, на первый взгляд, неразумное, возможно, оно не действительное, но надо еще в этом разобраться. Как разобраться, что в историческом бытии дейст-

вительно, что не действительно? Надо исследовать это, прежде всего с точки зрения разума. А в чем состоит этот разум? А в том, что он включает в себя логически исправленную, освобожденную от зигзагов историю развития человечества. На основании этой истории можно сделать вывод, что соответствует прогрессу, что соответствует регрессу, поэтому то, что разумно, то действительно, а то, что не разумно, то не действительно. Речь не идет о том, что мне кажется, ибо это лишь кажимость, не о том, что мне видится, ибо это лишь видимость, и не о том, что нам представляется, ибо это лишь представление, а о том, что разумно. А «разумно» вовсе не значит, что это просто мнение. Гегель не случайно настаивает на том, что мы не должны знание опускать до мнения, а должны мнение возвысить до знания и тем самым избавиться от субъективизма. Свободным надо быть не только от других, чужих мнений, посторонних, но и от своего мнения, если оно не основано на знании. Только тогда я возвышаюсь над мнениями, если прихожу к знаниям, потому что знание — это соответствие понятия объекту. В этом плане вопрос о том, кто это знание открыл, кто эту истину добыл, — это уже другой вопрос. Важно знать, это истина или не истина. Поэтому можно сказать: что разумно, — то действительно. Так мы разыскиваем с помощью разума в бытии то, что является действительным и отличаем от того, что не является действительным.

С использованием категории действительного у нас пока плохо обстоит дело, потому что, чтобы оперировать этой категорией, надо разбираться с глубинными противоречиями и выявлять, как эти глубинные противоречия, познанные на уровне законов, проявляют себя на поверхности исторической жизни. И только то, что на поверхности исторической жизни соответствует движению сущности истории, можно считать действительным. Остальное есть, существует, но не действительно.

10. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Учение о понятии — заключительный раздел «Науки логики» Гегеля. Что такое понятие? Для ответа на этот вопрос можно начать вчитываться в подробности, в то, что говорит Гегель в книге «Учение о понятии» в третьем разделе «Науки логики». Но прежде полезно отметить, что «Наука логики» в Собрании сочинений Гегеля не случайно была издана в двух томах: первый том — «Объективная логика», который содержит Учение о бытии и Учение о сущности, и второй том — «Субъективная логика», содержащий Учение о понятии. То есть речь в третьем разделе «Науки логики» идет о *субъективной* логике.

В соответствии с триадичным построением «Науки логики» и с триадичным движением, которое характерно вообще для диалектического метода (тезис, антитезис, синтезис) **понятие — это синтез бытия и сущности**. То есть мы от сущности, которая есть снятое бытие или в которой во всей сфере движение было такое, на первый взгляд, странное — от ничто к ничто, то есть от сущности к сущности, вроде того, как говорят, «от сердца к сердцу», мы теперь снова возвращаемся к бытию. Но к какому бытию? К такому бытию, которое должно быть взято в единстве с сущностью, а бытие, взятое в единстве с сущностью, — это такое бытие, через которое сущность просвечивает, высвечивается. Вот такие формулировки давал Гегель, подчеркивая, что теперь предметом рассмотрения является не такое простое бытие, которое было в начале. По сути дела, разбирая вопрос о действительном, мы уже имели дело с сущностью, выявившей себя, это сущность, выступившая на поверхности явлений как бытие, выражающее сущность, то есть как бытие вместе с сущностью. Сущность, которая в единстве с бытием, но пока еще в форме бытия, в

сфере объективности. В Учении о сущности через сущность проступает бытие, а здесь мы снова вернулись как бы в сферу бытия, но вернулись уже в сфере субъективности, не забыв о том, что мы рассмотрели вопрос о сущности.

Скажем, мы рассмотрели вопрос о сущности истории и сразу можем сформулировать ярчайшее противоречие, которое прямо бросается в глаза. С точки зрения сущности истории идет движение к всеобщему обобществлению, движение к обеспечению полного благосостояния и свободному всестороннему развитию всех членов общества. Это сущность истории. А что мы имеем на поверхности? Особенно ярко это в современной России видится, что на поверхности мы имеем все частное, частные стремления, частный характер производства, частный характер собственности, и поэтому сущностному движению к дальнейшему обобществлению противостоит частный характер производственных отношений и частнособственнический характер производства. Каков же вывод? Вот мы смотрим на это засилье частной собственности и, в отличие от людей неглубоких, не должны говорить: ну, тут все частное, ничего нет общественного. Ну, как все частное? Давайте все-таки посмотрим на все эти элементы частной собственности повнимательней и увидим мелкие кусочки единого целого. То есть на поверхности явлений мы имеем все частное а, присмотревшись, видим, что представители капитала, которые заседают, скажем, в правительстве города, говорят: если мы не ограничим частный транспорт, то вообще у нас все остановится в городе, что надо развивать общественный транспорт, надо ему выделенную полосу давать. Поэтому стоять на точке зрения понятия — это стоять на той точки зрения, что мы, когда наблюдаем какие-то исторические факты, когда мы наблюдаем какие-то исторические явления, когда мы наблюдаем какие-то исторические действия, мы всегда должны

смотреть глубже, тем более не останавливаться только на том, что кто сказал. Ведь если кто-то что-то сказал — это мнение. А мы что должны делать — мнение возвышать до знания или знание опускать до мнения? Когда говорят о возвышении мнения до знания, имеют в виду, что надо освободиться не только от чужого субъективного мнения, но и от субъективности своего мнения. Возвысить свое мнение до знания. Но если у меня есть знание, то это, конечно, и мое мнение, и высказать я его могу, но это у меня не просто мнение, а убеждение. Почему убеждение? Потому что я знаю, что это так. Мы стремимся к тому, чтобы найти истину, а истина есть соответствие понятия объекту. Это самое главное. Мы можем чего-то не понимать в учении о понятии, может, до нас что-то не дошло или некоторые переходы для нас пока темны, но что такое истина, — мы можем сказать. Когда задают этот вопрос, который еще в Библии фигурирует, что есть истина, мы на него очень просто можем ответить. Истина есть соответствие понятия объекту. А что такое понять? **Понять — значит выразить в понятиях.** Мы для себя на всю жизнь сделаем такой вывод, что никогда мы поверхностными суждениями, поверхностными оценками не руководствуемся, мы пытаемся пойти глубже и определить: то, что лежит на поверхности, — это выражение сущности или противоречит сущности. Это вопрос, в котором надо разбираться.

Что мы должны твердо запомнить и для чего есть не мнение, а твердое основание? Раз мы знаем, что по Гегелю все диалектическое развитие идет так: тезис, антитезис, синтезис, то **понятие — это синтез сущности и бытия, но в форме бытия, а не в форме сущности, то есть это бытие, через которое сущность просвечивает, проступает.** Отсюда подход у нас с вами для выбора всякого рода определений, формулировок, когда нам нужно представить что-то по его понятию.

На поверхности явлений исторической жизни все в перевернутой форме бывает, у нас наши депутаты Госдумы изображают, что выражают волю большинства, тогда как на самом деле, по понятию, они выражают и проводят экономические интересы и волю правящего класса, составляющего меньшинство. Они создали такое право, согласно которому владелец 1% акций может с вооруженной частной охраной ворваться в кабинет к директору, вскрыть автогенном сейф, изъять первичные документы, выкинуть директора, выставить свою охрану и начать управлять этим предприятием, превратив его в свою собственность, а директора, если будет возражать, — послать в суд, который работает только с первичными документами, находящимися у рейдеров-захватчиков.

Или ситуация с дольщиками. Согласно действующему законодательству, пока ваша собственность на жилье не зарегистрирована, — у вас ее нет. А что, ее вообще нет? Дольщикам говорят: не волнуйтесь, вы будете не дольщиками, а инвесторами. Вот инвестиционный проект, давайте ваши четыре с половиной миллиона, будет вам однокомнатная квартира. Рассмотрим лучший вариант, когда что-то построят. Худший вариант — это когда вообще ничего не построили. Как это делается? После того, как деньги собраны, фирма объявляет себя банкротом. Это означает: «деньги я вам не отдам». Но мы возьмем такой случай, когда строительная фирма не только не обанкротилась, но и достроила дом. В чьей собственности построенный дом с недоделками — нет водопровода, электричества, двери не установлены и т.д.? У вас есть некий предварительный договор, который в общем ничего и не значит. В нем говорится, что вы участвуете в инвестировании строительства этого дома. И что? А ничего. А договор, что вам должны квартиру передать в собственность, есть? — Нет. И что дальше? Вы идете к застройщику и говорите — в квартире этого

нет, другого нет. Вам говорят — ждите. Через месяц у вас претензий меньше. А потом, глядишь, вы подпишете акт сдачи-приемки квартиры и сами, за свои деньги начнете устранять недоделки. Фирма-то ваши деньги получила, она теперь может хоть до бесконечности ждать. Раз вы не подписываете акт приемки-сдачи — значит, вам квартира не нужна. А цены растут — ее можно другому продать за шесть миллионов. А вам ваши четыре с половиной миллиона вернут, если, конечно, вы выиграете в суде, что далеко не факт. После подписания акта приема-передачи застройщик будет всячески затягивать регистрацию собственности. Что здесь делать? — Предположим, вы купили в булочной батон. А вам его не дают. Надо забирать батон и уходить с ним. Они что, милицию вызовут? — Так вы же батон оплатили. Или, скажем, детей не сразу по рождении регистрируют, а спустя какое-то время. Так что, пока ребенка не зарегистрировали, — его и нет? Так что надо фактически овладевать квартирой. Хоть старую табуретку из дома принести и сесть на нее. Не надо впадать в юридический фетишизм, слушать юристов, которые говорят, что до регистрации у вас, якобы, нет собственности, потому, что они, как правило, не владеют понятиями. Первично — понятие, а уж потом — законы.

Понятие собственности есть, это не такое уж сложное понятие. Но понятие должно отвечать требованию понятия, то есть быть таким, чтобы через него просвечивала сущность, а по форме чтобы оно было бытием. В плохих учебниках сплошь и рядом можно прочитать что-то вроде: «собственность — это отношения между людьми по поводу вещей». Вот я поругался с кем-то из-за вещи — это, что собственность? Гегель бы сказал, что это — суждение о собственности. Суждение имеет вид: субъект есть предикат. Роза есть растение, коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Это

что, определение розы и определение коммунизма? Нет, это суждения о них.

Чтобы понять, что такое собственность, надо знать содержание такого понятие, как владение. Владение — это фактическое господство над вещью. Вот, скажем, я возьму ваш мобильный телефон. Кто владелец? — я, я ведь с этим телефоном могу сделать все, что мне в голову взбредет. Чего здесь не хватает, чтобы этот телефон стал моей собственностью? — Общественного опосредствования. Я могу обратиться к слушателям: вот, я преподаватель ваш, вам, в конце концов, экзамен мне сдавать. Ну, признайте вы, что это мой телефон. Зачем он этой девушке? Что, она умрет без него? Признаете, да? — ну, я пошел с телефоном, теперь это уже моя собственность. Потому что владение, которое общественно закреплено и опосредствовано, является собственностью. Определение собственности, взятой в форме бытия, имеет следующий вид: *собственность есть отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим*. Субъектом может быть любой: человек, группа людей, государство, общество. Если собственником является общество, то это — общественная собственность, в других случаях — частная. Это определение собственности дал Маркс. Маркс изучал Гегеля, поэтому это определение отвечает логическим критериям: по форме имеем бытие, но через него просвечивает сущность. Бытие здесь — отношение человека к вещи. А сущность — в последних словах: *как к своим*.

По внешней форме бытие здесь выражается самым словом «собственность», «со-быть» — быть со мной. Подразумевается, что если я в этом пиджаке сюда пришёл — это моя собственность. Хотя, может, я его сегодня ночью с кого-то снял. Как узнать, это моя или не моя собственность? И что значит «со-быть»? Воспринимается как продолжение человека в объективности. Вот вы сидите в своей кур-

точке, а это ваше продолжение в объективности. Куртка — это же не вы, ее можно снять. Как говорил Маркс, собственность — это ваше удлиненное тело. В удлиненное тело входят портфель, очки, ботинки. Это все объективные условия производства — вы же не пойдете на работу без ботинок. То есть, «удлиненное тело» — это бытие. А суть — то не в этом. Суть в том, что эта вещь и в общественном бытии, и в общественном сознании закреплена за вами. Суть — в общественных отношениях. Если, например, речь идет о наследстве — то в юридических отношениях. А экономическое содержание собственности — в производственных отношениях.

Все понятно? Сейчас проверим. Вот у Вас есть собственность на вашу голову? Говорите, есть? Я же говорил: по понятиям надо жить, по понятиям. Обратимся к понятию собственности. Собственность — это отношение к объективным условиям производства как к своим. Что, голова — объективное условие производства? Вы что, гвозди забиваете головой? Голова — субъективное условие производства. Это, во-первых. Во-вторых, я же объяснял, что собственность — это ваше продолжение в объективности. Что, разве голова отделена от вас? Ваша голова — это вы, вам не надо доказывать, что это ваша голова с помощью категории собственности, она и так ваша. Вопрос о том, ваша ли это голова, может встать, например, только после какой-нибудь катастрофы. Не надо доказывать собственность на то, что и так моё собственное — природным образом, а не общественным. Было сказано, что суть собственности — в общественных отношениях, в общественном закреплении. Не нуждаетесь вы в общественном закреплении того, что это ваша голова. Это моя голова и все, никакая категория собственности для этого не нужна.

В собственности по ее понятию может быть только то, что является объективным условием производства. Отсюда вывод, что собст-

венность на идею, собственность на открытие — это противоречит экономическому понятию собственности. Поэтому и не получается у капиталистов с «правом на интеллектуальную собственность» — она от них все время ускользает. Регулярно по телевизору показывают, как уничтожается «контрафактная продукция», но коренных успехов здесь нет и быть не может. Ведь если я вам рассказал, передал какую-либо идею — она у меня осталась. Вот если я передал вам вещь — ее у меня больше нет. Но с идеями совсем не так. Ну, сделали открытие на основе предшествующего развития науки — молодцы, делайте следующее. Но нет, хотят до конца жизни получать деньги за первое открытие. Лев Толстой умный был — он понял, что после его смерти вместо того, чтобы его книги издавать по всему миру, могут начать на нем деньги большие зарабатывать — вот это издательство может издавать, а все остальные — нет. Поэтому в завещании он написал, что завещает свои произведения издавать без соизволения родственников. И что плохого? Ведь это — не объективное условие производства, а мысль. А собственность — это отношение субъекта к *объективным* условиям производства как к своим. То, что является экономически оправданным, может принимать форму товара. Что у нас не продается, скажите, пожалуйста? Например, среди вас есть те, кто обучаются по бюджету? Вот они получают образование. А те, кто платит за обучение — покупают образовательные услуги. Кто продавец? Юридическое лицо — Университет — вам эти услуги продает. Причем за такую цену, что я, профессор, учить могу, а учиться уже не смог бы — зарплаты не хватило бы. А что, если с вас соберут больше денег — я буду лучше преподавать? Нет, конечно. А в чем дело? В том, что можно получать много денег, не создавая заводов, фабрик, производящих реальную продукцию. Пришли студенты, с мам и пап их собрали — в общей сумме получают миллионы долларов. Так

что продавать то, что не является объектом собственности, можно. Это называется иррациональная форма.

Маркс писал, что земля, девственная земля, в которую не вложено никакого труда, — не товар. Ведь товар — это продукт труда, производимый для обмена. Наши либералы ввели частную собственность на землю. А ведь Маркс в третьем томе «Капитала» много времени уделил тому, чтобы доказать, что государственная собственность на землю, ликвидируя абсолютную ренту, ускоряет развитие капитализма. Ведь в ином случае капиталист вынужден содержать паразита — собственника земли, который получает земельную ренту. И эта рента, увеличивая издержки производства, замедляет развитие капитализма. И потому кампания по передаче земли в частную собственность буксует. Она противоречит капитализму, является реакционной даже по отношению к капитализму. Если уж хотите развивать капитализм — уберите частную собственность на землю, сделайте землю государственной. А если вы не хотите развивать капитализм — то, извините, вы не капиталисты.

Вот так обстоит дело с понятием собственности. Это понятие очень важно для историков, потому что вопрос о собственности — это ключевой вопрос во всех исторических битвах, которые были. Завладели землей, поставили охрану, общественным образом опосредствовали — и это стало в собственности. В чьей собственности? Того, кто раньше имел или в собственности того, кто поставил охрану? Возьмем историю освоения Северной Америки. Приехали завоеватели. Разные — и хорошие люди, умные, свободолюбивые, и бандиты, шантрапа всякая, которой ни с кем было не ужиться. И что они в первую очередь сделали? Уничтожили большинство индейцев, а оставшихся загнали в резервации. Поскольку североамериканские индейцы никак не превращались в рабов, сколько бы демократичные амери-

канцы ни пытались их огнем и мечом склонить к этому. Затем демократичные американцы завезли рабов из Африки. Человек, к которому относятся как к продолжению самого себя в объективности, как к объективному условию производства, как к говорящему орудию — это уже собственность рабовладельца. Когда в России передовые умы во весь голос начали говорить о необходимости покончить с крепостным правом, в демократической Америке рабовладение достигло расцвета. Полтора миллиона рабов погибло только при перевозке из Африки, в трюмах задохнулось. В России в то время было царство свободы по сравнению с Америкой.

А в Антарктиде есть частная собственность на землю? Нет. Там сложились такие общественные отношения, когда вы можете приехать в любое место, поставить палатку и заниматься научными исследованиями во благо человечества.

Или, вот, скажем, у нас распространена ещё такая глупость — собственность на квартиру. На Западе это тоже есть, но в гораздо меньшей степени. Вот у вас собственность на квартиру, то есть отношение к квартире как к своей. А у меня — собственность на лестницу в вашу квартиру. Платите деньги за проход. А на крышу у вас есть собственность? А на подвал? А толщину стен вы меряли? Не забейте гвоздь больше, чем на половину толщины стены — там уже чужая собственность! С точки зрения теории собственности, с точки зрения того понятия, которое мы сегодня рассматриваем, можно купить маленький дом или большой дом и сдавать в нем квартиры арендаторам. Но что такое собственность на квартиру? Это ахинея. И вот нам говорят: кончается период бесплатной приватизации, бегите! Кончается период, когда можно бесплатно прыгнуть с пятнадцатого этажа. Причем, люди не читают законы. Я по долгу службы как профессор по кафедре экономики и права прочитал Жилищный кодекс.

Если у меня квартира в государственной собственности, то есть я её снимаю у государства, и если через наш дом решили автодорогу проложить, — то мне должны дать новую квартиру из расчета по 16 кв. метров на человека. А если у вас жилье в собственности, то закон предусматривает компенсацию за сносимое жилье по его рыночной цене. Скажите, пожалуйста, сколько стоит сносимое жилье по рыночной цене? И станете вы бомжом. Это если строго по закону действовать. А по понятию? Собственность — это отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим. Основа производства — работники. А какой из человека работник, если ему негде жить? Если вы хотите, чтобы человек на вас работал — ему в первую очередь надо предоставить нормальное жилье.

С понятием собственности мы разобрались. И оно строго соответствует критерию понятия — в нем через бытие проступает сущность. Теперь рассмотрим понятие производства, без которого также не обойтись в историческом исследовании, поскольку в основе всякого развития лежит производство. Так что же такое производство? Подойдем к понятию «производство» так же, как мы до этого подошли к понятию «собственность».

Сформулируем понятие «производство» так, чтобы оно по форме было бытием, но через него просвечивала сущность. Интуитивно мы понимаем, что сущность производства — не просто в том, что кто-то что-то произвел. Посмотрим на то, как кто-то, совершая обмен веществ между человеком и природой, удовлетворяет с помощью этого процесса, с помощью своей деятельности, свои потребности. Целесообразная деятельность, направленная на присвоение объектов природы для удовлетворения своих потребностей — это что? *Деятельность, которая состоит в обмене веществ между человеком и природой и приспособляющая предметы природы для удовлетворения*

человеческих потребностей — это труд. Если я вместе с Робинзоном нахожусь на необитаемом острове и копаю, то это труд. А если вы возьмете общество капиталистическое — там есть труд? Есть труд. А в социалистическом обществе? Тоже есть. Но это разный, наверное, труд. А чем отличается? Человек, который просто копает, скажет: ничем не отличается. Там копал, тут копаю, а вы со своими формациями... Мне-то какое дело? Это труд. А производство — это другое.

Скажите, может быть такое: труд не совершается, а производство идет? Если такие примеры есть, — это экзотические примеры или широко распространенные? В качестве примера можно привести автоматическое производство, но есть и более общий пример, известный испокон века. Зимой земля покрыта снегом, крестьянские руки к ней не прикасаются. А озимые — растут, производство сельскохозяйственных культур идет. Хоть, может, и не всегда так быстро, как нам хотелось бы. И это не какой-то частный пример. Или, скажем, изготовление вина. Когда вино выдерживается, годы, а то и десятки лет никакого труда не производится, а производство идёт. Поэтому производство нельзя отождествлять с трудом.

Теперь сформулируем понятие производства. ***Производство есть процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством ее.*** Все ли здесь слова понятны? Иногда говорят: я занимаюсь производством идей. А что у тебя за средство производства? — Голова. Ну, хорошо, а какие предметы природы ты при этом присваиваешь? Некоторые на потолок смотрят, когда думают. Что, потолок — присваиваемый предмет природы? Предмет природы — это вещь природная. Нет отдельной науки «Экология». Само производство определяется как процесс присвоения предметов *природы*. Скажем, производство табака надо рассматривать не как отдельные акты, а как полный процесс — от расчистки

территории под плантацию до утилизации окурков. Экологию можно считать разделом политической экономии. Политическая экономия — это наука о производстве, о производственных отношениях. Можно сказать, часть исторической науки. Историческая наука базируется на методе исторического материализма и предполагает изучение производства.

Итак, по внешнему виду, с точки зрения бытия производство — процесс присвоения предметов природы. А что значит «присвоить»? Это значит превратить в процесс своей жизнедеятельности. Например, идет человек и от батона откусывает. Это значит, что батон поступает в желудок, там переваривается и дает человеку энергию, дает возможность осуществлять жизнедеятельность. Человек таким образом присваивает батон. То, что было природным, стало очеловеченным. Что такое «ноосфера»? Очеловеченная, преобразованная природа. Что такое парк, чем он отличается от леса? Тот же лес, но только очеловеченный. Вот тополь большой вырос, ему вершину отпиливают, остается ствол с несколькими веточками. Это — «очеловеченный» тополь. И у нас чем дальше, тем больше природа очеловечивается. Так что по-разному можно присваивать элементы природы. Можно улучшать предметы природы — выводить новые, лучшие виды растений и животных. А можно так «очеловечить», как вокруг какого-нибудь химического комбината. И то, и другое присвоение предметов природы имеет место. Но это внешняя форма, бытие производства. А в чем его сущность? В том, что производство всегда идет в рамках определенной формы общества и посредством ее. И без этой формы общества, без посредства этой формы общества производство не идет. Нет никакого процесса присвоения предметов природы — вы присвоите, а другие придут и отнимут. Форма общества должна сохранять то, что вы своим трудом добыли. Хотя форма об-

щества может быть и такая, что одни трудятся, а другие — забирают результаты труда. Нет, конечно, во всех эксплуататорских обществах разумные представители правящего класса обязательно оставляют часть произведенного продукта непосредственным производителям. Иначе вымрут те, на ком зиждется благосостояние высших классов. Поэтому сущность просвечивает в словах: «в рамках определенной формы общества и посредством ее».

Если мы таким образом будем выбирать себе формулировки понятий, тогда мы будем соблюдать те требования, которые есть в третьем томе «Науки логики» Гегеля. Это надежные, на всю жизнь понятия, с ними не запутаешься. Это короткое понятие, которое если вы раскрываете — вы его углубляете. А встречаются и такие формулировки, которые представляют не фундамент для анализа, научного исследования, а своего рода орнамент.

Непросто формулировку понятию дать. Например, вот культура — это что? Не знаете? Ну вот, может, мы некультурные и этого не знаем. Или ещё хуже — мы культурные, а никто не знает, что мы культурные. Когда задаешь вопрос «что такое культура?», нередко отвечают: «есть 500 определений культуры». Пусть тысяча, но хоть одно-то вы можете сформулировать? Я ж не спрашиваю, сколько определений? Или спросишь у специалиста по религии: «что такое религия?», а он отвечает: «так много определений религии»...

Я, конечно, 500 определений культуры не буду давать, ограничусь одним: культура — это накопленный опыт человечества, материальный и духовный. Сущность здесь просвечивает в слове «человечества». Поэтому, строго говоря, нельзя говорить, например, о «культуре андерграунда». Культура — это накопленный опыт человечества, а не опыт отдельных людей или групп, нередко противопоставляющих себя человечеству. Они имеют опыт, но их опыт до

понятия «культура» не доходит. Они тормозят культурное развитие человечества.

Итак, мы осмыслили понятие как единство сущности и бытия, но в форме бытия. Приведем последний пример. Товар — это вещь? Это определение товара или нет? Нет, здесь отсутствует общественная сущность. Скажем, вы вырастили огурец и съели. Какой же это товар? *Товар — это продукт, произведенный для обмена*, для обмена между людьми. Сущность его не в том, что он продукт, вещь, а в том, что он произведен именно *для обмена*. Если вы вырастили огурец для себя, а потом в силу каких-то обстоятельств понесли на рынок — по сущности это тоже не товар, хотя на рынке он выступает в форме товара. И лишь если вы с самого начала выращивали огурцы на продажу, то есть это — продукты, произведенные для обмена, то они и по форме, и по сущности — товары. Товар — это общественное свойство вещей, социальное свойство вещей. И не надо забывать, что товар — обязательно продукт, вещь. Не мысль, не идея, а, как у Маркса написано, — вещь.

Товары были уже и при рабовладении. И в Древнем Риме были люди, которые привозили из других стран вещи, которые посредством обмена передавались в потребление. Самое слабое определение товара — *продукт, переходящий в потребление через обмен*. Исторически товарное обращение предшествует товарному производству. Но сущность товара именно в том, что он *произведен для обмена*.

Мы должны свои суждения стараться доводить до понятия, доходить до понятий так, чтобы в форме бытия у нас просвечивала бы сущность. Этого надо добиваться, об этом надо думать. Имеется классификация понятий в «Науке логики». Есть понятия всеобщие, которыми занимается философия, понятия, которые относятся ко всему. Есть особенные понятия, относящиеся только к какой-то груп-

пе вещей, фактов, исторических событий. И есть единичные факты, единичные исторические эпизоды. Что богаче — единичное, особенное или всеобщее? Что содержательнее? Есть понятие «человек», есть понятие «житель Санкт-Петербурга» и есть конкретный человек, индивид. Какое понятие богаче? Индивид, конечно, богаче. В понятие индивида входит и то, что он человек, и то, что он житель конкретного города и много чего еще.

Из всеобщих понятий Гегель особо выделяет цель и идею. Что такое цель? Мы говорим, что человек отличается от других животных тем, что его деятельность целесообразна. Что самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что он не просто делает, как заведено, по рефлексу, а сначала ставит перед собой цель, а потом эту цель реализует.

Историки занимаются целесообразной деятельностью людей. Полководцы, государственные деятели, народные массы — все ставят перед собой цели. Эти цели могут совпадать, могут быть противоположными. Так что же такое «цель»? Очень часто люди о чем-то пишут, говорят, не понимая при этом, что же они имеют в виду. И возмущаются, когда их спрашивают о чем-то, что кажется очевидным: — Да что же вы такое спрашиваете? А вот, спрашиваю. Говорят: — не приставайте к нам, мы учимся в Санкт-Петербургском государственном университете, из стен которого выходят президенты.

Цель — предвосхищение результата какой-либо деятельности, к которому стремятся. Если «предвосхищать», что ничего не получится — это не цель. Бывают «умные» люди, которые говорят «ничего у вас не получится». — А почему? — А вы не так делаете. — А как надо? — А не так.

То есть, если просто сказать «цель — это предвосхищение результата», то получится то самое бытие. А если — предвосхищение

результата, *к которому стремятся*, то высветится сущность этого бытия, состоящая как раз в том, что к нему стремятся. Вожделенно. Без цели люди не действуют. Если человек не желает достигать цели, которая перед ним поставлена — значит, он достигает какие-либо другие цели, о которых нам неизвестно.

И последнее понятие, которое мы сегодня рассмотрим — идея. Имеется в виду идея как категория. Кто скажет, что такое идея? У вас идеи есть? Что? Идея — нереализованный результат? Значит, если я хотел сдать экзамен и не сдал, хотел написать диплом и не написал — значит, я полон идей? Вроде и неплохо, но как-то грустно. Ничего себе идея... Так, какие ещё есть идеи светлые? Идея, дорогие товарищи, — это, во-первых, *мысль*. Я с самого начала говорил, что философия занимается мыслями, больше ничем. Рот закрыл — рабочее место убрано. Во-вторых, *какая* мысль? Если вот такая мысль, что «воздух сух, как гвоздь»? Это идея? Нет, это не идея. А то, что Волга впадает в Каспийское море — это идея? Спасибо, порадовали... То есть, не всякая мысль — идея. ***А идея — это мысль, которая отвечает на вопрос: «что делать?»***. Здесь бытие то, что идея — это мысль. Но если вы не скажете, что делать — никакой идеи у вас нет. Если, к примеру, вы скажете: «как плохо живется нашему народу». Давайте я вам это буду рассказывать — дадут мне ещё 64 часа, ибо за 32 часа я не уложусь. Но если человек не может ответить на вопрос, «что делать?», а только рассуждает, кто виноват, то у него идеи нет, он просто рассказывает, как нам плохо. Идея должна состоять в том, *что делать*. Но, вот, скажем, выдвигалась и такая идея: чтобы не было бедных, надо ввести налог на бедность, чтобы быть бедным стало невыгодно.

Следует выделить и такое понятие: абсолютная идея. ***Абсолютная идея — это единство теоретической идеи***, которая отвечает на

вопрос «что делать?» теоретически, то есть идеи осознания мира *и практической идеи*, идеи преобразования мира или «идеи блага», как написано у Гегеля. И вот *«абсолютной» или «действительной» идеей или «идеей истины» по Гегелю является единство теоретической и практической идей*. Именно этим и заканчивается «Наука логики» Гегеля. Именно посредством этой «абсолютной идеи», через движение народных масс, классов, партий, государств, отдельных личностей, в деятельности которых соединяются как осознание мира, понимание его, так и преобразование мира — и происходит преобразование человеческого общества.

И если в самом начале наших лекций я говорил, что историки изучают то, чего нет, то теперь, с точки зрения учения о понятии, на том уровне, на котором мы теперь находимся, можно сказать: историки изучают современность как результат предшествующего развития человечества. А тот, кто не знает историю и диалектику как метод изучения истории, — подобен младенцу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
1. ПРЕДМЕТ И МЕТОД ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ.....	5
2. ИСТОРИЧЕСКОЕ БЫТИЕ.....	35
3. ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ.....	59
4. НАЛИЧНОЕ БЫТИЕ И ИЗМЕНЯЮЩЕЕСЯ НЕЧТО В ИСТОРИИ.....	93
5. ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ.....	120
6. ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ИСТОРИИ.....	144
7. КОНЕЧНОЕ И БЕСКОНЕЧНОЕ В ИСТОРИИ.....	164
8. СУЩНОСТЬ ИСТОРИИ.....	182
9. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	199
10. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ.....	217

Попов Михаил Васильевич
Лекции по философии истории

Набор О.Ю. Озеровой
Корректор С.М. Шульженко

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции

ОК 005-93, т. 2; 95 3005 — учебная литература

Подписано в печать 11.08.2010. Формат 60x84/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л.— 15.0 Уч.-изд. л.— 15.0 Тираж 200. Заказ 6263b

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного автором,
в Цифровом типографическом центре
Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел.: (812) 550-40-14

Тел./факс: (812) 297-57-76